

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Морозов Максим Александрович

**УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:

к.п.н., доцент Якименко Н.Е.

Санкт-Петербург, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
1. ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ.....	13
1.1. Характеристика современной публицистики.....	13
1.1.1. Понятие публицистический стиль в научной литературе.....	13
1.1.2. Особенности языка и основные тенденции современной публицистики.....	17
1.2. Узкое и широкое понимание фразеологии.....	23
1.3. Сфера функционирования и признаки коллокаций.....	33
1.4. Сфера функционирования и признаки эвфемизмов.....	43
1.5. Сфера функционирования и признаки перифраз.....	54
1.6. Лингвокультурологический аспект изучения устойчивых словесных комплексов, функционирующих в современной публицистике.....	67
1.6.1 Лингвокультурология в современной научной парадигме.....	67
1.6.2 Фразеологическое направление в лингвокультурологии.....	73
1.6.3 Языковая и фразеологическая картины мира.....	80
1.7. Лингвокультурологическое описание фразеологизмов.....	89
1.7.1 Основные положения учебной лексикографии.....	89
1.7.2 Классификация словарей лингвокультурологического типа.....	93
1.7.3 Принципы построения словарей лингвокультурологического типа.....	97
Выводы.....	101
2. ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ.....	106

2.1	Общий состав, характеристика и классификация материала.....	106
2.2	Лингвокультурологическое комментирование устойчивых словесных комплексов, функционирующих в современной публицистике.....	109
2.2.1	Лингвокультурологическое комментирование коллокаций.....	109
2.2.2	Лингвокультурологическое комментирование эвфемизмов.....	126
2.2.3	Лингвокультурологическое комментирование перифрастических единиц.....	143
2.3	Параметры лингвокультурологического словаря фразеологизмов публицистики.....	175
2.3.1	Словарная статья лингвокультурологического словаря.....	175
	Выводы.....	179
	Заключение.....	182
	Список использованной литературы.....	184
	Список словарей и источников.....	212
	Приложение 1. Образцы словарных статей.....	220
	Приложение 2. Список устойчивых словесных комплексов, отобранных для анализа	228

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено выявлению лингвокультурологического потенциала устойчивых словесных комплексов (УСК), используемых в современной публицистике, а также решению теоретических и практических вопросов представления УСК (коллокаций, эвфемизмов, перифраз) в учебном лингвокультурологическом словаре для иностранцев. В последнее время активизировался интерес к изучению УСК с лингвокультурологических позиций. Лингвокультурология является одним из наиболее крупных направлений языкознания, которое сформировалось в рамках антропоцентрической парадигмы, и изучает взаимовлияние языка и культуры, интерпретирует те или иные языковые проявления с точки зрения категорий культуры, конструирования в языке различных стереотипов, образов, символов, характерных для ментальности определенного народа.

Наиболее ценными объектами исследования становятся культурно маркированные языковые единицы, такие как различного рода УСК.

Зарождение фразеологии происходит на рубеже XIX и XX веков. Уже во второй половине прошлого столетия она превращается в мощную разветвленную систему знаний со своим объектом исследования, своими методами анализа, со своим кругом проблем (Шулежкова 2003: 5). Традиционно под фразеологизмом понимается семантически несвободное воспроизводимое в речи сочетание слов, устойчивое по структуре и, как правило, целостное по своему значению. Некоторые исследователи уточняют это определение, добавляя в список категориальных признаков фразеологизма экспрессивность. «Экспрессивно-коммуникативная, эстетическая функция для фразеологизма особенно важна, она, можно сказать, для фразеологического уровня гипертрофирована, возведена в абсолют и как бы оправдывает существование фразеологии как особого уровня» (Мокиенко 1986: 210). Фразеологизмы являются высокоинформативными единицами русского языка, в них отражена

национальная культура, нередко такие единицы безэквивалентны. Элементы культуры хранятся в денотате, для описания которого нужно расшифровывать метафоры, обнаруживать образы, соотносить слова с категориями культуры. Специфичность лингвокультурной общности выявляется также благодаря анализу образной основы (внутренней формы) фразеологизма (Георгиева 2002). Под УСК мы будем понимать устойчивые и воспроизводимые словосочетания с незамкнутой структурой неидиоматического характера, свойственные публицистике.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, диссертационное исследование проводится в рамках фразеологического и лингвокультурологического направлений лингвокультурологии, наиболее важных и востребованных в современной научной парадигме. Во-вторых, УСК разных разрядов частотны в газетной публицистике, обладают лингвокультурологическим потенциалом и поэтому представляют трудность для восприятия и понимания иностранными учащимися. В-третьих, отсутствуют учебные толковые лингвокультурологические словари УСК публицистической речи для иностранцев, не определены принципы описания УСК в лексикографических произведениях подобного типа.

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составили работы, в которых фразеологические единицы (ФЕ) изучались в следующих аспектах: структурно-типологическом (Ройзензон, Авалиани 1967; Ройзензон 1977; Добровольский 1988, 1990; Гизатова 2010), когнитивно-функциональном (Шанский 1969, 1996, Кубрякова 1988; Бабушкин 1996; Попова 2000; Болдырев 2001, Стернин 2003; Алефиренко 2009, 2011), лингвокультурологическом (Телия 1996, Захаренко 1997; Гудков 1999, 2003, 2006; Красных 2002, 2005; Зыкова 2003; Пасечник 2009; Ковшова 2009, 2012), этнолингвистическом (Мокиенко 1973, 1986; Черепанова 1977, Толстой 1983, 1995; Кириллова 1991; Березович 1997, Толстая 1999; Байшукурова 1999; Гончар 2006; Хроленко 1996, 2000, 2004, 2006; Жуков

В.П., Жуков А.В. 2006), психолингвистическом (Амосова 1956, 1961; Краснолуцкая, Малышева 2011; Демешева 2007), коммуникативно-прагматическом (Кубрякова 1988; Телия 1996; Арутюнова 1999; Колшанский 2005), стилистическом (Кунин, 1972; Вакуров 1978, 1983; Леонтович 1983; Изотова 1994; Бондарева 1994; Башиева 1995; Начисчионе 2001, 2010; Самаркина 2006 и др.), в том числе, в теории контекста (Ахманова, Гюббенет 1977; Гюббенет 1980; Салихова 1976, Колшанский 1980 и др.).

Следует отметить единичные диссертационные исследования, посвященные лингвокультурологическому анализу фразеологических единиц на материале публицистики (Сосой 2002, Пономаренко 2007).

Научная новизна данного исследования определяется тем, что изучение лингвокультурологического потенциала перифраз и эвфемизмов русского языка в современной газетной публицистике осуществляется впервые, новизна работы также состоит в выделении корпуса УСК, характерных преимущественно для газетно-журнального подстиля публицистического стиля речи; в выявлении УСК, способных отражать черты национального характера современного носителя русского языка; в разработке алгоритмов лингвокультурологического описания единиц каждого из рассматриваемых разрядов УСК; в определении принципов построения учебного лингвокультурологического словаря УСК, используемых в публицистике; в разработке моделей словарных статей учебного лингвокультурологического словаря для иностранцев.

Гипотеза исследования заключается в том, что выявление особенностей семантики, функционирования и национально-культурной маркированности фразеологических единиц, употребляемых в публицистике, разработка принципов и само лексикографическое описание русских УСК в учебном словаре лингвокультурологического типа, ориентированного на иностранных студентов-филологов, позволят в наглядной форме представить национально-культурные особенности на уровне стереотипов, образов и

символов УСК, что послужит оптимизации процесса межкультурной коммуникации.

Объектом данной работы являются наиболее актуальные разряды УСК, функционирующие в современной публицистике (коллокации, перифразы, эвфемизмы), а **предметом** – лингвокультурологический потенциал исследуемых единиц.

Целью данной работы является исследование национально-культурной специфики УСК, используемых в современных публицистических текстах, для определения принципов их лингвокультурологического описания.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) описать теоретическую базу исследования;
- 2) отобрать единицы для лингвокультурологического анализа;
- 3) предложить тематическую классификацию отобранных единиц;
- 4) разработать алгоритм анализа для УСК различных разрядов;
- 5) согласно разработанному алгоритму провести лингвокультурологический анализ русских единиц наиболее объемных тематических групп;
- 6) определить принципы построения учебного словаря лингвокультурологического типа (словаря УСК, используемых в современной публицистике), ориентированного на иностранных студентов-филологов, и разработать структуру словарной статьи данного словаря, представив модели словарных статей для разных разрядов единиц.

Для достижения цели и решения поставленных задач используются следующие **методы и приемы** исследования: дистрибутивный метод, метод компонентного анализа, описательно-аналитический метод, метод лингвокультурологического анализа, прием сплошной выборки материала из газет и журналов, прием направленного выбора иллюстративного материала с сайта «Национальный корпус русского языка» (ruscorpora.ru) и иллюстративного материала, найденного при помощи поисковых систем

«Google» (google.ru), «Яндекс» (yandex.ru), приём стилистической характеристики, а также приём количественных подсчетов.

Материалом для исследования послужили УСК, полученные путем сплошной выборки из различного рода толковых и фразеологических словарей, газетных публикаций, иллюстративный материал сайта «Национальный корпус русского языка», единицы, найденные при помощи поисковой системы «Google», «Яндекс», электронных словарей. В качестве источников рассматриваются такие газеты, как «Коммерсантъ», «Совершенно секретно», «Санкт-Петербургские ведомости», «Аргументы и факты» и др. Данные информационно-аналитические издания имеют разную целевую аудиторию: ежедневная газета «Коммерсантъ» и ежемесячник «Совершенно секретно» пользуются популярностью среди читателей с высшим образованием, представителей интеллигенции и бизнес-сообщества, еженедельник «Аргументы и факты» (по данным TNS, читательская аудитория одного номера превышает 7 млн. человек, то есть АиФ читает каждый 8-й житель России старше 16 лет) ориентирован на массового читателя и публикует материалы не только на общественно-политические, но и бытовые темы, «Санкт-Петербургские ведомости» являются ежедневной городской газетой для читателей с высшим образованием. К исследованию также привлекались журналы «Вокруг света», «Discovery», «GEO», «National Geographic», «Ветер странствий», «Атлас», «Туризм и отдых».

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в дальнейшую разработку методологии изучения лингвокультурологического потенциала УСК конкретного национального языка; выводы и результаты, полученные в настоящем диссертационном исследовании, могут способствовать дальнейшему развитию лингвокультурологического и лингвокультурологического направлений исследований. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы при разработке проблем описания особенностей собственно

русской языковой картины мира; при дальнейшем изучении УСК публицистики, а также при совершенствовании методик лингвокультурологического описания УСК.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты работы могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного, учебной лексикографии, при чтении лекционных курсов по фразеологии, лингвокультурологии, спецкурсов, посвященных языковой картине мира, курсов по лингвокультурологии, при создании учебных пособий.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1) в языке современной публицистики существует собственный корпус УСК, свойственных преимущественно газетно-журнальному подстилю публицистического стиля, в первую очередь, топонимические перифразы и экономические эвфемизмы. УСК в газетной публицистике являются источником лингвокультурологической информации, отражая стереотипы, символы, образы, актуальные для менталитета современного носителя языка.

2) анализ основных разрядов УСК на материале публицистики позволяет утверждать, что они обладают лингвокультурологическим потенциалом в разной степени: наименьший потенциал у коллокаций, затем – по возрастающей – следуют эвфемизмы и перифразы.

3) УСК, используемые в публицистических текстах, вербализуют ментефакты, идеологемы, наиболее значимые для языкового сознания в определённый отрезок времени. Интерпретация данных единиц с точки зрения стоящей за ними лингвокультурной ситуации позволяет реконструировать целостные ментальные образы, отображающие современное языковое сознание носителей одной лингвокультуры.

4) при восприятии современного публицистического текста участники речевого события должны иметь общие фоновые знания как

языкового, так и исторического, культурного, социального характера. Обучение русскому языку как иностранному будет осуществляться эффективнее, если описать в учебном словаре наиболее частотные УСК с точки зрения заключенной в них лингвокультурологической информации.

5) модель словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря для иностранных студентов-филологов будет достаточно репрезентативной, если будет строиться с учетом параметров, выделенных на этапе лингвокультурологического анализа единиц, включать обязательные и факультативные зоны и дополнительный набор позиций для каждого разряда фразеологизмов с целью демонстрации их лингвокультурологического потенциала.

Апробация результатов исследования. Теоретические положения и результаты исследования обсуждались на аспирантских семинарах кафедры «Русского языка как иностранного и методики его преподавания» и излагались в виде докладов на научных конференциях и семинарах: XII Межвузовской научной конференции студентов-филологов (СПб: СПбГУ, 2009); XIII Межвузовской научной конференции студентов-филологов (СПб: СПбГУ, 2010); на заседании Фразеологического семинара В.М. Мокиенко в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б.А. Ларина (СПб: СПбГУ, 2011); XIV Международной научной конференции «Русистика и современность» (СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2011); XVI Международной научно-методической конференции (СПб: СПГУТД, 2011); Международной научно-практической конференции (Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012); XVII Международной научно-методической конференции (СПб: СПГУТД, 2012); XV Международной конференции студентов-филологов (СПб: СПбГУ, 2012); XLII Международной филологической конференции (СПб: СПбГУ, 2014); на «выездном» заседании Фразеологического семинара В.М. Мокиенко (Репино, 2017). По теме диссертации опубликовано 14 работ,

из них в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, – 3.

Структура работы: диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списков использованной литературы, словарей и источников, двух приложений. Во введении определяются актуальность, новизна, гипотеза, цель, задачи, методы исследования, теоретическая и практическая значимость работы, объект и предмет исследования, источники материала, сформулированы положения, выносимые на защиту. В первой главе приводится характеристика и основные тенденции современной публицистики, ее соотношение с литературой и журналистикой; анализируется сфера функционирования и признаки таких разрядов УСК, как коллокации, эвфемизмы и перифразы; описывается место и роль лингвокультурологии в современной научной парадигме; рассматриваются проблемы лингвокультурологического описания фразеологизмов и основные положения учебной лексикографии; критически рассматриваются классификации словарей лингвокультурологического типа; анализируются принципы построения словарей лингвокультурологического типа. В главе раскрыто содержание основных терминов (публицистика, публицистический стиль, УСК, коллокация, перифраза, эвфемизм, языковая картина мира, фразеологическая картина мира, культурный код, образ, архетип, символ, эталон, стереотип, лингвокультурология, учебная лингвокультурология и др.).

Вторая глава посвящена анализу УСК, отобранных из текстов современной публицистики. Поэтапно на основе разработанных алгоритмов анализа коллокаций, эвфемизмов и перифраз проводится описание частотных единиц: социально-политических коллокаций, топонимических перифраз групп «Город» и «Государство» и эвфемизмов группы «Экономика». В завершение главы приводятся принципы построения

лингвокультурологического словаря УСК публицистики и структура словарной статьи. Заключение содержит основные выводы исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

1. 1. Характеристика современной публицистики

1. 1.1. Понятие публицистический стиль в научной литературе

Понятие функционального стиля впервые появляется в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» в 1929 году. Не получив сколько-нибудь широкого развития в западноевропейской лингвистике, оно приобрело популярность в советском языкознании и стало основой функциональной стилистики. Однако процветание, обозначившееся с 50-х годов XX века, заканчивается упадком конца 80-х – начала 90-х годов. По мнению К.А. Долинина, функциональная стилистика в это время фактически прекращает существование: публичная речевая деятельность становится разнообразнее, а отечественная лингвистика интегрируется в мировое языкознание. «Люди внутренне раскрепостились, отрешились от номенклатурного мышления, научились (или, по крайней мере, учатся) подходить к проблемам непредвзято и пересматривать устаревшие догмы» (Долинин 2004: 619). По мнению исследователя, существование единого газетно-публицистического стиля сегодня немыслимо. Действительно, находясь на пересечении научного и художественного, официально-делового и разговорного, публицистический стиль оказывается в центре живых межстилевых взаимодействий. Вследствие этого возникает принципиальный вопрос о многостильности – смешении стилей – и целостности публицистического стиля. Некоторые исследователи считают смешение стилей в публицистике приёмом, создающим особый стилистический эффект (см., например, Кожина и др. 2008: 356). В числе основных языковых

процессов, которые происходят в современной публицистике, ученые выделяют тенденцию к размыванию четких стилевых границ, распространение норм разговорного стиля, снижение речевой нормы за счет использования жаргонизмов, ненормативной лексики и т.д. (см, например, Добросклонская 2008: 14).

В современной научной литературе существует не менее ста определений публицистики. Приведём некоторые определения самого термина. Словарные дефиниции можно разделить следующим образом. В толковых словарях русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Ушакова, С.А. Иванникова, С.А. Кузнецова, Т.Ф. Ефремовой публицистика характеризуется как «литература по актуальным общественно-политическим вопросам современности» (Ожегов, Шведова 1997), «вид литературы, посвященный злободневным общественно-политическим вопросам современности» (Ушаков 2005), «общественно-политическая литература на современные актуальные темы» (Иванников 1998), «вид литературы, в которой обсуждаются злободневные вопросы жизни общества и открыто выражаются общественно-политические позиции их авторов» (Кузнецов 2000), «вид литературы, посвященной актуальным общественно-политическим вопросам и текущей жизни общества» (Ефремова 2000). Ключевые слова «литература», «актуальность», «злободневность», «современность», «политика» и «общество». Таким образом, вопрос соотношения понятий «публицистика» и «литература» решается в перечисленных словарях следующим образом: первая признаётся видом второй. Подтверждение находим в «Словарях литературных терминов» (1925) и (2003) и в «Литературной энциклопедии» (1929-1939), где под публицистикой также понимается «область литературы».

В «Энциклопедии» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (2002), «Большой Российской энциклопедии» А.М. Прохорова (1999) и «Словарях литературных терминов» А.Б. Есина (2003) и Л.В. Чернец (2002)

публицистика определяется как *род*, а, к примеру, в «Кратком словаре литературоведческих терминов» С.В. Тураева и Л.В.Тимофеева (1974) – как *жанр* литературных произведений. Однако, на наш взгляд, было бы неправильным выводить определение публицистики, исходя лишь из традиционного соотнесения ее с понятием «литература». Наиболее актуальным представляется понимание публицистики как деятельности субъекта. В таком случае ее можно охарактеризовать как «способ общественной деятельности, осуществляемый творческими методами и с использованием каналов массовой коммуникации» (Каминский 2007: 97). Эта дефиниция представляется нам наиболее удачной еще и потому, что акцентирует внимание на творческой составляющей и конкретизирует способ трансляции информации. Необходимо отметить одну из основных функций публицистики – убеждение. В таком случае справедливо определение публицистики как «убеждающей коммуникации» (Тепляшина 2000: 6).

В публицистическом стиле производитель речи совпадает с ее субъектом, именно в этом, по мнению Г.Я. Солганика, главная особенность публицистики, причина ее воздействия, силы и выразительности. Эмоциональность, однако, сочетается с точностью и документальностью. *Я* публициста обладает социальными, этическими и идеологическими смыслами. «Отношение к действительности – субъективно-объективное, прямое, оценивающее и анализирующее» (Солганик 2010: 31).

О соотношении понятий «журналистика» и «публицистика» исчерпывающе, на наш взгляд, говорит Е.С. Щелкунова, которая считает разведение понятий «журналистский текст» и «публицистический текст» излишним терминологическим дроблением вследствие синкретизма последнего. Исследователи определяют публицистику как вид творческой деятельности, а журналистику как способ её существования (Щелкунова 2004: 75-77).

Перейдём к рассмотрению основных функций публицистики. Исследователи выделяют когнитивную, коммуникативно-информативную, социально-преобразующую или директивную (социально-дидактическую, социально-просветительскую), идеологическую, эстетическую, языкотворческую, экспрессивную, фатическую, познавательную, аксиологическую, творчески-созидательную, побудительную функции (см., например, Полонский 2008; Тепляшина 2000; Самарская, Мартиросьян 2011). Исходя из определений публицистики, константной для большинства публицистических текстов, можно выделить функцию воздействия, тесно связанную с функцией информации, сообщения.

Публицистический стиль соединяет в себе информативность и стандартизованность, экспрессивность и оценочность, другими словами, в основе публицистики лежит чередование экспрессии и стандарта (В.Г. Костомаров 1971). Среди основных критериев публицистичности можно выделить наличие ярко выраженной авторской модальности, ориентацию на максимальную коммуникативную эффективность и тот факт, что производитель речи совпадает с ее субъектом. В качестве рабочего определения публицистики мы будем использовать дефиницию П.П. Каминского, который определил публицистику как «способ общественной деятельности, осуществляемый творческими методами и с использованием каналов массовой коммуникации» (Каминский 2007: 97). Также мы будем пользоваться термином «газетная публицистика», под которым понимается совокупность публицистических текстов, существующих «на газетной полосе». Однако наиболее полное представление о выбранном стиле позволит составить лексика, его образующая. Об этом пойдет речь в следующем параграфе.

1.1.2. Особенности языка и основные тенденции современной публицистики

Язык СМИ формирует публицистическую картину мира (ПКМ) (термин Г.Я. Солганика), которая создается, дополняется, меняется ежедневно и характеризуется дробностью, фрагментарностью и мозаичностью. ПКМ конструируется с точки зрения человека в обществе, но включает результаты научных исследований (философских, политических, социологических и др.). Г.Я. Солганик пишет, что проблема автора является главной для формирования ПКМ: публицистическое произведение всегда субъективно окрашено, однако автор стремится к объективности информации. Картина мира, создаваемая публицистом, прежде всего социальная (социально-политическая, социально-идеологическая и т.д.), жизнь индивида в обществе подвергается социальной оценке. Одним из наиболее востребованных сегодня способов не прямой оценки является ирония и крайнее ее выражение – стеб. Адресат публицистического произведения – аудитория – характеризуется широтой и разнородностью, поскольку перед публицистом стоит задача заинтересовать как можно большее количество читателей. При этом адресат (представитель общества, власти, толпы и т.д.) становится и объектом изображения (Солганик, электронный ресурс).

В языке публицистики выделяют константы и переменные (Радбиль 1998, Купина 2005, Малышева 2011). Первые, являясь публицистическими универсалиями, по мнению Н.И. Клушиной, в том или ином виде присутствуют в любой исторический период (Клушина 2004). Вторые – выдвигаются на первый план лишь при определённых обстоятельствах. Инвариантными признаются шкала ценностей, оценочность, идеологема и образ автора. Шкала ценностей (термин предложен Ю.В. Рождественским) подразумевает семантическую оппозицию «своё / чужое» и влияет на выбор

и распределение оценочных средств. В отличие от шкалы ценностей, тесно связанная с ней оценочность не ограничивается лексикой, а пронизывает тексты публицистического стиля насквозь и появляется уже на начальном этапе создания материала. Оценочность делят на открытую и скрытую (Ворожбитова 2000). Современные СМИ предпочитают завуалированное манипулирование массовым сознанием с помощью скрытых языковых механизмов формирования оценки. Выделяют два вида оценки: имплицитную (оценочные метафоры) и эксплицитную (оценочную нагрузку несет не слово, а контекст, квазисинонимическая ситуация, квазицитата) (Скляревская 2001). Манипулирование общественным сознанием, в частности, производится с помощью идеологем. Идеологема – термин, введенный в широкий научный оборот М.М. Бахтиным, под которым исследователь понимал способ репрезентации той или иной идеологии (Бахтин 1975), – целенаправленно воздействует на адресата с помощью определенной идеи, транслируемой посредством стереотипных номинаций на массовое сознание. В лингвистической литературе под идеологемой понимается вербальная единица, «непосредственно связанная с идеологическим денотатом» (Купина 2005: 91), «мировоззренческая установка (предписание), облеченная в языковую форму» (там же: 43), «любое словесное обозначение значимых для личности духовных ценностей, <...> на первый план выходят чисто оценочные, эмоционально-экспрессивные коннотации» (Радбиль 1998: 22). Большинство ученых сходится во мнении, что идеологемы – это единицы с политическим и идеологическим компонентом значения (Ворожбитова 2000; Гусейнов 2001; Заварзина 1998; Скляревская 2001 и др.). Г.Я. Солганик подчеркивает, что лексика, которая выражает важные идеологические понятия, наиболее употребительна среди различных пластов политического словаря газеты (Солганик 2012: 857). Определенная заданная идея (идеологема) реализуется в публицистическом тексте с помощью авторской оценочности,

интерпретации действительности, стратегии именования и выбранной адресантом стилистической манеры изложения (речевой агрессии, речевого одобрения или подчеркнутой объективности) (Клушина 2008: 68).

Е.Г. Малышева справедливо отмечает, что идеологема как «ментальная единица характеризуется национальной специфичностью, динамичностью семантики, повышенной аксиологичностью, частотностью и разнообразием способов репрезентации» (Малышева 2011: 102). Различают личностные («царь Борис» (о Б.Н. Ельцине), «царь-батюшка», «вождь мирового пролетариата» (о В.И. Ленине)) и социальные (ориентиры общества на конкретном этапе его развития, например, лозунги) идеологемы.

Н.И. Клушина выделяет группу концептуальных «вневременных» публицистических идеологем, формирующих, например, «образ врага» (внешнего / внутреннего: террористы, боевики) или «образ друга» (ранее – «страны СЭВ», теперь – «цивилизованные страны») (Клушина 2004: 51-53).

Н.А. Купина, рассуждая о приметах советской стилистики в современных газетных текстах, пишет, что произошедшая в конце XX века деидеологизация русского языка и общественного сознания, в частности, привела к идеологическому скептицизму, цинизму, идеологической растерянности, а также к вспышке идеологической агрессии. В результате в язык газеты вернулись опознавательные знаки советского идеологического кода (Купина 2012: 377). Очевидно, что процесс деидеологизации затронул не все слои общества, это подтверждают публикации региональных СМИ, которые продолжают поддерживать советскую стилистическую манеру, тем самым сохраняя иллюзию не прошедшего советского времени. Так, согласно наблюдениям Н.А. Купиной, мировоззренческий консерватизм, верность ценностным ориентирам советской идеологии обнаруживают районные газеты Среднего Урала и Зауралья (там же: 377-378).

В.Г. Костомаров на основе анализа ста газет за один день сделал вывод о том, что главной темой в советской прессе является тема труда (Костомаров 1971: 35). Исследование

Н.А. Купиной подтверждает, что эта тема остается ведущей и сегодня. «В газетах Урала регулярно используются сочетания со словами группы «труд». Набор стандартных атрибутивных сопроводителей к базовой номинации труд (честный, бескорыстный, самоотверженный, благородный, ударный), клишированные сочетания *трудовой коллектив, трудовые традиции, трудовые навыки, трудовой подвиг, трудовые достижения, трудовая династия, трудящиеся района, трудящиеся Урала* – все эти средства не только выделяют тему труда как особую, фундаментальную, но и обуславливают ее развитие в советской стилистической манере» (Купина 2012: 378). Тексты с такими идеологемами выполняют своего рода терапевтическую функцию, укрепляют веру в нерушимость идеалов лингвокультурного сообщества, сложившегося во времена СССР, а советская стилистика оказывается востребованной людьми, не изменившими образ жизни и образ мышления, которые сформировались в советское время (там же: 384).

Образ автора, хоть и универсальная категория, однако наиболее отчетливо она проявляется в художественных и публицистических текстах, причём для последних характерен изоморфизм творца и творимого. К «переменным» языка современной публицистики относят интертекстуальность, иронию, языковую игру, которые используются не просто в качестве стилистических приёмов, а в роли стилеобразующих черт публицистического дискурса. Актуализация этих «переменных» может быть вызвана возросшей экспрессивностью публицистики, ориентацией автора на творчество, а не на стереотип. Интертекстуальность, ирония и языковая игра выполняют две текстовые функции: могут быть либо стилистическим приёмом (интертекстуальность проявляется в аллюзиях, реминисценциях, намёках; языковая игра – в каламбурах, графических окказионализмах; ирония – в различных тропах, например, антифразис и проч.), либо создавать

вертикальный (от рубрик и заголовка) контекст, порождающий двуплановость и многоплановость текста (Клушина 2004: 51-54).

Как пишет В.Н. Вакуров, «сама природа фразеологизма позволяет использовать их как средство достижения комического эффекта» (Вакуров 1969: 35). Особенности фразеологического каламбура исследователь рассматривал на материале публицистики. В.Н. Вакуров выделил два типа создания «фразеологического образа» путём семантических преобразований: 1) от фразеологизма к прототипу (первичен фразеологизм и к нему присоединяется свободное сочетание); 2) от свободного словосочетания к фразеологизму (первичным оказывается свободное сочетание) (Вакуров 1994: 44). Ученый отмечает, что «при семантических преобразованиях одно и то же словосочетание воспринимается и как семантически целостное, неразложимое, устойчивое, и как свободное, семантически разложимое» (там же).

Экспрессивность достигается, в частности, когда, с одной стороны, используется высокая книжная, а с другой – разговорная и просторечная лексика и фразеология. Современные авторы, характеризуя словарь публицистического стиля конца 1990-х – начала 2000-ных, говорят об употребительности слов и оборотов речи жаргонного происхождения. По статистике, которая приводится в толковом словаре «Слова, с которыми мы все встречались» (Ермакова, Земская, Розина 1999), в газетах и электронных СМИ насчитывается несколько сотен таких единиц. Приблизительно четверть словника упомянутого словаря зафиксирована в Толковом словаре русского языка (Ожегов, Шведова, 1997) с пометой *прост.* Можно сделать вывод, что такие слова функционируют в современном русском литературном языке как литературное просторечие, «в том числе, и прежде всего, в публицистическом стиле» (Максимов 2007: 121-122). Ядром лексико-фразеологического фонда газеты, как отмечает Г.Я. Солганик, является общественно-политическая лексика, которую исследователь называет

«своеобразной терминологией публицистики, неотъемлемой частью газетного лексикона, <...> своей, подлинно публицистической (газетной) лексикой» (Солганик 2012: 857). Взаимодействие с политикой, наукой, искусством, литературой, религией и др. делает язык СМИ политематическим, охватывающим все стороны материальной и духовной жизни. Целостность языка СМИ при таком разнообразии затрагиваемых тем обеспечивается благодаря тому, что любые события и факты рассматриваются с социальной или социально-политической точки зрения. Рассуждая о том, что язык СМИ обладает высокой проницаемостью, открытостью для разнородных влияний, Г.Я. Солганик говорит о вхождении через язык СМИ в литературный язык политических терминов, например, *вертикаль власти, правовое государство* и др. «Широко используется (осваивается) научная лексика (особенно экономическая). В связи с усилившимся влиянием религии активизируется религиозная лексика (там же: 860).

Парадоксография (погоня за экстравагантным, сенсационным), безнравственность (прежде всего интерес к сексуальным проблемам, нетрадиционной сексуальной ориентации), склонность к описанию «негатива», «эсхатологическое комментирование» событий, – такими чертами, за редким исключением, характеризуются современные публицистические тексты (Граудина, Ширяев 1996: 294-295). Речевые стандарты возникают почти неизбежно, например, из-за повторяемости тематики, ограниченного круга тем. Но даже удачный, с точки зрения выразительности, оборот, будучи растиражированным, «стирается» и превращается в штамп. Сопряжение экспрессии и стандарта становится стилистическим принципом организации высказывания (там же: 345-346). Для публицистического – как наиболее популярного из всех книжных – стиля, характерно взаимопроникновение языковых средств. Оценочность формируется, прежде всего, лексическими средствами. Здесь следует

отметить особый фразеологический корпус, свойственный в первую очередь публицистике. Популярным способом не прямой оценки стала ирония, её распространение стимулировало использование языковой игры как средства усиления экспрессии речи (окационализмы, каламбуры, аллюзии, трансформированные фразеологизмы, разнообразные тропы) (там же: 368-372).

Язык СМИ, который формирует публицистическую картину мира, характеризуется субъективной окрашенностью, социальной оценочностью, наличием специальных средств (в первую очередь, идеологем), которые позволяют манипулировать общественным сознанием; интертекстуальностью, иронией (во многом, она достигается с помощью фразеологизмов), а также тем, что публицист нередко прибегает к языковой игре. Популярный приём не прямой оценки актуализирует фразеологический корпус языка. Тексты публицистического стиля характеризуются последовательным чередованием экспрессии и стандарта. Основой лексико-фразеологического фонда газеты является общественно-политическая лексика. Отличительной чертой современной региональной прессы является обращение к советской стилистической манере.

2. Узкое и широкое понимание фразеологии

В лингвистической литературе существует несколько типов классификаций фразеологизмов, в основе которых лежит определенный признак: семантический (В.В. Виноградов), структурный (Н.М. Шанский, А.И. Смирницкий), стилистический (Н.М. Шанский, В.Н. Телия, А.И. Федоров), исторический (Б.А. Ларин), и др. Фразеологизмы классифицируют, рассматривая их состав и происхождение (Н.М. Шанский), видовую зависимость (В.Л. Архангельский), фразеологическую аппликацию

(В.П. Жуков) и т.д. В результате сформировалось два направления: узкое и широкое понимание фразеологии. Сторонники узкого подхода (В.В. Виноградов, В.П. Жуков, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А.И. Молотков, М.И. Сидоренко, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия и др.) относят к фразеологизмам только фразеологические сращения и единства (согласно теории В.В. Виноградова, см., например, Виноградов 1946), то есть устойчивые структурно-семантические сочетания слов, значения которых не выводятся из значений составляющих их компонентов, и которые, как правило, выполняют в речи функцию отдельного члена предложения (*семи пядей во лбу* – 'умный'). Третий тип фразеологизмов (по В.В. Виноградову) – фразеологические сочетания (в которых одно из слов употреблено в прямом значении, а другое – во фразеологически связанном значении, обусловленном «соседством» со словом в прямом значении) – не может быть включен в «узкую» классификацию, поскольку некоторые компоненты фразеологических сочетаний десемантизируются и имеют самостоятельные значения (Сидоренко 1969). Л.И. Ройзензон при этом отмечает, что «каждое слово в составе ФЕ остается словом, хотя и утрачивает что-то от своей словной природы. В противном случае, например, не могли бы в языке появляться новые фразеологические синонимы, антонимы и т.д., невозможны были бы и различного рода трансформации УСК, их формально-семантические обновления, стилистический прием «буквализации» ФЕ и др. (ср.: *к черту на кулички, к черту на рога*, но невозможность «обновленного» варианта данных ФЕ в виде «*к черту от (?) болота*» и т.п.» (Ройзензон 1977: 117). В.Н. Вакуров напоминает, что большинство фразеологизмов современного русского языка возникло из свободных словосочетаний в результате метафорического переосмысления. Среди способов образования фразеологического образа исследователь выделяет метонимическое переосмысление (*болтать языком*), символику (*круглый стол*) и алогичность (*ломиться в открытую дверь*) (Вакуров 1983). Целостность значения как

основной категориальный признак фразеологизма исключает из фразеологии в узком понимании и крылатые слова, а также паремии, поскольку, по словам Е.А. Иванниковой, «их смысловое содержание вытекает из значений составляющих их слов» (Иванникова 1964: 80). Тем не менее, лексические идиомы – фразеологические сращения и единства – составляют «ядро» фразеологии, «собственно фразеологию» (Телия 1996: 59-60). Под идиомами В.Н. Телия понимает «сочетания слов с полностью переосмысленным лексическим составом, в котором номинативная функция отдельных слов-компонентов нивелируется» (Телия 1981: 8). Концепция, определяющая узкое понимание фразеологизма, основана на наличии у фразеологизма признака семантической слитности компонентов и называется семантической.

Прежде, чем привести определения фразеологизма в свете узкого понимания этого термина, коротко поясним, что в лингвистической литературе принято понимать под идиоматичностью, которую А.И. Смирницкий (1952) называл ведущим признаком фразеологизма. Как уже говорилось, согласно теории В.В. Виноградова, идиоматичность заключается в невыводимости значения целого из суммы значений компонентов. В.Н. Телия отмечает, что идиоматичность заключается в «слиянии семантически согласованных в сочетании значений слов и уменьшении мотивированности отношений между «обычным» значением слова и той информацией, которую оно несет как член данного сочетания, в данном его употреблении» (Телия 1981: 8). В.П. Жуков определяет идиоматичность как «смысловую неразложимость фразеологизма вообще» (Жуков, Жуков 2006: 6); «существенным показателем идиоматичности фразеологизмов следует признать их способность противопоставляться / не противопоставляться свободным словосочетаниям эквивалентного состава. Что касается фразеологических сочетаний, то характер их идиоматичности определяется по степени связанности, семантической несамостоятельности

того или иного слова. Наиболее высокая идиоматичность присуща фразеологическим сочетаниям, в составе которых слово с фразеологически связанным значением утрачивает или утратило собственное лексическое значение», например, слово *крошечный* (там же: 120-121). Однако под идиоматичностью понимается и добавочное значение как результат наличия во фразеологизме компонентов с непрямым значением, и эквивалентность слову (Е.А. Иванникова, А.И. Смирницкий). А.Н. Баранов отмечает, что «все определения идиоматичности сводятся к трем базовым идеям – переинтерпретации (наличию переносного значения, частичной или полной деактуализации компонентов фразеологизма), непрозрачности (отсутствия правил, позволяющих выявить значение; отсутствие одного или нескольких компонентов выражения в словаре) и усложнению способа указания на денотат (существование в языке выражения наряду с более простым и стандартным наименованием)» (Баранов 2008: 30-31). Идиоматичность предполагает отсутствие мотивированности, которая характерна для фразеологизмов с внутренней формой. Как справедливо пишет Т.Л. Павленко, «чем более сильной оказывается мотивированность фразеологизма, тем ниже его идиоматичность» (Павленко 2000: 69). А.И. Смирницкий противопоставляет идиомы и фразеологизмы. По его мнению, фразеологизмы лишены образности, метафоричности. Идиомы же являются идиоматичными словосочетаниями, основанными на переносе значений, метафоре, ясно осознающейся говорящими. Для идиом характерны яркая стилистическая окраска, эмоциональная насыщенность, отход от обычного нейтрального стиля (Смирницкий 1956: 209). Еще одной характерной чертой идиом, которую выделяет В.Н. Телия, является «опора на конкретную лексику, способную создавать наглядно-чувственный образ «обычных» свойств, действий, состояний, или же демонстрировать очевидную несуразность их буквального значения (*звонить во все колокола, писать на воде вилами*). Такие единицы демонстрируют девальвацию

знаковой функции компонентов идиом и опрощение их лексической членимости» (Телия 1981: 15). «У идиом происходит сращение лексической и синтаксической семантики, их лексический состав способен соотноситься с обозначаемой действительностью и несет информацию о ней лишь совместно и на фундаменте определенной синтаксической конструкции» (там же: 20).

Приведем некоторые определения фразеологизма в рамках его узкого понимания. В.В. Виноградов под фразеологической единицей понимает «устойчивое сочетание слов, принадлежащее к готовым единицам языка, передающееся из поколения в поколение и воспроизводимое в практике речевого обращения по традиции» (Виноградов 1977: 160). А.И. Молотков называет фразеологизм «выражением, имеющим лексическое значение как постоянный свой признак и состоящим не из слов, а из компонентов, которые утратили признаки слова (лексическое значение, формы изменения слова и лексико-грамматические особенности слова)» (Молотков 1977: 26). В.П. Жуков относит к фразеологизмам «устойчивые и воспроизводимые раздельнооформленные единицы языка, состоящие из компонентов, наделенные целостным (или реже частично целостным) значением и сочетающиеся с другими словами» (Жуков 1978: 6). В.М. Мокиенко под фразеологизмом понимает «относительно устойчивое, воспроизводимое экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» (Мокиенко 1989: 5). В.Н. Телия как бы резюмирует: «фразеология – раздел лингвистики, исследующий устойчиво воспроизводимые сверхсловные наименования различного типа» (Телия 1996: 53). Таким образом, к категориальным признакам фразеологизма в узком понимании можно отнести следующие признаки: устойчивость, воспроизводимость, экспрессивность (для фразеологических единств), семантическую неделимость, сверхсловность, раздельнооформленность, эквивалентность фразеологизма слову, переносное, образное значение.

Отдельно следует остановиться на таком важном для фразеологизмов, используемых в публицистике, категориальных признаках как экспрессивность. Согласно теории В.Н. Вакурова, существует три разряда экспрессивных значений: 1) количественные экспрессивные значения (*коломенская верста* – ‘человек очень высокого роста’); 2) качественные экспрессивные значения (*выжечь каленым железом* – ‘искоренить’); 3) качественно-количественные экспрессивные значения (*разуй глаза* – ‘всмотри очень внимательно’). По наблюдению автора, при сравнении двух синонимичных понятий в первую очередь обращают на себя внимание количественные различия. В создании метафоричности, так же как и в создании количественной экспрессии ФЕ, важную роль отводится признакам сравнения. Смысловые качественно-экспрессивные оттенки обеспечивают ФЕ более насыщенное содержание, нежели их нейтральные синонимы (Вакуров 1983). А.В. Кунин связывает экспрессивность с интенсивностью. См, например, такие единицы как *за три девять земель, делать из мухи слона, работать как лошадь* и др. Интенсивность, по его мнению, является «свойством слова или фразеологизма усиливать признаки обозначаемых ими объектов» (Кунин 1996: 180). Благодаря экспрессивности, пишет В.М. Мокиенко, язык способен к важнейшей функции – функции речевого воздействия. Чем шире понимание фразеологизма, тем неизбежнее отказ признания за ним экспрессивности как категориального признака (Мокиенко 1989: 210-211). «Экспрессивно-коммуникативная, эстетическая функция для фразеологизма особенно важна, она, можно сказать, для фразеологического уровня гипертрофирована, возведена в абсолют и как бы оправдывает существование фразеологии как особого уровня» (там же).

Сторонники широкого подхода к пониманию фразеологии – В.Л. Архангельский, О.С. Ахманова, А.В. Кунин, Р.П. Попова, И.И. Чернышева, Н.М. Шанский, В.П. Вакуров и др. – основываются на концепции воспроизводимости. «Широкому пониманию фразеологии, – как

отмечает В.П. Жуков, – в определенной мере содействовала разработка устойчивых сочетаний в историческом плане. Дело в том, что в письменных памятниках древнерусского языка сравнительно редко встречаются устойчивые словосочетания, охваченные сквозной деактуализацией компонентов. Поэтому объектом исследований становились все воспроизводимые сочетания (или предложения) независимо от характера и степени семантической спаянности непосредственно составляющих» (Жуков 2006: 43). Приведем некоторые определения фразеологизма в широком понимании этого термина. О.С. Ахманова называет фразеологической единицей раздельнооформленное соединение слов, в котором «цельность номинации довлеет над структурной раздельностью: выделение признаков, характеризующих обозначаемый предмет, оказывается подчиненным его целостному обозначению» (Ахманова 1957: 169). А.В. Кунин под фразеологизмом понимает «устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением» (Кунин 1970: 210). Н.М. Шанский пишет о фразеологизме как о «воспроизводимой в готовом виде языковой единице, состоящей из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированной (т.е. постоянной) по своему значению, составу и структуре» (Шанский 1985: 20). По определению В.П. Вакурова, фразеологизм всегда обозначает одно понятие, и довольно часто его значение можно охарактеризовать одним словом: *без году неделя* – мало, *ни свет ни заря* – рано. Фразеологизмы не создаются говорящими, как словосочетания, а воспроизводятся целиком в готовом виде (Вакуров 1983). В.Л. Архангельский определяет фразеологическую единицу как «постоянную комбинацию словесных знаков: предельную и целостную; воспроизводимую в речи его носителей; основанную на внутренней зависимости членов; состоящую минимум из двух строго определенных единиц лексического уровня, находящихся в известной последовательности; грамматически организованную по существующим или существовавшим моделям

словосочетаний или предложений; обладающую единым значением, в разной степени комбинаторным в отношении к значениям сочетавшихся элементов, но стабильным в отношении означаемого или выражаемого» (Архангельский 1964: 91). Таким образом, к категориальным признакам фразеологизма в широком понимании можно отнести следующие признаки: устойчивость, воспроизводимость, целостность значения, сверхсловность, эквивалентность по грамматической форме словосочетанию или предложению, раздельнооформленность, акцентологическое оформление.

Для того чтобы обосновать ограничение исследуемого нами материала, обратимся к синтаксической типологии фразеологических объектов, предложенной В.Л. Архангельским. Ученый отмечает, что «к объектам русской фразеологии относятся не только образования, эквивалентные по значению слову, а по форме – свободным словосочетаниям и сочетаниям слов, но и единицы, эквивалентные предложению и предикативным сочетаниям слов» (Архангельский 1964: 57). Соответственно, для обозначения фразеологизмов, совпадающих по строению со словосочетанием, В.Л. Архангельский использует термин «фразаема», а для наименования единиц, которые имеют форму предложения, – термин «устойчивая фраза». С точки зрения синтаксиса, В.Л. Архангельский выделяет десять типов ФЕ:

- 1) **сочетания служебных слов:** *в силу того, что; невзирая на; по линии* и т.д. Они не имеют лексического значения и образности, отражают лишь грамматическое значение, близки к слову;
- 2) **сочетания служебного слова с полнозначительным:**
  - сочетание частицы с полнозначительным словом: *не пара, не чета, ни ногой;*
  - сочетание подчинительного союза с полнозначительным словом: *как часы, как угорелый, хоть тресни, хоть куда;*

- **предложно-именные сочетания:** *без памяти, в упор; от души; под гребенку; сквозь зубы; с носом, через край;*

- **отрицательные предложно-именные сочетания с частицами не и ни:** *не в счет, не за горами, не по годам, не по зубам, не по карману; ни с места, ни на волос;*

- **предложно-именные сочетания с союзами:** а) **сравнительные с союзом как:** *как без рук, как на подбор, как по маслу, как по нотам,* б) **уступительные с союзом-частицей хоть:** *хоть в воду, хоть в огонь;*

3) сочинительные сочетания двух полнозначительных слов:

- **бессоюзные:** *грусть-тоска, буря-ненастье, гуси-лебеди;*
тавтологические: *жить-поживать, гулять-погуливать, кричать-покрикивать; черным-черно;*

- **союзные:** *смех и горе, царь и бог; ни сучка ни задоринки, ни свет ни заря, ни рыба ни мясо; и стар и млад; целиком и полностью;*

4) подчинительные словосочетания: *знамение времени, бить баклуши, вставлять палки в колеса;*

5) предикативные сочетания слов: *аллах ведает, веревка плачет, глаза разбегаются, руки коротки, уши вянут, терпенье лопнуло;*

6) открытые ФЕ, построенные по моделям двусоставных предложений: *искры из глаз посыпались, волосы дыбом встали, кровь леденеет в жилах, кровь ударила в голову, еле ноги несут;*

7) незамкнутые ФЕ, построенные по моделям односоставных предложений: *вынь да положь, хлебом не корми, хоть караул кричи, калачом не заманишь, в голове шумит;*

8) замкнутые ФЕ, построенные по моделям двусоставных или односоставных простых предложений или по разным моделям сложных предложений (пословицы и поговорки): *бабушка надвое*

сказала; в чужой монастырь со своим уставом не ходят; глаза страшат, а руки делают;

9) **ФЕ, генетически представляющие собой части сложных предложений (разные модели придаточных предложений):** *в чем мать родила, куда ветер дует, где раки зимуют, если на то пошло, насколько хватает глаз;*

10) **стационарные фразы диалогической речи, представляющие собой слова-предложения, в том числе модального, междометного и модально-междометного характера:** а) модальные: *к слову сказать, шутка сказать, шутки в сторону;* б) междометные с формами «звательного падежа»: *боже мой!, господи помилуй!;* в) эллиптические междометные с формами род. пад.: *счастливого пути!, доброго здоровья!, покойной ночи!;* г) междометные, восходящие к заклинаниям: *типун тебе на язык!, чтоб тебе пусто было!, лопни мои глаза!;* д) стационарные реплики диалогической речи: *так и быть, так и надо, что за невидаль, а то нет?, за чем дело стало?* (Архангельский 1964: 73).

На основе внешней дистрибуции фразеологизмов В.Л. Архангельский выделяет два их типа: замкнутые и незамкнутые. Незамкнутые устойчивые фразы, структура которых потенциально допускает словесное распространение, свободно дополняются второстепенными членами, в отличие от замкнутых устойчивых фраз, которые закончены интонационно, грамматически и по смыслу (там же: 191).

В работе мы придерживаемся широкого подхода в понимании фразеологии, то есть определяем фразеологизм как единицу, обладающую устойчивостью, воспроизводимостью, сверхсловностью, раздельнооформленностью, акцентологическим оформлением эквивалентную по грамматической форме словосочетанию или предложению.

3. Сфера функционирования и признаки коллокаций

Основным рабочим термином в нашем исследовании, который именуется корпус анализируемых единиц, является «устойчивый словесный комплекс» (УСК), удобный для дальнейшей более детальной классификации столь неоднородных по составу и семантике устойчивых выражений. Под УСК (термин И.И. Чернышевой) понимается совокупность фразеологизмов и устойчивых сочетаний нефразеологического характера – воспроизводимые синтагмы, обладающие особой семантикой (Чернышева 1970).

Другими словами, УСК это «соединение двух или более слов, самостоятельных или служебных, построенное по известным законам языка, которое обладает постоянством семантики, воспроизводимостью и устойчивостью лексического состава и грамматической формы в определенных пределах» (Скрипичникова 2013: 133). При этом Л.И. Ройзензон и И.В. Абрамец обращают внимание на такое явление как совмещенная омонимия. Она касается УСК, в которых переносное значение компонентов (или одного компонента) может сосуществовать с его прямым значением. Например, выражение *пожимать плечами* одновременно называет соответствующий жест (и в этой функции является свободным сочетанием слов) и передает значение удивления, недоумения и т.д., которое не вытекает из значения компонентов выражения и поэтому является фразеологическим значением (Ройзензон, Абрамец 1969: 57).

Можно сделать вывод об основных признаках УСК, к которым относятся устойчивость и воспроизводимость.

Л.И. Ройзензон и Н.М. Шанский пишут, что именно воспроизводимость обуславливает все остальные черты УСК (Ройзензон 1973; Шанский 1969). Л.И. Ройзензон считает, что воспроизводимость как психолингвистическое понятие присуще исключительно УСК, поскольку любому УСК в сознании говорящего противопоставлено (прямо или косвенно, реально или ирреально)

аналогичное сочетание лексем свободного синтаксического построения, которое и послужило формальной структурной схемой для будущего УСК (Ройзензон 1977: 9-10).

Большинство УСК (за исключением, как уже было отмечено, коллокаций и безобразных эвфемизмов) характеризуются образностью и, как справедливо отмечает Н.В. Любимова, «обладают мощным прагмалингвистическим зарядом и, следовательно, практически никогда не бывают стилистически нейтральными» (Любимова 2011: 108).

Обратимся к одному из разрядов УСК, который анализируется в работе. Русскоязычному термину «фразеологическое сочетание» соответствует англоязычный термин «лексическая коллокация» (*restricted collocation*). Термин «коллокация» впервые появился в словаре Г. Палмера «*A grammar of English words*» (1938) и в дальнейшем (с 1957 г.) получил развитие в работах представителя британского структурализма и основателя Лондонской лингвистической школы Дж. Р. Ферса. Под коллокацией понимается «устойчивое сочетание, обычно состоящее из двух слов, с переосмыслением одного из компонентов и ограниченной сочетаемостью с другими словами» (Бялек 2004: 223); лексико-фразеологическая обусловленная сочетаемость слов в речи (Ахманова 1996: 199), что, на наш взгляд, соответствует значению термина «фразеологическое сочетание», т.е. сочетание, характеризующееся, в первую очередь, устойчивостью в языке и воспроизводимостью в речи. И.П. Сусов коллокациями называет характерные, часто встречающиеся сочетания слов, появление которых рядом друг с другом основывается на регулярном характере взаимного ожидания, и задаётся не грамматическими, а чисто семантическими факторами (Сусов 2006: 153). Е.В. Ягунова добавляет, что такое неслучайное сочетание двух и более лексических единиц характерно как для языка в целом (текстов любого типа), так и определенного типа текстов (Ягунова 2010). М.В. Влавацкая пишет, что коллокации занимают промежуточное

положение в системе языка, оказываясь на границе между фразеологией и лексикологией (Влавацкая 2015).

В.Н. Телия отмечает, что коллокации, или фразеологические сочетания, в ее терминологии, «формируются, как правило, за счет контрастирующего сочленения отвлеченной лексики, из которой черпаются семантически ключевые для сочетаний слова, и лексики конкретной, придающей этим сочетаниям семантическую специфику и их связанность: *сливки общества, сын народа, перст судьбы* и т.п. Способ указания на денотат у переосмысленного значения слова зависит здесь от денотации слова семантически ключевого, а образное представление действительности, несомое конкретной лексикой, погашается или сохраняется в зависимости от способности смысла ключевого слова, включаясь в ассоциативно образные связи по сходству или по смежности, поддерживать образное восприятие действительности или, наоборот, затушевывать. Ср, например, экспрессивно-образную окрашенность выражений *бросать перо, оружие, бросать вызов, упреки* и безобразные сочетания *бросать работу, спорт, занятия*» (Телия 1981: 16).

М.В. Хохлова выделяет три основных подхода к описанию понятия «коллокация»: 1) подход, берущий начало в работах британских контекстуалистов (J.R. Firth); 2) семантико-синтаксический подход (В.Н. Телия, А.Р. Cowie, F.J. Hausmann и др.); 3) подход в рамках теории «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» (И.А. Мельчук, Л.Н. Иорданская) (Хохлова 2010: 8–9).

Упомянутый выше Дж. Р. Ферс называет коллокациями часто встречающиеся сочетания слов, появление которых рядом друг с другом основывается на регулярном характере взаимного ожидания и является семантически

обусловленным (Firth, 1968). Сторонники семантико-синтаксического подхода рассматривают коллокации как комплексные семантико-синтаксические единицы, характеризующиеся семантической, синтаксической и дистрибутивной регулярностью. В теории «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» коллокации осмысляются как подкласс несвободных

словосочетаний (фразем). В.Н. Телия пишет об «аномальном» поверхностно-синтаксическом согласовании семантически ключевых слов со словами, принадлежащими конкретной лексике. «При формировании несвободных сочетаний слов аналитического типа перекрещиваются два семантических процесса: отвлеченные значения семантически ключевых слов, не претерпевая переосмысления, актуализируют в ассоциативном ряду признаки физических объектов, на основе которых устанавливается связь со словами, принадлежащими конкретной лексике, а эти последние переосмысляются, обретая отвлеченное значение. Например, обозначаемое слова *гнев* в сочетаниях *пламя, вспышка, взрыв гнева* уподобляется физическим объектам, в сочетаниях *дикий, необузданный гнев* – живым существам, в сочетаниях *волны, буря гнева* – морской стихии. В соответствии с этими образно-ассоциативными представлениями в сигнификатах таких семантически ключевых для сочетания слов актуализируются ассоциативные связи» (Телия 1981: 17).

«Проблема коллокаций в лингвистическом освещении, – пишет В.М. Мокиенко, – прямо связана с теорией и практикой современной фразеологии, которая, как известно, начиналась со стилистической типологии устойчивых сочетаний Шарля Балли (см. Bally 1909, Балли 1961) и ее творческой актуализации в трудах В.В. Виноградова (см. Виноградов

1946, Виноградов 1947, Виноградов 1977)» (Мокиенко 2016: 363). В последнее время, по образному замечанию В.М. Мокиенко, появились основания для «смены терминологических вех»: в славянской фразеологии вместо всем понятных отечественных терминов сочетание, сочетаемость и др. исследователи предпочитают англоязычное наименование – *collocation* (там же). Действительно, термин «коллокация» в отечественной научной литературе появился сравнительно недавно, впервые его можно встретить в «Словаре лингвистических терминов» (Ахманова 1996). Годом ранее в свет вышла первая монография, посвященная исследованию понятия «коллокация» на материале русского языка (Борисова 1995). Существует корпус словарей сочетаемости (т.е. коллокаций): «Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка» (2002), «Словарь сочетаемости слов русского языка» (1978; 1983; 2002), «Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значение высокой степени» (2008) и др. Коллокации также приводятся в «Толковом словаре. Язык газеты, радио, телевидения» под ред. Г.Я. Солганика (2008).

Коллокацию следует отличать от фразеологизма, то есть идиомы. Под коллокацией в широком смысле понимается комбинация двух и более слов, которые имеют тенденцию к совместной встречаемости, при этом один из компонентов коллокации сохраняет свое лексическое значение при устойчивости словосочетания в целом. Значение образности и эмоционально-оценочной нагрузки ослабевает или теряется (Влавацкая 2015: 57). С фразеологизмами коллокации сближает то, что выбор несвободного компонента невозможно предсказать с точки зрения семантики, следовательно, он является узואально закрепленным (Борисова, Кицей 2007: 162). Коллокации, или фразеологические сочетания, лишены комплекса собственно фразеологических свойств: не обладают семантической целостностью, их слагаемые являются единицами лексико-семантической системы русского языка. Устойчивость предстает как структурно-

семантическая моделируемость, а связанная с ней воспроизводимость существует как матричная воспроизводимость (Дидковская 2015: 74).

В.П. Жуков и А.В. Жуков выделяют следующие показатели фразеологического сочетания (коллокации):

1. Многие фразеологические сочетания допускают относительно свободное переоформление своей структуры. Такое переоформление носит не индивидуальный, а общественно осознанный (узуальный) характер. Подобную трансформацию легко произвести над фразеологическими сочетаниями типа *обеспечивать безопасность, наносить поражение, отражать нападение* и т.д.

2. Сочетаемость слов с фразеологически связанным значением постоянно расширяется. С расширением сочетаемости расшатывается стабильность контекста, а фразеологические сочетания постепенно могут перейти в разряд свободных словосочетаний. Так, глагол *погружаться* обладает широкой сочетаемостью: *погружаться в воспоминания, в размышление, в сон, в печаль, в молчание* и т.д. Переход фразеологических сочетаний в подлинные фразеологические образования, охваченные сквозной семантической деактуализацией компонентов, почти не наблюдается. Узкая сочетаемость свойственна и многим словам с ярко выраженными предметно-логическими связями, что стирает грань между фразеологически связанным и свободным значениями (ср.: *прищуривать глаза, хмурить брови, насунить брови* и т.д.).

3. Слова с фразеологически связанным значением нередко содержат в себе достаточно емкую информацию. Именно в этих случаях соответствующие слова трактуются описательно. Так, слово *бреющий* (*бреющий полет*) означает 'горизонтальный полет на небольшой высоте'. В отличие от слов с фразеологически связанным значением, компоненты фразеологизма в тех случаях, где допустим внутриязыковой перевод, подвергаются однословной замене.

4. Слова с фразеологически связанным значением могут вступать в синонимические отношения с другими лексическими единицами: *расквасить нос – разбить нос*, где слова *расквасить* и *разбить* являются скорее лексическими, чем контекстуальными, синонимами. Фразеологическое сочетание *закадычный друг* может быть противопоставлено словосочетанию *заклятый враг*, где слова *закадычный* и *заклятый* вступают в антонимические отношения (Жуков, Жуков: 2006: 16-17). О синонимических и антонимических отношениях, в которые могут вступать компоненты фразеологических словосочетаний (*лакомый / жирный кусок, железная / слабая воля*), также пишет В.Н. Телия (см., например, Телия 1981: 18). Рассуждая об отличительных чертах свободного и связанного значения, В.Н. Телия отмечает, что последнее указывает на мир только косвенно. «Специфические особенности слов, обладающих связанным значением, заключаются в их способности указывать на мир только совместно с другим словом, играющим в данном сочетании семиологически главенствующую роль» (Телия 1981: 93).

В лексике газетных жанров активно появляются сочетания с новыми словами: *создавать прецедент; образовывать кворум; проводить импичмент; нарушать права человека* и др. У собственно публицистических слов наблюдаются семантические сдвиги, они приобретают функциональную окрашенность: ср. *космический корабль* и *космическое* (т.е. огромное) *достижение; братское объятие* и *братская помощь* (пострадавшим) (Капстад 2006: 23). «Фразеологические сочетания, обозначающие элементы предметного ряда, существуют в языке в силу необходимости создания имен для творимых человеком вещей – артефактов или же для все более тщательно дифференцируемых в процессах познания «естественных родов» (Телия 1981: 137). При этом, как отмечает исследователь, «основной массив связанных значений слов обслуживает номинацию элементов

непосредственно не наблюдаемой или не воспринимаемой органами чувств действительности» (там же: 92).

С функционально-семантической точки зрения, М. Бенсон, Э. Бенсон и Р. Илсон разделяют коллокации на пять основных групп. Приведем их, снабдив примерами из собственного исследовательского материала:

- общеупотребительные (используются в основном в публицистических и официально-деловых текстах, а также в разговорной речи): *имперская политика, острый вопрос, плодотворная деятельность и др.*

- экспрессивные (употребляются в основном в публицистических и художественных текстах для выражения эмоционально-экспрессивного значения): *бесславный конец, нечистое дело, откровенное презрение, патологическая ненависть, фашистские подонки и др.*

- окказиональные (в них, как правило, нарушена лексико-семантическая сочетаемость).

- этнокультурные (отражают социально-значимые реалии, содержат в себе национально-культурную специфику, свойственны определенному этносу и, как правило, непонятны носителям других языков и культур): *трудовая биография, дачный участок, маршрутное такси, участковый полицейский, точечная застройка, губернаторская надбавка и др.*

- терминологические (относятся к определенной области знания и выражают одно понятие): *промышленный подъем, уступить позиции, злостный неплательщик, дипломатический календарь* и др. (Бенсон, Бенсон, Илсон 1990). Аналогичную функционально-семантическую классификацию предлагает и М.В. Влавацкая, которая, правда, вместо термина «общеупотребительные» использует термин «традиционные» коллокации (Влавацкая 2013: 56-60). Экспрессивная окраска сочетаний слов основана на том, что существительные, прилагательные и наречия выражают эмотивное отношение субъекта речи к тому, что обозначено опорным наименованием (ср. *сильный восторг* и *бурный восторг*) (Телия 1981: 202). Под

экспрессивностью мы, вслед за В.Н. Телия, понимаем «отображение в содержании языковых сущностей эмотивного отношения субъекта речи к элементам внешнего или внутреннего мира человека, вызываемого в нем при их обозначении» (там же: 208). Исследователь поясняет, что судить об экспрессивности можно, опираясь на модальную «рамку», которая имеет общий вид суждения типа *говорящий считает, что свойства обозначаемого объекта* – «хорошие» / «плохие», или что *объект обладает некоторыми свойствами* «больше» / «меньше», чем некоторое нормальное их проявление, например, домишко – ‘небольшой или ветхий дом, и это – плохо’, но этот же дом может быть квалифицирован другим лицом как приятный на вид домик (там же: 209).

Исходя из знаковой природы фразеологизма, В.Н. Телия пишет о знаковой функции, выполняемой связанными значениями в сочетаниях типа *доля рассудка, капля надежды*, которые играют роль парциальных классификаторов, или в сочетаниях типа *сфера интересов, поле деятельности*, где они выполняют функцию классификаторов локальных (Телия 1981: 83).

Поскольку коллокации состоят исключительно из слов знаменательных частей речи: существительных, прилагательных, глаголов и наречий (Влавацкая 2011), возможна классификация по частеречной принадлежности компонентов коллокации:

- 1) наречие + прилагательное: *полностью удовлетворён*;
- 2) прилагательное + существительное: *мучительная боль*;
- 3) глагол + существительное: *совершать самоубийство* (Киверник 2013).

Любопытным кажется лексикографический опыт чешского лингвиста П. Дюрчо, который совместно с группой коллег разработал «Словарь словосочетаний. Имена существительные» (2015). Как пишет во вступительной статье к словарю В.М. Мокиенко, при создании

коллокационного профиля слова (основанного на потенциале связанности) авторы исходят из пяти принципов:

1. Принцип минимальной целостности. Лексикограф использует понятие «минимальная автономная коллокация». Характер ее коллокабельности дифференцируется на два типа: [кон]текстуальное расширение коллокаций, либо узואльное расширение.

2. Принцип формальной целостности. Лексикограф исходит из того, что коллокации функционируют в текстах как комбинации словоформ. Принцип формальной целостности учитывает тот факт, что коллокации часто «констеллируются» до неизменности на уровне словоформ и не трансформируются до основной, исходной формы. Коллокационной леммой при этом является соответствующий вид словоформы.

Первые два принципа, согласно концепции П. Дюрчо, могут быть основой для лексикографического распределения коллокаций в коллокационном словаре. Речь идет о морфематическом принципе. Для многочисленных структур тестируется возможность их «трансформации» в биграмм, поскольку они опираются на основные модели, например, *naivny ako diet'a = Adj + Sub (= naive diet'a)*.

3. Принцип синтагматической целостности. С точки зрения автономности минимальной коллокации П. Дюрчо выделяют три типа их коллокабельности с окружением: 1) коллокации, автономные – с открытой лексической «коллокабельностью» (например, *cely: cely clovek, cely den, cely chlieb*); 2) связанные с лексически ограниченной «коллокабельностью» (например, *rovny nule: vysledok, zlomok, diskriminant*); 3) изолированные с лексически ограниченной «коллокабельностью» (например, *Cela matka! Cely otec!*).

4. Принцип синтаксической целостности отталкивается от факта, что коллокации имеют разные синтаксические функции: атрибутивные или

предикативные. Синтаксический принцип важен и с точки зрения регистрации валентности коллокаций.

5. Принцип семантической целостности. На семантическую целостность коллокаций оказывают влияние и формальные, структурные и функциональные особенности конкретного словосочетания. П. Дюрчо определяет возможности семантической «раздельнооформленности» и свободы компонентов посредством композиционного теста. Тем самым ограничивается и очерчивается не только статус «диспозитивности» словосочетания как кандидата составной части словарного состава, описываемого в Словаре, но и определяется мера семантической трансформации компонентов с точки зрения частичной или полной идиоматичности словосочетания (Мокиенко 2016: 367-369).

Под УСК, которые анализируются в работе, мы понимаем совокупность фразеологизмов и устойчивых сочетаний нефразеологического характера. УСК обладают устойчивостью и воспроизводимостью. Под коллокацией в работе понимается комбинация двух и более слов, которые имеют тенденцию к совместной встречаемости. Коллокации классифицируются по функциональному признаку либо по частеречной принадлежности компонентов. В период активного пополнения лексического состава новые слова и лексико-семантические варианты образуют новые несвободные сочетания, такие как *парад суверенитетов*, *война законов*, *работать в закрытом режиме*, *широкий спектр вопросов* и др. Эта группа УСК привлекает наше внимание как наиболее многочисленная, интенсивно пополняющаяся, ярко характеризующая именно публицистический стиль речи и содержащая в себе национально-культурную специфику, свойственную определенному этносу.

1.4. Сфера функционирования и признаки эвфемизмов

Термин эвфемизм (от греч. eu ‘хорошо’ + rhēmi ‘говорю’, euphēmia – ‘хорошая речь; воздержание от неподобающих слов’) в настоящее время означает смягчающее слово или выражение, которое говорящий выбирает взамен нетактичного, неприличного, грубого, с его точки зрения, слова или выражения. Изучение эвфемии в рамках лингвистики начинается в конце XIX века, на материале русского языка эвфемизмы становятся объектом серьезного исследования в пятидесятые-семидесятые годы XX века. Теоретические основы изучения понятия «эвфемизм» находим в работах Б.А. Ларина, Л.А. Булаховского и А.А. Реформатского, наметивших тенденции к изучению эвфемии через описание процесса возникновения единиц, особенностей и закономерностей их развития. Л.П. Крысин, В.И. Жельвис, Е.И. Шейгал, В.П. Москвин, А.М. Кацев, М.Л. Ковшова, Е.П. Сеничкина и др. рассматривают явление эвфемии в диахроническом и синхроническом аспектах. Наиболее полная классификация эвфемизмов и способов их создания была впервые предложена Л.П. Крысиным (1994) и развита В.П. Москвиным (2007). Семантика и прагматика эвфемизмов в контексте теории речевых актов впервые исследована в работах М.Л. Ковшовой (2007, 2009). В контексте оценки эвфемизмы изучаются Ю.Д. Апресяном (1995), В.В. Хлыновой (1998) и др.

Приведем некоторые определения термина «эвфемизм». С точки зрения А.М. Кацева, «эвфемизмы есть способствующие эффекту смягчения косвенные заменители наименований страшного, постыдного или оидозного, вызываемые к жизни моральными или религиозными мотивами» (Кацев 1988: 92). М.Л. Ковшова предлагает рассматривать эвфемизм как речевой акт. Говоря о функции эвфемизмов, исследователь подчеркивает, что «эвфемизмы служат заменой тех слов или выражений, которые, по мнению говорящего и в соответствии с правилами речевого этикета, являются нежелательными, не отвечают цели общения и могут привести к коммуникативной неудаче» (Ковшова 2007: 7). Эвфемизмы в широком

понимании – это слова или сочетания слов, используемые для замены обозначений, которые являются грубыми или недостаточно вежливыми с точки зрения говорящего (Сеничкина 2012:71). Однако данное определение можно отнести в большей степени к тем единицам, которые используются в обиходно-бытовой сфере человеческого общения, определение единиц, функционирующих в социальной и политической сферах требует уточнения. Социально-политические эвфемизмы – это особый разряд единиц, используемый в основном в политическом дискурсе для замены слов и выражений, которые в данном обществе и на данном этапе исторического развития являются политическими табу, для того чтобы избежать наименования того, что может вызвать негативную оценку участника политического дискурса, а также для того, чтобы манипулировать общественным сознанием, воздействовать на общественное мнение. Эвфемизмы являются эмоционально нейтральными субститутами нежелательных или слишком резких обозначений.

Рассмотрим те свойства и качества, которые характерны для обеих групп эвфемизмов, как для обиходно-бытовых, так и для социально-политических. Как следует из определений этого понятия, по форме эвфемизмы могут быть представлены как отдельными словами, так и словосочетаниями. Словосочетания могут иметь различную степень семантической слитности. Они могут быть фразеологизмами (в их классическом понимании), фразеологическими сочетаниями, т.е. единицами, которые обладают минимальным набором свойств фразеологизма (устойчивостью и воспроизводимостью). В публицистическом дискурсе такие фразеологические словосочетания получают статус «газетных штампов». Эвфемизмы-штампы (часть из них переходит в состав фразеологии) газетно-публицистического стиля – в первую очередь привлекают наше внимание: *либерализация цен, свободные цены, непопулярные меры, лица кавказской*

национальности, форс-мажор, политическая ангажированность, теневая экономика, этнические зачистки.

Обе группы эвфемизмов обладают рядом существенных признаков, таких как: 1) обозначение негативного денотата; 2) семантическая неопределенность эвфемизма, которая помогает смягчить негативную оценку денотата (в эвфемизме по сравнению с прямой номинацией сокращена доля информации, сокращено число дифференциальных признаков); 3) улучшение денотата по сравнению с заменяемым словом или выражением; 4) формальный характер улучшения денотата (именно благодаря формальному характеру эвфемистического улучшения денотата адресату удается понять, о каком предмете или явлении говорящий ведет речь: см. *навеселе* в значении 'пьян') (Сеничкина 2012: 15).

Эвфемизмы принято разделять на три группы: общеязыковые, речевые и окказиональные (Ковшова 2007). Общеязыковые эвфемизмы обладают устойчивостью и воспроизводимостью; они общеизвестны и используются по негласной договоренности, когда речь заходит о чем-то неприятном или грубом (*преклонного возраста* – 'старый'). Устойчивость и воспроизводимость речевых эвфемизмов ограничены узким кругом лиц; такие единицы зависят от контекста общения (*улучшить стол* – 'деликатно убрать грязную посуду в присутствии за столом гостей'). Окказиональные эвфемизмы близки к речевым: они также ограничены кругом общения «своих», но создаются на случай, нередко единственный, их употребления в речи (*ты стал какой-то взрослый* – *очень ворчливый*) (Ковшова 2007: 53-55). В большинстве случаев речевые и окказиональные эвфемизмы используются в шутовском или ироничном ключе, что позволяет говорящему дистанцироваться от какого-либо события.

Группа устойчивых общеязыковых эвфемизмов представлена языковыми фразеологизмами. Е.П. Сеничкина, рассматривая явление эвфемии очень широко, приходит к выводу, что все фразеологизмы, в

принципе, являются эвфемизмами: «собственно для эвфемизации высказывания и употребляется фразеологизм вместо прямого наименования. ... по сравнению с прямыми утверждениями ... фразеологизм смягчает сообщение» (Сеничкина 2012:35-37). Но для выполнения фразеологизмом эвфемистической функции должны быть соблюдены определённые условия: фразеологизм должен быть нейтральным или положительно окрашенным, вуалирующим способом обозначать отрицательно оцениваемый в обществе денотат. Нередко эвфемистическую функцию выполняет фразеологизм, употребленный в переносном значении. Фразеологизмы с отрицательной оценкой в процессе употребления (чтобы не «очернить» самого говорящего) деформируются и подвергаются эвфемизации. Е.П. Сеничкина выделяет следующие способы эвфемистической деформации фразеологизма: 1) усечение формы, пропуск запретного компонента: *Кто старое помянет ...* ; 2) замена компонента фразеологизма с отрицательной оценкой на более нейтральное слово: *Пристал как банный лист к **одному месту***; 3) прономинация фразеологизма, т.е. замена компонента с отрицательной оценкой местоименным компонентом: *соваться с этим самым ... рылом в калашный ряд*. Эвфемизации может подвергаться и фразеологизм, не имеющий отрицательной окраски, но обладающий отрицательной коннотацией: между супругами «**кошечка** пробежала» (ср. *между ними кошка пробежала*): замена компонента *кошка* существительным *кошечка* с уменьшительным суффиксом смягчает отрицательную коннотацию фразеологизма и носит эвфемистический характер (Сеничкина 2012:35-37).

М.Л. Ковшова, рассматривая проблему сходства / различия фразеологизмов и эвфемизмов, отмечает, что между ними много сходного: «большинству фразеологизмов и эвфемизмов как знакам языка присущи такие общие признаки, как свехсловность, идиоматичность, семантическая неопределенность, устойчивость, воспроизводимость», по мнению автора, сходство этих двух классов устойчивых единиц состоит и в том, что они

«принадлежат не только языку, но и культуре». Однако эвфемизмы выполняют этикетную функцию (т.е. функцию смягчения речи, связанную с этикетом), а фразеологизмы «хранят в своей культурной семантике и транслируют в речи различные культурные смыслы» и этой функции не выполняют (Ковшова 2012: 368). В качестве основных функций фразеологизма автор выделяет номинативную, эмоционально-оценочную, экспрессивную и культурную. Фразеологизмы хранят в своей культурной семантике и транслируют в речи культурные смыслы, участвуя в концептуализации мира, в категоризации концептосферы культуры (там же: 407). Эвфемизмы же являются эмоционально нейтральными субститутами нежелательных или слишком резких обозначений, характеризую общество в определённый период его развития.

По-разному протекают и динамические процессы в сфере фразеологизмов и эвфемизмов. Фразеологизмы являются более устойчивыми и долговременными конструкциями. С эвфемизмами происходят следующие процессы: а) они становятся синонимами замещаемой языковой единицы, носители языка перестают осознавать их эвфемистическую функцию: эвфемизм устаревает или переходит в разряд прямых наименований с нейтральной оценкой (*кончина* вм. смерть; *уснуть* вм. умереть (о рыбе); б) происходит «загрязнение денотата» эвфемизма (см. пример выше), требуется новый эвфемизм. Заменители переходят в заменяемые и так далее. В силу формального характера основная функция эвфемизма действует *недолговременно*, поэтому эвфемия пополняется все новыми единицами-заменителями. Быстрая смена эвфемизма зависит от частоты его использования, а также от характера денотата запретного слова (чем более запретным является слово или словосочетание, тем быстрее происходит «загрязнение денотата») и от экстралингвистических причин (Сеничкина 2012: 93-105).

Актуальность тех или иных эвфемизмов зависит от этапа развития языка и общественных отношений. Так, в настоящее время из речи практически исчезли эвфемизмы-табу и единицы группы верований (Михайлова 2003). В целом же, эвфемизация затрагивает наиболее важные сферы человеческой жизни и свидетельствует о развитии лингвокультурных ценностей у носителей современного русского языка. Назовем эти сферы вслед за М.Л. Ковшовой.

1. Обиходно-бытовые эвфемизмы появились во времена табуирования жизненно важных тем для человека: мир людей и мир природы. Основная цель современных обиходно-бытовых эвфемизмов – этикетно-этическое, смягчение неприятного в речи. «Обиходно-бытовые эвфемизмы описывают жизнь человека в его интимной, семейной сфере и сфере повседневной деятельности» (Ковшова 2007: 73). Исследователь выделяет здесь четыре темы, которые всегда требуют смягчения при помощи эвфемизмов:

- Анатомия и физиология человека (*пятая точка, сходить в туалет, освободить нос* и т.д.);
- Сексуальные отношения между полами (интимные отношения; физическая близость и т.д.);
- Внешние качества и внутренние свойства человека (внешность, возраст, болезни, интеллектуальные способности, физическое, душевное, интеллектуальное состояние) (*пожилой человек; неважно выглядеть; жидкий стул; неадекватно вести себя* и т.д.);
- Смерть (*покинуть эту землю; уйти в мир иной; потерять больного* и т.д.).

2. Социально-политические эвфемизмы, в отличие от обиходно-бытовых, создаются и используются в особой речевой ситуации, где собеседниками являются государственный аппарат в лице чиновников, с одной стороны, и народонаселение этого государства, с другой (там же).

Автором выделяются следующие группы:

- Социально-политические эвфемизмы власти (*враги революции, гнилая интеллигенция, звериный оскал буржуазии*);
- Социально-политические эвфемизмы народа (*черный воронок, пятый пункт, разговоры на кухне*);
- Внешнеполитические эвфемизмы, или эвфемизмы дипломатии (*ограниченный контингент, миротворческая операция, дружеская помощь*) (Ковшова 2007: 264-274).

Наиболее значимой в настоящее время является группа социально-политических эвфемизмов.

Обострение социально-экономических и политических проблем, с одной стороны, и необходимость поддержания стабильности, с другой, заставляют власть использовать в публичных обращениях особые выражения. Язык, как орудие политики, обладает целым набором средств иносказания – среди наиболее востребованных в современной публицистике можно с уверенностью назвать политические эвфемизмы, которые являются эффективным средством манипулирования сознанием, формирования общественного мнения и стереотипов речевого поведения. Данный термин используется для обозначения группы эвфемизмов, «употребляемых в текстах политической коммуникации, адресатом которых является массовая аудитория, с целью смягчить негативные ассоциации, связанные с некоторыми фактами, часто за счет искажения смысла самого описываемого факта» (Обвинцева 2003:51).

Для того чтобы уточнить определение термина *эвфемизм* в публицистических текстах, обратимся к особенностям их функционирования.

В аспекте экологии языка принято говорить о смягчающей функции эвфемизмов (Б.А. Ларин, Л.П. Крысин, М.Л. Ковшова). Она отвечает общей тенденции, в соответствии с которой в языке всё чаще используются

«смягчающие обозначения какого-либо предмета или явления, более мягкие выражения вместо грубого» (Розенталь, Теленкова, 1985: 391). Ср., например, *незрячий* вместо *слепой*, *полный* вместо *толстый* и др. Эвфемизмы, выполняющие в речи данную функцию, позволяют избежать коммуникативных конфликтов, скрыть от окружающих то, что необходимо сообщить только конкретному адресату, завуалировать негативную информацию для массового адресата.

Кроме функции смягчения высказывания, исследователи выделяют ещё одну, не менее значимую функцию эвфемизмов, – манипулятивную (Е.Л. Доценко, М.Л. Ковшова, Ю.С. Баскова).

Средством реализации данной функции является использование политических эвфемизмов, которые являются характерной чертой публицистического дискурса. Такого рода единицы, помимо смягчения и искажения смысла передаваемой информации, выполняют функцию негативной оценки в условиях юридических ограничений, оставаясь при этом высокоэффективным инструментом воздействия на аудиторию. Вопрос о статусе политических эвфемизмов, между тем, остаётся дискуссионным. В.П. Москвин говорит о необходимости разграничения эвфемии и дезинформации, поскольку эти явления противопоставлены функционально: первое смягчает выражение, второе имеет своей коммуникативной целью намеренное искажение информации (*чернобыльская авария*, вместо *чернобыльская катастрофа*) (Москвин 2007: 61). Несмотря на слабую связь с денотатом, такие выражения отвечают основным критериям эвфемии и входят в эвфемистический корпус языка, например: *Межэтнический конфликт* – война; *Непредсказуемые последствия* – локальная война; *Миротворческая акция* – локальная война (Ковшова 2007: 15). Политические эвфемизмы являются составной частью политической коммуникации, одним из эффективных способов камуфлирования действительности и манипулирования сознанием реципиента. В качестве основных признаков

таких единиц принято выделять мотивированность, наличие определенных ценностных доминант, способность к созданию новых мифологем, а также к образованию базовой оппозиции «свой – чужой», лозунговость, наличие риторической стратегии (Кипрская 2005). Размышляя над политическими эвфемизмами, И.Р. Гальперин приходит к выводу, что это «преуменьшение значения слов с целью ввести в заблуждение общественное мнение и выразить неприятное более тонко» (Гальперин 1981: 57).

Здесь уместно подробнее остановиться на таком способе психологического воздействия как манипулирование сознанием. Под этим термином понимается «своеобразное господство над духовным состоянием людей, управление им путем навязывания людям соответствующих стереотипов мышления и поведения <...> (Крысько 1999: 127). Особо отмечается, что воздействие остается незамеченным; при этом манипуляция позволяет управлять волей, чувствами и настроениями объекта воздействия; <...> скрывать истинную информацию от объектов воздействия (там же). Манипулирование общественным сознанием в значительной мере происходит с помощью СМИ. Под речевым манипулированием принято понимать «вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» (Веретенкина 1999: 99; Доценко 2000: 60).

«Игра» с сознанием реципиента возможна при отсутствии в тексте прямой номинации, которая бы обратила его внимание на действие эвфемизма. Основные процессы, способствующие эвфемизации речи, происходят на лексико-семантическом уровне. Ю.С. Баскова подчеркивает, что манипулятивное воздействие возможно благодаря использованию лексических единиц, наполненных особой семантикой и вызывающих нужные манипулятору ассоциации. Исследователь резюмирует: «Манипулятивный эффект эвфемизмов, функционирующих в текстах СМИ,

основан на механизме ассоциативности» (Баскова 2006: 8), который позволяет изменить отрицательную эмоциональную направленность сообщения на положительную благодаря ассоциациям с положительным денотатом. Политические эвфемизмы в современных СМИ выполняют, в основном, две функции – смягчение речи и обмана, камуфлирования смысла, речевого манипулирования. Т.И. Сурикова отмечает, что удобным лингвистическим средством манипулирования в СМИ становится терминология. Манипулирование с помощью терминов расширяет для представителей власти зону *можно* в том, что этически на уровне культурного кода запрещено. Исследователь выделяет две значимые формы коммуникативного поведения адресанта, то есть власти: 1) использование и / или интерпретация существующего термина; 2) создание термина и определения к нему (Сурикова 2012: 212). Проиллюстрируем данную классификацию примерами из собственной картотеки. В первом случае, например, властям выгоднее назвать обесценивание чего-либо на рынке коррекцией на каком-либо рынке (см., *коррекция на нефтяном (валютном, фондовом и т.д.) рынке*), повышение цен выгоднее назвать либерализацией цен. В качестве примера интерпретации готового термина приведем выражение *миротворческая операция*, под которым, в зависимости от ситуации, может иметься в виду и ‘операция по установлению мира’, и ‘локальная война’. Интерпретация нередко основывается на изменении дифференцирующих признаков, например, экономические санкции могут трактоваться либо как ‘незначительные ограничения в отдельных сферах экономических отношений’, либо как ‘запрет на экономические отношения’. Вторую форму коммуникативного поведения адресанта – создание термина и определения к нему – можно проиллюстрировать выражением с затемненной семантикой *бюджетное нарушение* – ‘нарушение бюджетного законодательства РФ’ (имеется в виду воровство, коррупция).

В свете вышесказанного, более точным представляется следующее определение понятия: эвфемизм – «это замена любого нежелательного в данной ситуации слова или выражения при помощи нейтрально или положительно коннотированного обозначения с целью избежать конфликта в общении и/или скрыть неприятные явления действительности» (Баскова 2006: 5). По мнению Ю.С.Басковой, наиболее сильное манипулятивное воздействие на человека осуществляется посредством именно политических эвфемизмов.

Таким образом, в рамках нашего исследования важным является тот факт, что в современном русском языке выделяется две большие группы эвфемизмов: обиходно-бытовые и социально-политические. Для публицистического дискурса наиболее актуальным является пласт социально-политических эвфемизмов. В современных СМИ, в качестве основных, выделяются две функции использования эвфемизмов: смягчение речи и манипуляция сознанием реципиента, в частности, с помощью терминологии с «затемненной» семантикой. Этот вывод является важным для описания лингвокультурологических особенностей эвфемизмов в публицистике. Между фразеологизмами и эвфемизмами русского языка отмечается больше сходств, чем различий. Основное отличие фразеологизмов (от эвфемизмов) видится в том, что они не выполняют в речи функции смягчения. Корпус эвфемизмов постоянно пополняется, поскольку часть единиц устаревает или приобретает нейтральную оценку.

1.5. Сфера функционирования и признаки перифраз

Перифрастические единицы относятся к активному средству номинации в современной газете, сфера их применения довольно широка и многообразна. Использование перифраз в повествовании называют едва ли

не самой яркой чертой газетно-публицистического стиля (Солганик 2000; Новиков 2004; Стасиньска 2003). Целью употребления перифраз в публицистике является включение в номинацию элемента развернутой, образной характеристики и оценки объекта описания, в актуализации определенного свойства или качества предмета. Журналисты испытывают постоянную потребность в экспрессивных средствах выражения, а фразеологические перифразы способствуют усилению воздействия публицистического высказывания.

Динамика процесса образования перифраз в условиях газетно-публицистического стиля проявляется в создании перифраз, способствующих образованию и пополнению уже существующих синонимических рядов новыми членами, что обусловлено потребностью в обновлении и разнообразии газетной речи; в активном на современном этапе процессе заимствования перифрастических выражений из других языков.

В противоположность эвфемизмам, которые призваны скрыть, смягчить что-либо негативное, перифразы расширяют представление о предмете публикации, украшают его. Особенно выразительно данный феномен проявляется на страницах современной печатной прессы.

Перифразы функционируют в художественном, научном, публицистическом и разговорном дискурсах. Изучением этого разряда единиц занимались И.З. Ильина (1954), В.П. Уткина (1959), Н.М. Шанский (1969), В.П. Григорьев (1971; 1974), Г.З. Розанова (1971), А.Н. Кожин (1964), Д.П. Вовчок (1972; 1974; 1976), Л.Н. Синельникова (1972; 1973; 1975), Ю.Д. Апресян (1972), В.И. Милехина, З.Д. Попова (1981), А.Т. Липатов (1982), Н.В. Свиридова (1983), Н.И. Базарская (1987), Н.И. Базарская, З.Д. Попова (1988), В.Д. Бояркин, А.Б. Новиков (1986, 1988), В.С. Соловьева (1995), З.Н. Афинская (1996), Л.В. Грехнева (1999), Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина (2006), Т.И. Бытева (1998; 2002; 2008) и др.

Перифраза как лингвокультурологическая единица рассматривается в работах Е.В. Евдокимовой (2007), Г.В. Бобровской (2010) и др.

Начиная с трудов А.А. Потебни, к определению перифразы существуют различные подходы. На позиции соотношения перифраз с понятием фразеологического сочетания стоят В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, Л.В. Шубина. Другие лингвисты, например, Л.Н. Синельникова, относят перифразы к категории близкой фразеологическим единствам. О.С. Ахманова определяет их как «описательное выражение» или «троп, состоящий в замене обычного слова (простого обозначения некоторого предмета одним словом) описательным выражением» (Ахманова 1966, цит. по Прокудина 1981: 35). По мнению Т.А. Прокудиной, ни одно из определений не позволяет четко разграничить собственно перифразы и другие виды тропов, например, простые метафоры. Исследователь предлагает собственное определение: «Перифраза – это оригинальная комбинация слов, которая не имеет эквивалента среди свободных (переменных) словосочетаний, обладающая целостным значением, соотношенная с одним денотатом, являющаяся образным синонимом слова, но вносящая дополнительную информацию о предмете или явлении» (Прокудина 1981: 38).

В современной традиционной лингвистике существует широкое и узкое понимание перифрастического сочетания. «Словарь лингвистических терминов» под ред. О.С. Ахмановой дает следующее определение: «Перифраза – троп, состоящий в замене обычного слова (простого обозначения предмета одним словом) описательным выражением» (Ахманова 1969: 312). «Словарь-справочник лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой называет эту единицу «... выражением, являющимся описательной передачей смысла другого выражения или слова» (Розенталь, Теленкова 1985: 271). А.Б. Новиков иллюстрирует широкое понимание данного явления цитатой из статьи А.Н. Кожина «Перифрастическое

построение в языке советской эпохи». Исследователь отмечает, что «перифразы – это такие сочетания слов, посредством которых вторично обозначается то, что имеет собственное наименование» (Кожин 1977: 89, цит. по Новиков 1988: 11). С точки зрения А.Н. Кожина, перифраза не просто называет, но и описывает, характеризует и оценивает обозначаемое (там же: 12).

За узкое понимание термина *перифраза* выступают, в частности, В.И. Милехина и З.Д. Попова. Исследователи полагают, что «перифраза не всякое описательное выражение, а такое, которое служит вторичным знаком какого-то языкового значения, отсылает к первичному знаку, предполагает его и замещает в силу нежелательности первичного знака в тех или иных условиях» (Милехина, Попова 1981: 40). Из данной работы следует, что под перифразой авторы понимают только табуированные и эвфемистические образования, которые призваны смягчить восприятие неприличного, невежливого первичного наименования. Некоторые исследователи (П.Я. Гальперин, В.А. Кухаренко) называют эвфемизм частным случаем перифразы, включая, таким образом, в перифрастический корпус и эвфемизмы.

Ряд лексикологов, вслед за А.А. Потебней, считают перифразами только образные описательные выражения. Подобное понимание можно найти в «Словаре лингвистических терминов» Д.И. Ганича и Н.С. Олейник: «Перифраза – переносное, описательно-образное название, которое всегда несет в себе оценку, помогает яркости, выразительности, изобразительности» (Ганич, Олейник 1985: 185). Т.А. Прокудина относит к перифразам только образные выражения (Прокудина 1981: 36).

По наблюдению А.Б. Новикова, исследователи под перифразами имеют в виду, прежде всего, субстантивные вторичные номинации. Большинство определений характеризуют оборот как вторичное название вместо прямого обозначения предмета или явления (Е.А. Маймин, А.И. Ефимов, И.З. Ильина,

А.С. Сычев, Д.Э. Розенталь, В.П. Жуков и др.). В работах лексикологов, посвященных определению перифраз, чаще всего приводится субстантивный перифрастический материал (Г.З. Розанова, Л.Н. Синельникова, Т.А. Прокудина, А.Н. Кожин, С.Г. Гаврин и др.). А.Б. Новиков термин «вторичность» употребляет по отношению к самому процессу номинации и именуемому объекту, а не номинативным единицам, участвующим в процессе номинации (Новиков 1988: 18-19).

Чтобы представить основные черты изучаемого явления, необходимо отграничение его от схожих явлений языка. Соотношения перифраза – фразеологизм и перифраза – эвфемизм активно обсуждаются в научной литературе. Частично описаны их сходства и различия, которые, в основном, сводятся к следующему:

Соотношение перифраза – фразеологизм определяется следующим образом: «субстантивные фразеологизмы и перифразы являются единицами одного порядка – их объединяет экспрессивность, устойчивость, одинаковая компонентная структура», наиболее яркое различие этих «во многом схожих типов устойчивых сочетаний русского языка» исследователи видят в специфике денотативной отнесённости: перифразы имеют конкретный денотат – лицо или географическое название (*северная Венеция* – Ленинград), а фразеологизмы означают чаще всего абстрактные понятия и более разнообразны тематически (*дамоклов меч, ящик Пандоры*)» (Бояркин, Новиков 1986: 112).

Вопрос отношения перифраз к фразеологической системе языка вызывает много споров. Общепринятым является мнение о том, что индивидуально-авторские или окказиональные единицы, как правило, имеют одноразовый, нерегулярный характер, т.е. не обладают признаками устойчивости и воспроизводимости, характерными для фразеологизма, и будут относиться к единицам речи. К фразеологической системе языка

относят только общеязыковые перифразы, отмеченные словарями и закреплённые узусом.

Некоторые перифразы закрепляются за определённым стилем речи: художественно-поэтическим, газетно-публицистическим. Перифразы газетно-публицистического стиля могут носить ограниченно-временной характер по сравнению с традиционными фразеологизмами, существующими в языке длительное время. Тот факт, что перифразы газетно-публицистического стиля и фразеологизмы имеют разную денотативную отнесенность (Новиков 1988: 14-15), а тематические группы, по которым распределяются эти единицы, практически не пересекаются (Бояркин, Новиков 1986: 15), позволяют сказать, что специфику денотативной отнесённости можно считать одним из наиболее ярких различий между перифразами и фразеологизмами.

Основное различие между перифразой и эвфемизмом видится в следующем: «в отличие от эвфемизмов, которые участвуют в речевом акте смягчения речи, чтобы заменить грубые, невежливые, нетактичные выражения на иные, перифраза – это, прежде всего, украшающий элемент поэтической речи и публицистического текста, средство, позволяющее избежать повторов в наименовании чего-либо в пределах одного контекста» (Ковшова 2007: 256).

Не обозначая нового понятия, создаваясь для именованя понятий, уже имеющих обозначение в языке, перифразы обогащают план выражения языка, но не касаются плана его содержания (Милехина, Попова 1981: 39). С.Г. Гаврин отмечает, что в современной лингвистике (1971 год) в понятие «перифраза» включаются следующие составляющие: 1) номинативный его характер (по мнению исследователя это основная, в отличие от изобразительной, функция этой единицы); 2) функция замены, замещения какого-либо слова, словосочетания; синонимичность его по отношению к заменяемому (слову, обороту); 3) способность обозначать только лица или

предметы (в отличие от действий, свойств и т.д.); 4) переносно-иносказательное содержание перифраз; 5) описательный его характер (Гаврин 1971: 59). Л.В. Грехнева, помимо упомянутого, выделяет также следующие признаки перифраз: способность указывать на свойства и признаки обозначаемого предмета; многословность; способность передавать субъективное отношение автора к описываемому. «Сущность перифразы в том, что она называет уже названный предмет, а значит, заменяет первичное наименование» (Грехнева 1994: 55-56). На основе выделенных признаков исследователь предлагает следующее определение перифразы – это «словесное выражение, являющееся результатом коммуникативно мотивированной, вторичной, признаковой номинации» (там же: 56).

По наблюдению Т.И. Бытевой, формальная структура перифразы трехчлена (языковая метафора одночленна, сравнение – всегда двучленно). Первым и важнейшим членом структуры перифразы является слово-номинат, то есть перифразируемое слово. Второй член – перифразирующий компонент (опорное слово). Третий член – предидицируемый компонент, семантический предикат: мех (1), *мягкое* (3) *золото* (2). Каждый из компонентов сочетания может быть распространен. Традиционно, слово-номинат не входит в состав перифразы, поскольку это слово является не просто перифразируемым, но и толкуемым. Толкуемое слово не включается в состав единицы (Бытева 2008).

В.П. Москвин отмечает сходство перифраз с фрагментом кроссворда (автор романа «Война и мир», ответ: Лев Толстой) и с загадкой (лесная флейта? отгадка: иволга). В структуре перифразы автор выделяет две части: ядерную и ключевую. «Ключевая («отгадочная», конкретизирующая) часть прямо называет какой-либо характерный признак обозначаемого объекта и тем самым обеспечивает возможность более или менее однозначной расшифровки перифразы: *ночное светило*, *царица ночи* (= луна), *дневное светило* (= солнце). Ядерная же часть перифразы указывает на обозначаемый объект, однако не прямо, а косвенно, иносказательно, в виде намека. Такое

указание производится двумя способами: 1) метафорически (*царица ночи*) либо 2) путем переноса с рода на вид – с помощью более широкого по значению слова (ср. Фонвизин и автор «Недоросля»), в частности, родового наименования (ср. луна и *ночное светило*) (Москвин 2006: 34).

Перифразы не только устраняют тавтологию, но и усиливают эффективность (благодаря своей экспрессивности) и информативность публикации.

По характеру номинации перифразы подразделяются на образные и логические. По наблюдению Т.И. Бытевой, значение перифрастического сочетания не тождественно значению перифразируемого слова уже на денотативном уровне. Слово-номинат имеет и сигнификативный, «закрытый» компонент значения, который «открывается» под определенным семантическим углом, развертывается или преобразуется в значении перифрастического сочетания. Именно характером раскрытия значения различаются «необразные» и «образные» перифразы. Первые – дескриптивные – раскрывают его в форме описания характерных признаков (*город на Неве* – Петербург), а вторые – тропеические, по принципу подобия или смежности (*колыбель революции* – Петербург, *мягкое подбрюшье Европы* – Балканы) (Бытева 2008).

При отсутствии переносно-образного значения перифразы обычно строятся с использованием какого-либо другого экспрессивно-изобразительного средства: тавтологии, оксюморона, антитезы, плеоназма и т.д. Перифразы художественно-поэтической речи получили в XX веке налет архаизации (*храм любви* – беседка). В настоящее время перифразы «стилистически переориентированы» на язык прессы и mass media. С.Г. Гаврин приводит наиболее продуктивные модели построения перифраз:

1. Метафорический компонент / опорное слово (*слуга народа*).
Неметафорический компонент / поясняющее слово (*гимнастика ума*)

2. Метафорический компонент / опорное слово (*голубая стрела* – скорый поезд Москва-Ленинград). Метафорический компонент / поясняющее слово (*дядя Сэм* – США)

3. Неметафорический компонент / опорное слово (*люди с чистой совестью* – партизаны). Неметафорический компонент / поясняющее слово (*труженики полей*) (Гаврин 1971).

В основе образных единиц лежит метафора (*царь зверей*) или метонимия (*голубые береты*), в основе логических – перенос с рода на вид, ср. *Погасло солнце и Погасло дневное светило* (А.С. Пушкин). Развести номинативные типы перифразы возможно только с помощью трансформационного анализа. Метонимическая перифраза может превратиться в логическую путем развертывания (то есть восстановления ядерной части): *белые воротнички* → *люди в белых воротничках*. Компаративная развертка или возможность пояснить единицу через развертывание говорят о метафоричности перифразы: *царь зверей* → *лев как царь среди зверей*. Логические перифразы таким образом не развертываются. По степени номинативной адекватности В.П. Москвин подразделяет перифразы на: 1) точные, которые фиксируют существенные признаки объектов: *подняться в воздух* ‘взлететь’; 2) неточные, которые фиксируют несущественные признаки объектов: *царь зверей*. Неточная перифраза называет те признаки объекта, которые не входят в объем типовых представлений о нем и не зафиксированы, таким образом, в словарных дефинициях. Следовательно, «неточная перифраза, в отличие от точной, находится с перифразируемым словом в отношениях уточнения, информационного восполнения» (Москвин 2006: 35). Автор отмечает, в частности, абсолютную эмоционально-оценочную нейтральность точных перифраз.

Использование перифраз обусловлено исключительно коммуникативным намерением говорящего, установкой на выражение именно данного смысла. Перифраза представляет собой номинацию,

выполняющую функцию передачи актуальной информации об объекте номинации. «Эта функция отлична от функций сопредельных языковых единиц – слова и свободного сочетания. Ее можно обозначить как актуально-номинативную» (Бытева 2008: 28-29). Использование в речи и толкуемого, и перифразирующего элементов (в одном контексте) перифразы противоречит одной из главных ее функций – помочь избежать повторения (употребив в одном предложении «монолитную» трехчленную единицу ...*страна орлов, Албания...* человек при необходимости снова назвать страну в последующих предложениях будет вынужден повториться) (там же: 30-31).

Перифраза полифункциональна, в числе главных её функций – коммуникативно-стилистическая и текстообразующая. Первая охватывает интродуктивную, характеризующую, экспрессивную, оценочную, просветительскую, рекламно-вербующую функции, а также функцию обеспечения автоматизма восприятия речи, вторая – выступает в качестве средства внутритекстовой связи, когда перифразирование исходной реалии-темы текста приводит к созданию цепочек перифрастических выражений с разным коммуникативно-стилистическим назначением (Отт 2010: 6).

Наблюдение за использованием перифраз в публицистике позволяет очертить границы понятийных полей газетной информации исследуемого временного среза, установить круг наиболее актуальных тем, освещаемых в газетах, выделить ряд наиболее частотных тематических групп перифраз.

А.Б. Новиков пишет, что наличие перифраз в газете не зависит от исторического этапа, идеологической направленности или языковой особенности публицистических материалов. Согласно его наблюдениям, с начала 80-х годов перифразирование остается неотъемлемой чертой языка газеты. Это связано с тем, что на протяжении десятилетий актуальными остаются реалии – объекты перифразирования. Необходимо добавить, что частота использования перифраз зависит от актуальности обозначаемых ими денотатов, от общественно-политической жизни социума. Актуализация

определённых групп перифраз тесно связана с социальными и политическими изменениями в жизни языкового сообщества (Новиков 1988).

На материале прессы выделяются следующие тематические группы перифраз: обозначение лиц: указание на лицо (поэты, прозаики, политические деятели), указание на человека по роду занятий; наименования совокупности лиц; географических наименований, реалий из сферы политики, науки и техники, обозначение брендов (Отт 2010: 5). В диссертации А.Б. Новикова перифрастические денотаты представлены девятнадцатью тематическими группами: социально-политические реалии; объекты политической географии (города, государства); транспорт; промышленность; объекты физической географии (водные объекты, материки, острова, полуострова, горы, регионы); космос; спорт; исторические реалии и т.д. (Новиков 1988). Так, если в период с 1985 по 1995 год в публицистике лидировала тематическая группа «Человек» (Новиков 2004), то, начиная с 2000 года, в печати начинает преобладать тематическая группа перифраз, замещающих географические наименования. Вызвано это существенными изменениями в жизни российского общества (уходит на второй план политическая и идеологическая составляющая, на первый план выходит реклама услуг различных туристических агентств, о которых в предыдущее десятилетие в России практически ничего не знали).

Как было отмечено выше, одним из основных разрядов перифраз, характеризующих публицистический стиль, являются перифразы географических объектов или топонимические перифразы. Топонимические перифрастические сочетания известны с библейских времен, однако как самостоятельное лингвистическое явление они начинают изучаться в отечественном языкознании только с 50-х годов прошлого века. Под топонимической перифразой мы, вслед за Л.Н. Гуковой и Л.Ф. Фоминой, понимаем «описательную конструкцию, заменяющую топоним (первичную номинацию топографического объекта) и репрезентирующую какие-либо его

устойчивые или индивидуально выделенные признаки либо представляющую целое с помощью его разных когнитивных составляющих. Топонимические перифразы обладают разной степенью образности, иносказательности, но в них, как в любой перифразе, значение целого доминирует над значением составляющих элементов» (Гукова, Фомина 2006: 76). Данные единицы «репрезентируют целое по его когнитивным компонентам», «подчеркивают какие-либо его признаки», «обладают образностью, иносказательностью» (Гукова, Фомина 2004: 258). Топонимические перифразы не только называют объекты, но и описывают их, тем самым концентрированно передают сущность объекта, основываясь, например, на его географическом положении, участии в исторически значимых событиях, ведущей экономической деятельности (Корнейко 2013: 11). Согласно наблюдению В.П. Москвина, актуальные и важные для носителей языка топонимы вызывают особенно активное образование перифраз (Москвин 2006: 34), например, перифрастические наименования Санкт-Петербурга. Е.В. Исаева справедливо отмечает, что топонимические перифразы появились вследствие стремления носителей лингвокультуры выдвинуть на первый план определенное значимое качество географического объекта, оцененное и разделяемое всеми. «При этом, функционируя как вторичные номинативные речевые единицы, топонимические перифразы обладают яркой выразительностью и оценочной характеристикой окружающего мира и самих себя» (Исаева 2014: 112). Л.Н. Гукова и Л.Ф. Фомина в статье «Топонимическая перифраза: введение в проблему» предлагают следующую конструктивно-семантическую классификацию топонимических перифраз:

- 1) перифраза строится из имен нарицательных, но отсылает к имени собственному-топониму, который замещается ею, например, *страна героев и богов - Греция*;

2) перифраза имеет в своем составе имя собственное (антропоним или топоним), но отсылает к иному имени собственному-топониму: *берега Невы* – Санкт-Петербург;

3) конструкции, в которых главное слово описательно-номинативного словосочетания (имя нарицательное) называет один из когнитивных признаков именуемого топографического объекта, а зависимое является формой косвенного падежа исходной номинации – имени собственного или его дериватом – оттопонимическим прилагательным, и именно зависимый компонент является носителем перифразируемой информации: *русская земля* – Россия (Гукова, Фомина 2006: 77-78).

Для тематического анализа денотатов перифраз нами была использована классификация, предложенная А.А. Ягодовой в ее диссертации, посвященной принципам лингвосоциокультурологического описания языковых единиц на материале газетных заголовков (Ягодова 2003). Исследователь выделяет: потамонимы – названия рек и каналов, урбанонимы – названия улиц, площадей, бульваров, названия орографических объектов – гор, хребтов, возвышенностей и т.д., всего 16 групп. В результате тематического анализа перифразируемых топонимов было выделено 12 групп. Наиболее частотными являются группы перифрастических названий городов и стран, именно они и стали объектом нашего исследования. Большой и продуктивной группой являются перифразы, обозначающие понятия, связанные с культурной жизнью страны. Объектами перифрастического обозначения являются также социально-политические и экономические процессы и явления.

В результате анализа научной литературы мы пришли к выводу о том, что перифраза является особым типом устойчивых сочетаний и представляет собой описательный оборот, что-либо вторично называющий. Вместе с тем, представляется возможным отнести перифразы к фразеологизмам, поскольку она характеризуется устойчивостью сочетания слов, воспроизводимостью, частичной целостностью значения, номинативным характером,

экспрессивностью (во-первых, образностью, которая создается метафорическим и метонимическим переносами, во-вторых, – оценочностью, в основном, положительной); перифраза выполняет семантические (заместительную, пояснительную), стилистические (изобразительную, оценочную) и коммуникативно-стилистические (характеризующую, экспрессивную, интродуктивную, рекламно-вербующую) функции, обладает описательным характером, переносно-иносказательным содержанием, является либо логическим, либо образным синонимом слова (словосочетания), в то же время отличаясь большей информационной насыщенностью. По степени освоенности языковой системой перифразы подразделяются на речевые (*нюхательная часть тела*) и языковые – общеизвестные, вошедшие в лексикон языка (*люди в белых халатах*). Одним из основных разрядов перифраз, характеризующих публицистический стиль, являются топонимические перифразы. Каждый день в газетной публицистике появляются новые, пока речевые, единицы. Однако специфика этого жанра состоит в том, что однажды сказанное удачное выражение подхватывается и тиражируется с огромной скоростью, обеспечивая единице устойчивость в языке и воспроизводимость в речи.

1.6. Лингвокультурологический аспект изучения устойчивых словесных комплексов, функционирующих в современной публицистике

1.6.1. Лингвокультурология в современной научной парадигме

Американские исследователи – крупнейший лингвист первой половины XX века Э. Сепир и этнолингвист Б.Л. Уорф – в 30-х годах XX века предложили гипотезу лингвистической относительности, согласно которой структура языка определяет мышление и способ познания реальности. Из данной концепции следует, что носители разных языков по-разному

воспринимают мир и по-разному мыслят. Сегодня сама возможность влияния языковых категорий на восприятие мира является предметом активной дискуссии в этнолингвистике, психоллингвистике и теоретической семантике. Изучением языка в неразрывной связи с культурой занимается лингвокультурология. Вклад в ее становление и развитие внесли работы таких исследователей как В. Гумбольдт (1820; 1836), Е.М. Верещагин (1980), В.Н. Телия (1994; 1996), В.В.Воробьев (1997), С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.А. Маслова (2001) и др.

Существует большое количество различных толкований данного термина. Приведем лишь некоторые из них.

Так, Г.В. Токарев определяет лингвокультурологию как «научную дисциплину, изучающую процессы и результаты воплощения материальной и духовной культуры в живой язык, взаимодействие языка и культуры» (Токарев 2009: 5). Автор уточняет, что «лингвокультурология является частью этнолингвистики» (там же). В.В. Воробьев также основывает собственное определение на интегральной семе «культура – язык», однако, дает более подробную дефиницию. Исследователь подчеркивает, что лингвокультурология является «комплексной научной дисциплиной синтезирующего типа, изучающей взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающей этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового культурного содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» (Воробьев 1997: 36-37). В своей работе мы будем придерживаться точки зрения Е.И. Зиновьевой, которая, по нашему мнению, дала наиболее полное и компактное определение термина «лингвокультурология». Под лингвокультурологией автор понимает филологическую науку, исследующую различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение

языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса (Зиновьева 2016).

В данной дефиниции выделяется такой принципиальный показатель лингвокультурологии, как «филологическая наука»: тем самым, с одной стороны, определяется место лингвокультурологии в системе гуманитарных знаний, с другой – подчеркивается, что у нее, как у науки, имеются собственные предмет и объект изучения. Немаловажным является и указание на универсальность лингвокультурологии – она исследует представления знаний о мире носителей разных языков. Мы считаем данное определение полным еще и потому, что автор сразу же ориентирует читателя на комплексный анализ, при котором необходимо задействовать языковые единицы разных уровней, дать такое описание объектов, «которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации, ассоциации, отражающие сознание носителей языка» (Зиновьева 2016: 12). В данном определении выделены те параметры, которые позволяют отличать лингвокультурологическое описание от страноведческого и собственно когнитивного.

По поводу цели, которая стоит перед лингвокультурологией, существует несколько взаимодополняющих мнений. В.Н. Телия главной целью считает «выявление “повседневной” культурно-языковой компетенции носителей языка» (Телия 2004: 10). А.Т. Хроленко пишет о более глобальной цели. По его мнению, лингвокультурология призвана обобщить всю информацию, накопленную этнолингвистикой (этнолингвистиками) и входящими в нее (в них) дисциплинами, выявить механизмы взаимодействия языка и культуры (Хроленко 2009: 30-31).

Объектом данной науки А.Т. Хроленко считает язык и культуру, предметом – «фундаментальные вопросы, связанные с преобразующей стороной связи языка и его единиц, обусловленные динамикой культуры, а также преобразования в структуре и изменения в функционировании

культуры, predeterminedенные языковой реализацией культурных смыслов» (там же: 31). В.А. Маслова уточняет, что в качестве одного из «предметов» лингвокультурологии можно назвать фразеологический фонд языка (Маслова 2001: 37). Многие ученые сходятся во мнении, что наиболее перспективным предметом исследования лингвокультурологии становятся культурно маркированные языковые единицы, такие как фразеологизмы и паремии. Культурная семантика проявляется в очевидной образности данных единиц, «образ становится своеобразной скрепой языка и культуры» (Токарев 2013). Одним из главных предметов изучения этой науки является внутренняя форма лингвистического знака (Маслова 2004; Ковшова 2007, 2012; Токарев 2009). К объекту лингвокультурологии в своей работе мы, вслед за А.Т. Хроленко, будем относить язык и культуру, к предмету – культурно-значимые единицы языка, в том числе фразеологизмы, которые в языке выражают культурную семантику, т.е. выполняют функцию вербализованных знаков «языка» культуры.

Одной из основных проблем лингвокультурологии является проблема метода исследования (Телия 1999; Опарина 1999, Маслова 2004). Необходимо отметить, что лингвокультурология активно использует ономазиологический анализ (метод) исследования. Ономазиологический анализ – это путь от содержания к выражению, связанный с тем, какие существуют слова, словосочетания и т. п. для выражения определённого содержания. Ономазиологическим подходом к исследованию языка, в отличие от семасиологического, является тот, который рассматривает содержательную сторону языковых единиц не с точки зрения формирования их внутрисистемных значимостей и механизма семантического распространения слов и словосочетаний, а с точки зрения предметной направленности, т. е. соотнесённости языковых единиц с внеязыковым предметным рядом как средства обозначения, именованного последнего (Серебрянников 1977). Для изучения культурной семантики применяются:

структурный метод (в частности, компонентный анализ), этимологический анализ (при описании архетипических пластов), концептуальный анализ (комментирование языковых единиц путём моделирования фреймов, сценариев, выявления гештальтов). Синкретичный характер лингвокультурологии объясняет появление таких методов и приёмов её исследования как культурологические, социологические, психологические. Изоморфизм двух знаковых систем (языка и культуры) позволяет использовать в лингвокультурологических исследованиях семиотические приемы (формирование и интерпретация речевых стереотипов). Симбиоз всех перечисленных методов ведет к обоснованию собственно лингвокультурологического метода исследования, то есть лингвокультурологического анализа. Е.И. Зиновьева справедливо отмечает, что «лингвокультурологический анализ направлен на выявление культурных смыслов, имплицитно представленных в семантике и особенностях функционирования в различных типах дискурса языковых единиц разных уровней. Цель лингвокультурологического анализа – описание целостного представления, вербализуемого языковым знаком различной протяженности (или совокупностью знаков), в сознании представителей одной лингвокультуры. Целостное представление может представлять собой образ, эталон, символ, стереотип, концепт или совокупность этих ментальных единиц» (Зиновьева 2016: 676). Исследование культурно-языковой специфики возможно двумя методами: сравнительным и интроспективным. Сравнительный подход (Седых 2005) предполагает сравнение с другими языками и культурами. Интроспективный – подразумевает текстовый анализ языкового материала с целью выявления национально-культурной специфики языка (Добровольский, 1997). Другими словами, интроспективный подход позволяет судить о представлении носителей языка о национальной маркированности единиц своего языка без сопоставления с

другими языками. «Интроспективный метод используется, когда <...> исследователь <...> использует себя как носителя языка» (Кибрик 2003: 53).

Изучение языковых ситуаций, которые сложились в обществе на определенном этапе развития государства, является одним из наиболее актуальных направлений лингвокультурологии. Понятие лингвокультурной ситуации в научный обиход ввел В.М. Шаклеин, предложивший следующее его определение: «динамичный и волнообразный процесс взаимодействия языков и культур в исторически сложившихся культурных регионах и социальных средах», <...> «статический временной срез лингвокультуры» (Шаклеин 1997: 19). Изучению лингвокультурной ситуации также посвящены работы Т.М. Дридзе, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, В.А. Масловой. Проведению лингвокультурологического анализа языковой ситуации способствует изучение социальных (социальная ситуация), политических (политическая ситуация), экономических (экономическая ситуация), исторических (историческая ситуация), культурных (культурная ситуация) и других особенностей, оказывающих влияние на языковую ситуацию конкретного временного периода, а также речевого материала, в котором воплощаются определенные тенденции. При этом основным, с точки зрения В.М. Шаклеина, фактором является время, поскольку один временной срез служит подготовительным этапом для следующего формирующегося среза. Сущность же лингвокультурной ситуации заключается в сочетании общенационального, группового и индивидуального в языке определенного времени в одном географическом пространстве (Шаклеин 1997). Справедливо замечание Л.Н. Михеевой, которая считает, что «пришло время вести исследование лингвокультурной ситуации комплексно <...> с учетом социолингвистических факторов <...>, с помощью лингвокультурологического метода анализа» (Михеева 2013: 9). При этом необходимо учитывать своеобразный «диалог культур» представителей одного лингвокультурного сообщества, относящихся к разным периодам

времени (Салимова 2014: 153). Например, «осмысление ценностных и культурных ориентиров советского человека, зафиксированных в языке, способствует пониманию уникальных особенностей советского периода и осмысления его влияния на культуру России» (Кранышева 2008: 9).

Лингвокультурология, однако, не единственное направление антропологической парадигмы современного языкознания. Наравне с ней в когнитивную федерацию наук (термин Е.С. Кубряковой) входит когнитивная лингвистика, о которой впервые заговорили на симпозиуме Массачусетского университета в 1965 году как о науке, изучающей процессы восприятия, запоминания и умозаключения. Язык при этом участвует в кодировании и трансформации информации (Кубрякова и др. 1996).

Изучением языка в неразрывной связи с культурой занимается лингвокультурология. Ее целью мы будем считать выявление повседневной, культурно-языковой компетенции субъектов лингвокультурного сообщества. К объекту лингвокультурологии в своей работе мы будем относить язык и культуру, к предмету – культурно-значимые единицы языка, в том числе фразеологизмы, которые в языке выражают культурную семантику, т.е. выполняют функцию вербализованных знаков «языка» культуры. В своей работе мы будем использовать лингвокультурологический анализ, под которым мы, вслед за Е.И. Зиновьевой, понимаем описание образа, эталона, символа, стереотипа или совокупности этих ментальных единиц, вербализуемых языковым знаком (или совокупностью знаков), в сознании представителей одной лингвокультуры. Единицы в нашем исследовании будут рассматриваться в контексте лингвокультурной ситуации, под которой мы, следуя определению В.М. Шаклеина, понимаем «статический временной срез лингвокультуры» (Шаклеин 1997). Об изучении фразеологизмов в рамках лингвокультурологии пойдет речь в следующем параграфе.

1.6.2. Фразеологическое направление в лингвокультурологии

Изучая фразеологию любого народа, человек проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком. Стефка Георгиева в статье «Познание культуры через фразеологию» говорит о фразеологическом корпусе любого национального языка как о своеобразном источнике знаний о культуре народа. Элементы культуры видны из денотации, лежащей в образной основе ФЕ, для описания которой нужно расшифровывать метафоры, обнаруживать образы, соотносить слова с категориями культуры, описывать культурный дискурс. Специфичность лингвокультурной общности выявляется на анализе образной основы (внутренней формы) ФЕ (Георгиева 2000: 108). Определение культурно-национальной значимости фразеологизма происходит на основе соотнесения внутренней формы фразеологизма и тех кодов культуры, которые известны говорящему (мифология, обряды и ритуалы, поверия, стереотипы). Носитель языка, владея в определенной степени такой культурной коннотацией фразеологизмов, выражает свою культурно-языковую компетенцию, которая закладывается еще в детстве. ФЕ содержат в себе культурные элементы обычно в национально-самобытной форме. Именно поэтому интерпретация культурно-национальных коннотаций фразеологизмов помогает пониманию глубинных черт народного менталитета. По наблюдению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, культурно-национальная (т.е. страноведческая) ценность фразеологизмов складывается из трёх составляющих:

- во-первых, они отражают национальную культуру нерасчлененно, комплексно, всеми своими элементами, взятыми вместе, т.е. своими идиоматичными значениями. Некоторые фразеологизмы называют также явления прошлого и настоящего нашей страны, которые не имеют прямых аналогов в зарубежных, национальных культурах;

- во-вторых, русские ФЕ отражают национальную культуру расчлененно, единицами своего состава. Некоторые из таких слов принадлежат к числу безэквивалентных;

- в-третьих, ФЕ отражают русскую национальную культуру своими прототипами, поскольку генетически свободные словосочетания описывали определенные обычаи, традиции, подробности быта и культуры, исторические события и многое другое (Верещагин, Костомаров 1983: 85).

Средством воплощения национально-культурной специфики фразеологизма, по мнению В.Н. Телия, служит «образное основание (в том числе и включающее в себя культурно маркированные реалии), а способом указания на эту специфику является интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном «пространстве» данного языкового общества. Такого рода интерпретация и составляет содержание культурно-национальной коннотации» (Телия 1996: 215). М.Л. Ковшова отмечает, что базовые концепты культуры воплощены во фразеологических образах, сквозь призму которых лингвокультурологическая парадигма во фразеологии изучает национальное самосознание. Культурная информация содержится в семантике фразеологизмов (в которую «входят» такие знаки культуры как символ, эталон, стереотип, мифологема), в ее мотивационном, оценочном и эмотивном макрокомпонентах (Ковшова 2012: 41-42). «Основная цель лингвокультурологического направления во фразеологии заключается в выявлении способов и средств воплощения «языка» культуры в содержание фразеологизмов. В отличие от этнолингвистики, обращенной к реконструкции по данным языка бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифологического творчества в их диахроническом движении, лингвокультурологическое направление во фразеологии исследует взаимодействие языка и культуры в диапазоне культурно-национального самосознания и его фразеологической презентации. От контрастивного и лингвострановедческого подходов, с их

описанием различий в компонентном составе разноязычных фразеологизмов и фиксации этимологической, исторической и др. информации, лингвокультурологическое направление во фразеологии отличает исследование национального менталитета, явленного в образах мира и запечатленных во фразеологизмах» (там же: 57-58). З.З. Джемилева применительно к материалу фразеологии формулирует основную задачу лингвокультурологии следующим образом: «исследование и описание механизмов, на основе которых осуществляется взаимодействие фразеологизмов как единиц естественного языка с культурной семантикой «языка» культуры» (Джемилева 2009). В результате действия этих механизмов осуществляется презентация фразеологизмами культурной семантики и тем самым выполнение ими функции вербализованных знаков «языка» культуры.

Вопрос о том, как осуществляется связь языка с национальной культурой, остается дискуссионным. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров говорят о национально-культурном компоненте, Ю.А. Сорокин – о фоновых знаниях, В.Н. Телия и М.А. Маслова убеждены, что связь языка с национальной культурой реализуется через культурную коннотацию (Маслова 2004: 74). Мы, вслед за В.Н. Телия, считаем, что центральное место в описании фразеологизмов с позиций лингвокультурологии состоит в описании культурной коннотации этих единиц. Культурная коннотация складывается из культурных кодов, соотношения национальных символов, образов, стереотипов, которые позволяют, в свою очередь, выделить ценностные установки культуры. Другими словами, анализ предполагает соотнесение языковых знаков со знаками культуры (Телия 1996: 84).

Е.О. Опарина отмечает, что «культурная коннотация» является семиотической единицей (обеспечивает связь между языком и культурой), имеет свой «локус» воплощения в системе языка (образно мотивированные лексические и фразеологические единицы) и представляет собой единицу

операционального характера (владение культурной коннотацией формирует культурно-языковой тип компетенции носителя языка) (Опарина 1999: 186).

Фразеологизм представляет собой микротекст, поскольку отражает образ-ситуацию. Образ, который выражает означаемое, является составной частью значения идиомы. «Образ становится своеобразной скрепой языка и культуры. Именно через него культура входит в пространство языка, с другой стороны, образ – это своеобразное окно, через которое можно изучать культуру» (Токарев 2013: 4). Идиома, как мотивированный знак, имеет мотивированное значение. «Для постижения знаковой функции значения идиом необходимо <...> исследовать в режиме лингвистического эксперимента закономерности формирования той семиологической ассоциации, которая способна конвенционально указывать на применение имени к внеязыковой действительности, вычлняя в ней то, что обозначается данным именем <...>» (Телия 1996: 84-85).

Идиома используется для трансляции рациональной и эмоциональной оценки. Рациональная – положительная или отрицательная – оценка зависит от эмпатии говорящего и слушающего. Если, рассуждая о конфликте на Украине, говорящий выступает с позиции официальных властей этого государства, то выражение *АТО (антитеррористическая операция), карательная операция* это «хорошо», если с позиции населения самопровозглашенных ДНР-ЛНР – «плохо». Более того, даже «в пределах одной лингвокультурной общности сосуществуют различные, иногда – противоположные по оценке одного и того же явления стереотипы сознания» (Опарина 1999: 185). Еще одним элементом значения принято считать стилистическую маркированность, которая также указывает на действительность. Фразеологизм обладает культурно-национальной спецификой, воплощающейся посредством образного основания, интерпретация (т.е. культурная коннотация) которого, в свою очередь, является способом указания на эту специфику. В.Н. Телия выделила восемь

типов источников культурной интерпретации фразеологизмов: 1) ритуальные формы народной культуры, поверья, мифы и т.д. (при этом следует отличать лингвокультурологический анализ от этимологического: первый основан на извлечении из образа его действенной, а не «прошлой» культурной значимости); 2) паремиологический фонд языка; 3) система образов-эталонов, зафиксированных в устойчивых сравнениях; 4) слова-символы (не реалии, а имена с символьным прочтением, квазисимволы: рука – не как часть тела, а как символ власти); 5) христианство; 6) интеллектуальное достояние нации и человечества в целом: философия, история, литература и т.п.; 7) явно выраженные в словах-компонентах фразеологизмов сведения о таких реалиях, которые служат предметом описания в страноведчески ориентированных словарях (медный грош – *гроша медного не стоит*); 8) само образное содержание фразеологизмов (однако не все фразеологизмы являются культурными знаками, некоторые связаны с универсальным знанием) (Телия 1996: 240-250).

Важно отметить, что основная функция фразеологизма не описательная, а интерпретирующая; фразеологизм позволяет выразить оценку и субъективное отношение к окружающему миру. Анализ внутренней формы фразеологизма предполагает интерпретацию семантики в терминах культуры, поскольку большинство фразеологизмов содержат смыслы, которые придают им культурно-национальный колорит. Проще всего, как отмечает В.А. Маслова, объяснить культурный аспект тех фразеологизмов, в значении которых большую роль играет денотативный аспект (Маслова 2004: 70). Компонентами таких единиц могут быть названия предметов национальной культуры, национальные имена собственные, слова, содержащие страноведческие знания и т.п. Например, *почетная казачка* (Э. Быстрицкая), *великий kobзaрь* (Т. Шевченко), *родина Козьмы* (Сольвычегодск; реже Ленобласть), *украинская смута* (революция и гражданская война на Украине в 2014-2017 гг.), *вашигтонский обком* (США

в целом или воображаемый партийный орган, который, якобы, имеет исключительное влияние на власть в России) и проч. Казак – это ‘представитель военного сословия, которое складывалось на окраинах Русского государства в XV-XVII вв. из вольных людей, а с XVIII в. обязано было нести военную службу за льготное пользование землей’ (МАС II: 13). Одобрительная оценка перифразы *почетная казачка* формируется благодаря лексеме *казачка* (жена или дочь казака). Казак воспринимается как верный защитник Родины и традиционных ценностей. Кроме того, единица образована по аналогии с официальным званием, которое присуждается за достижения в какой-либо области: почетный академик, почетный гражданин. *Вашингтонский обком*, напротив, имеет неодобрительную (а когда имеется отсылка к анекдоту брежневских времен, то и ироничную) оценку. Вашингтон с советских времен воспринимается как столица враждебного, агрессивно настроенного по отношению к СССР, России государства. Организацию, которая работает на продвижение американской политики в мире, называют обкомом (областным комитетом партии), поскольку советскому / российскому гражданину понятно, что такая структура занимается решением идеологических вопросов. Ассоциации с обкомом, как органом, который в СССР навязывал гражданам определенную идеологию, также способствует негативной оценке, заключенной в эвфемизме *вашингтонский обком*. Культурная информация закреплена в денотате таких выражений. Однако наиболее многочисленную и интересную группу представляют образно-эмотивные фразеологизмы. Связь ассоциативно-образного основания с культурой отображается в коннотациях. Такие единицы «имеют культурно-обусловленные причины либо культурно значимые следствия. Фразеологизмы, отображающие типовые ситуации и представления, начинают выполнять роль символов, эталонов, стереотипов культуры» (Маслова 2004: 71). Следует, правда, различать фразеологизмы-носители культурно-национальной информации и фразеологизмы-носители

общечеловеческого знания (хотя в каждом национальном языковом сознании может быть свое образное основание). «Содержанием культурной коннотации фразеологизмов является интерпретация их образного основания (внутренней формы) в знаковом культурном пространстве данной нации. План содержания ФЕ <...>, а также закрепленные за ними культурные коннотации сами становятся знанием, то есть источником когнитивного освоения» (Маслова 2004: 73). Фразеологизм представляет собой микротекст, который интерпретируется носителем языка в семантическом пространстве культурного знания. Этот микротекст содержит следующие блоки информации (микрокомпоненты значения): денотация, оценка, мотивация, эмотивность, стилистическая маркированность (Ковшова 1996). «Фразеологический же компонент языка не только воспроизводит элементы и черты культурно-национального миропонимания, но и формирует их» (Маслова 2004: 75).

ФЕ, наравне с лексическими, передают значимость определенных установок культуры для определенной лингвокультурной общности. Анализ языковых знаков в лингвокультурологии предполагает соотнесение языковых знаков со знаками культуры. Культура народа хранится, в частности, во фразеологизмах, точнее, в их денотатах. Средством воплощения национально-культурной специфики служит образное основание ФЕ, а способом указания – его интерпретация.

1.6.3. Языковая и фразеологическая картины мира

Термин «картина мира» впервые был предложен в рамках физики в конце XIX – начале XX в., однако используется в целом ряде дисциплин: философии, лингвистике, психологии и др. Принято различать две картины мира: концептуальную и языковую. Концептуальная картина мира, по Г.А. Брутяну, это «не только знание, которое выступает как результат

мыслительного отражения действительности, но и итог чувственного познания, в снятом виде содержащийся в логическом познании» (Брутян 1973: 108). Языковая картина мира (ЯКМ) – это «вся информация о внешнем и внутреннем мире, закрепленная средствами живых, разговорных языков» (там же). Исследованием ЯКМ занимались Э. Сепир, В. фон. Гумбольд, В.Н. Телия (1988), Ю.Д. Апресян (1995), В.Б. Касевич (1996), О.А. Корнилов (2003), Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев (2005) и другие. Ученые считают концептуальную картину мира богаче языковой, так как в ее создании заняты разные типы мышления, в том числе и невербальные. В состав ЯКМ включают слова, словоизменительные и словообразовательные формативы, а также синтаксические конструкции. Язык способен отображать действительность знаковым способом: внутри него формируется ЯКМ, другие картины мира человека выражаются и эксплицируются также посредством языка. Существует множество дефиниций термина «языковая картина мира». Мы, вслед за Е.С. Яковлевой, под ЯКМ понимаем «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» (Яковлева 1996: 47). Данное определение представляется наиболее точным и полным. А.Т. Хроленко пишет, что понятие «картина мира» отличается от понятия «ментальность» степенью осознанности – ментальность не фиксируется сознанием. Картина мира вызвана потребностью человека в наглядном представлении о мире, в связи с этим выделяются чувственно-пространственная, духовно-культурная, метафизическая, биологическая, философская и другие картины мира (Хроленко 2009: 54-55). Ученые различают научную и наивную ЯКМ. О.А. Корнилов выделяет культурологический и лингвистический императивы введения в научный обиход понятия ЯКМ. Исследователь считает, что в культурологии ЯКМ может трактоваться двояко. Во-первых, как источник иллюстративного лингвистического материала для подтверждения исследуемых черт

национального характера. В этом случае ЯКМ вторична по отношению к постулируемым особенностям национального менталитета и только подтверждает их. Во-вторых, ЯКМ может трактоваться как источник знания о национальном характере и менталитете. Это своеобразная «база данных», на основании которых только и можно делать заключения об особенностях мировидения определенной нации. Второй подход позволяет получать знания и гарантирует большую объективность, поскольку основан на принципе «от частного к общему» и опровергает априорное якобы знание предмета (Корнилов 2003). Наиболее ярким наполнением этой «базы данных» можно назвать фразеологический фонд языка. Фразеологическая картина мира (ФКМ), как универсальный способ классификации фразеологизмов, является частью ЯКМ и представляет собой наивную картину мира, поскольку фиксирует знания на уровне обыденного сознания. Ядро данной картины мира составляют <...> фразеологические сращения или <...> фразеологические единства. Можно сказать, что фразеологическая картина мира – наиболее стабильная часть языковой картины мира, поскольку она пополняется в процессе развития общества незначительно, а процесс образования фразеологических единиц достаточно длителен» (Сираева, Фаткуллина 2014: 3). ФКМ национально специфична (набор фразеологических единиц обладает формальными или семантическими особенностями, характеризующими именно данную лингвокультуру) и имеет три основных признака: универсальность – (фразеологизмы функционируют во всех развитых языках), антропоцентризм и экспрессивность; в ее основе лежат не просто знания, а результат их образного переосмысления. Фразеологические картины мира, сформированные различными народами, могут совпадать вследствие общности человеческого мышления, культурного взаимодействия или наличия общих источников происхождения, таких как античные мифы или Библия.

ЯКМ заключает в себе всю информацию о внешнем и внутреннем мире, закрепленную средствами живых языков. ФКМ является важной частью ЯКМ, поскольку фразеологизмы фиксируют и передают во времени культурные установки, стереотипы, эталоны и архетипы.

Важное значение для становления лингвокультурологического метода исследования имеют теоретические изыскания, которые состоят в описании культурных кодов, древнейших архетипов, базовых концептов, культурных коннотаций, культурных образов, символов и стереотипов.

Понятие культурного кода является одним из основных понятий в лингвокультурологии. Д.Б. Гудков и М.Л. Ковшова определяют данный термин как «систему знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые «прочитываются» в этих знаках» (Гудков, Ковшова 2007: 9). В.В. Красных в своей лингвокультурологической концепции образно называет код культуры ««сеткой», которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и “кодируют”» (Красных 2002: 232). По мнению исследователя, коды культуры универсальны, однако «их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» (там же: 233). Таким образом, в коде культуры заключена информация о ценностях лингвокультурного сообщества, основных категориях, которые представляют собой систему, то есть соотносятся друг с другом и с окружающей действительностью. О приоритете ценностного содержания культурных кодов, образуемого установками, или прескрипциями, пишет и В.Н. Телия. Автор определяет культурный код как таксономический субстрат текстов

культуры. «Этот субстрат представляет собой ту или иную совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума» (Телия 1996: 21). В работе мы будем придерживаться точки зрения С.В. Ивановой и З.З. Чанышевой, которые предложили обобщающее толкование термина. Исследователи определяют код культуры как (1) внутренне связанную систему носителей культурно ценностной информации и установок, (2) формирующуюся в пределах языков культуры в результате культурного соглашения, (3) выражающую глубинное смысловое поле культуры (Иванова, Чанышева 2010: 282). Культурный код позволяет описать материальный и духовный мир в пространстве культуры носителя языка, а также концептуализировать окружающий его мир. Именно во фразеологизмах – как в наиболее ярком культурном слое языка – можно обнаружить различные коды культуры. Точное количество кодов культуры не определено, однако можно говорить об их системном взаимодействии, соподчинении, и, следовательно, о существовании иерархии кодов культуры. В список базовых традиционно включают самый древний – соматический (телесный) код, а также пространственный, временной (темпоральный), предметный, биоморфный и духовный коды (Красных 2002). Данную классификацию дополняет классификация Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой, которые выделяют вербальный, акциональный и реальный (природно-ландшафтный, архитектурно-домообустроительный, вещный, зооморфный, соматический) коды культуры (Гудков, Ковшова 2007: 28-29). В последнее время в связи с активным изучением эмоций в языке и культуре в научной литературе появилось сочетание *эмоциональный код* (Эмотивный код... 2003; Язык и эмоции 2004; Шаховский 2008). Его появление неслучайно, отмечают С.В. Иванова и З.З. Чанышева, «поскольку факт культурной обусловленности выражения эмоций сегодня не вызывает сомнений. Кроме того, <...> в иерархии кодов культуры эмоциональный код занимает отнюдь не последнее место, поскольку он направляет выбор допустимого / недопустимого

эмоционального поведения на уровнях разных семиотических кодов, включая язык» (Иванова, Чанышева 2010: 284).

Декодирование, или реконструкция культурных кодов, ведет к распределению древнейших представлений, то есть архетипов. Архетип как мифологизированная языковая единица является предметом лингвокультурологии и одним из основных понятий в области исследования ментальности. По мнению К.Г. Юнга, который ввел данный термин в научный обиход, архетип является «гипотетическим, недоступным созерцанию образом», «тем бессознательным содержанием, которое изменяется, становясь осознанным и воспринятым; оно претерпевает изменения под влиянием того индивидуального сознания, на поверхности которого оно возникает» (Юнг 1991: 97). Из определения следует, что архетип подвергается сознательной обработке только в комплексе с личным опытом человека. Другими словами, архетип это «устойчивый образ, повсеместно возникающий в индивидуальных сознаниях и имеющий распространение в культуре» (Сендерович 1994: 134). В архетипах, согласно теории К.Г. Юнга, выражается «коллективное бессознательное», унаследованное от предков отдельными народами. Оно проявляется в сновидениях, мифах, легендах и сказках, через которые архетип трансформируется в образ. Соответственно, основным хранилищем архетипов является мифология. В основе мифа лежит мифологема (персонаж или ситуация), которая, в свою очередь, отражается во фразеологизме. Перечень архетипов, также как и перечень кодов культуры, открыт. «В каждой национальной культуре доминируют свои этнокультурные архетипы, существенным образом определяющие особенности мировоззрения этноса» (Борисова 2013: 17).

Термин «архетип» неразрывно связан с термином «стереотип», под которым понимается «схематический стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально

окрашенный и обладающий устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта» (Бархударов 1975: 117). Г.В. Токарев уточняет, что стереотип касается деятельности определенной социальной группы или индивида, он не просто упорядочивает знания, но и противопоставляет свое чужому. Исследователь выделяет «гетеростереотипы, то есть внешние стереотипы, которые сложились у представителей одной культуры о другой, и автостереотипы, то есть мифы о самих себе, существующие внутри одной культуры. Так, русские считают немцев пунктуальными, себя – открытыми, добродушными, гостеприимными людьми» (Токарев 2009: 20). Стоит отметить, что и гетеростереотипы, и автостереотипы нельзя назвать в полной мере объективными. «Зачастую в основе национальных стереотипов лежат ложные признаки, так как каждая нация склоняется к завышенной самооценке и недооценке групп чужих» (Донец 2001: 184). Тем не менее, сформированная стереотипами лингвокультурного сознания совокупность знаков и механизмов является культурным кодом (Алефиренко 2002: 61-62), о котором речь шла выше.

В работе мы, вслед за В.В. Красных, будем понимать под стереотипом «некоторый образ-представление, ментальную картинку, некое устойчивое, минимизировано-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или о ситуации» (Красных 2002: 178). Языковые стереотипы не просто содержат информацию о культуре и этических установках народа, но и облегчают процесс субъективной категоризации окружающего мира. Субъективность категоризации, впрочем, не означает, что авторство того или иного стереотипа принадлежит определенному человеку. Напротив, явление стереотипизации напрямую зависит от культуры, частью которой является носитель языка. См., например, определение стереотипа, которое дает Ю.Е. Прохоров: «Стереотип – это связь между некими объектами или явлениями, основанная на нашем

личном, субъективном, опыте. Опыт этот может совпадать с опытом той культуры, к которой мы принадлежим, но всегда является также и сугубо личным, укорененным в прошлом опыте отдельного человека» (Прохоров 1996: 56). Стереотип призван экономить усилия человека в его познавательной деятельности и защищать те или иные позиции, которых придерживаются члены общества. «Стереотип <...> неотделим от языка» (Бартминьский 2005: 191). Рассуждая об этнических стереотипах, М.Б. Семенова пишет, что в результате частотного употребления устойчивой единицы денотативно-сигнификативный аспект ее значения стирается, на первое место выходит оценочность, которая заслоняет все элементы семантики. Основным признаком языкового стереотипа исследователь называет неточную субъективную генерализацию, т.е. неосознанное приписывание определенного свойства всем объектам класса, объединяемого с помощью данного названия (Семенова 2010: 150). Между тем, следует различать этнический и культурный стереотипы. Первые недоступны «саморефлексии» наивного члена этноса, поскольку являются фактом коллективного бессознательного, им невозможно обучать; вторые – доступны саморефлексии, являются фактами индивидуального бессознательного, им обучать можно (Уфимцева 1995). В своей работе мы будем анализировать культурные стереотипы, которые содержатся в УСК, функционирующих в современной публицистике. Выделяются также стереотипы поведения и стереотипы-представления, которые определяют, чего ждать в той или иной ситуации (Красных 2002: 179). Стереотип, закрепленный во фразеологизме, воспринимается носителем языка как проверенное временем правило, которое передается из поколения в поколение. Тем не менее, мы понимаем, что к работе с информацией, которая хранится в стереотипах, необходимо подходить с осторожностью, поскольку далеко не все носители одного национального языка мыслят одинаковыми стереотипами (см., например, Павлова 2013).

М.Л. Ковшова отмечает, что базовые концепты культуры воплощены во фразеологических образах, сквозь призму которых лингвокультурологическая парадигма во фразеологии изучает национальное самосознание. Культурная информация содержится в семантике фразеологизмов (в которую «входят» такие знаки культуры как символ, эталон, стереотип, мифологема) (Ковшова 2012: 41-42).

Культурная коннотация складывается из культурных кодов, соотношения национальных символов, образов, стереотипов, которые позволяют, в свою очередь, выделить ценностные установки культуры. Другими словами, анализ предполагает соотнесение языковых знаков со знаками культуры (Телия 1996: 84). Е.О. Опарина отмечает, что «культурная коннотация» является семиотической единицей (обеспечивает связь между языком и культурой), имеет свой «локус» воплощения в системе языка (образно мотивированные лексические и фразеологические единицы) и представляет собой единицу операционального характера (владение культурной коннотацией формирует культурно-языковой тип компетенции носителя языка) (Опарина 1999: 186).

В основе национальной картины мира лежат символы. По Э. Кассиреру, «символ – ключ к природе человека» (Кассирер 1988: 28). Н.Ф. Алефиренко определяет символ как «знак максимального обобщенного, максимально абстрактного изображения явлений и понятий» и противопоставляет символ знаку, метафоре, архетипу и аллегории. Символ является знаком особого рода, «если обычный знак дает возможность проникнуть человеку в предметный мир значений, то символ позволяет войти в непредметный мир смысловых отношений» (Алефиренко 2010: 239). Символ позволяет понять не поддающиеся разуму смыслы из области бессознательного, которые объединяют людей в единое этнокультурное сообщество. Символ, в отличие от метафоры, связывает «модель мира» и «модель поведения», сохраняет различия противопоставляемых концептов, подчеркивая самостоятельность

каждого из них. В отличие от архетипа, символ обладает жанровой и смысловой устойчивостью, яркой этноязыковой метафоричностью, может утрачивать и приобретать новое содержание; лишь в художественных текстах символ и архетип обнаруживают лингвокогнитивную близость (например, когда автору необходимо создать традиционные мотивы жизни и смерти, любви и забвения). Символ и аллегория дополняют друг друга, однако символическое значение, в отличие от аллегорического, возникает на основе «живых» ассоциаций (там же: 239-241).

Еще одной важной языковой сущностью, содержащей основную информацию о связи слова с культурой, является образ. Под образностью традиционно понимается «способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности» (Маслова 2001: 44). Благодаря образности в сознании человека возникает «картинка», мыслеобраз, то есть обобщенные и абстрагированные представления. Образ ФЕ определяется благодаря ее внутренней форме. В отборе образов можно проследить связь ФЕ с культурно-национальными стереотипами и эталонами.

В.В. Красных отмечает, что «коды культуры образуют систему координат, которая содержит и задаёт эталоны культуры» (Красных 2002: 257). Эталон выступает одним из источников культурной интерпретации ФЕ. В.Н. Телия и Е.О. Опарина пишут, что эталон – это «характерологическая подмена свойства человека или предмета какой-либо реалией, которая становится знаком доминирующего в ней с точки зрения обиходно-культурного опыта народа, свойства. Поэтому о реалиях, выступающих в функциях эталонов, можно говорить как о таксонах культуры, презентующих «окультуренное» мировидение» (Телия, Опарина 2011: 76). Эталоны позволяют образно измерить мир. Наиболее распространенная форма бытования эталонов – устойчивые сравнения.

Описывая УСК публицистического дискурса, мы описываем фрагмент ЯКМ, вполне специфической: коллокации подчеркивают наиболее актуальные в данный момент общества объекты, эвфемизмы скрывают то, что в данный период развития данного сообщества представляется грубым, перифразы усиливают то, что заслуживает положительной оценки на данном этапе развития. Лингвистический, этимологический и культурологический анализы должны быть направлены на описание национально-культурных особенностей менталитета носителей языка с помощью описания его символов, стереотипов, образов, описания культурных коннотаций и культурных кодов, из которых и складывается тот или иной фрагмент ЯКМ.

1.7. Лингвокультурологическое описание фразеологизмов

1.7.1. Основные положения учебной лексикографии

Словарь призван решать экстремальную задачу: при максимальном содержании ценного лексического материала (в естественном взаимодействии разных сторон лексической системы языка) – минимизировать время на извлечение необходимой информации (Денисов 1974: 58). Одним из наиболее динамично развивающихся направлений общей лексикографии является учебная лексикография. В современной лингвистической литературе существует несколько определений этой научной дисциплины. В.И. Зимин под учебной лексикографией понимает «теорию и практику составления учебных словарей различных типов, предназначенных для обучения родному и неродному языку» (Зимин 1994: 3). Помимо учебной М.В. Лутцева выделяет также систематизирующую, справочную и нормативную функции учебного словаря (Лутцева 2011: 60). В.В. Морковкин дает более широкое определение учебной лексикографии, понимая под ней «лингвометодическую дисциплину, содержанием которой являются теоретические и практические аспекты описания лексики в

учебных целях» (Морковкин 1977: 37). Исследователь выделяет следующие разделы учебной лексикографии:

- 1) теория и практика создания учебных словарей;
- 2) теория и практика создания лексических минимумов;
- 3) теория и практика учебной лексикостатистики;
- 4) теория и практика создания учебных пособий по лексике лексикографического типа;
- 5) теория и практика презентации и семантизации лексики в словаре учебника и в поурочных словарях (там же).

П.Н. Денисов считает, что любой учебный словарь русского языка можно оценивать по следующим критериям: I. Назначение словаря. II. Внутрilingвистические параметры словаря. III. Экстрalingвистические параметры словаря (Денисов 1974: 110-111). Исследователь замечает, что внутрilingвистические параметры являются самыми главными. Перечислим их: единица (уровень) описания, аспект (сторона) описания, охват материала (характер «выреза» из лексической системы языка), метаязык описания. Экстрalingвистические параметры определяют учебные энциклопедии, т.е., в частности, словари поговорок, пословиц, крылатых выражений и т.п. Эти параметры учитываются в той мере, в какой каждый словарь, не являясь энциклопедией, все же ближе всего по жанру соприкасается именно с ней. «Поэтому мы можем говорить о таких единицах описания, как предметы материальной культуры, духовной культуры, страноведческий (культурный) компонент (например, словари безэквивалентной лексики), о таких аспектах описания, как характер отражения логических категорий в данном языке, отражение средствами языка различных концептуальных «картин мира» на уровне индивидуального, группового и национального сознания (обыденный, научный и массовый вариант)» (там же). «По подходу к лексикографированию и преобладающей ориентации учебные словари являются *антропоцентрическими*. Антропоцентрическими называются такие

словари, которые создаются для целесообразного воздействия на языковое сознание человека. Их главная задача – помочь учащемуся в формировании языка как принадлежности сознания и в эффективном использовании этого языка. Антропоцентрические словари противопоставляются *лингвоцентрическим*, задача которых – фиксировать, описывать и оценивать имеющиеся языковые факты» (Морковкин 1986: 104-105). Соответственно виду речевой деятельности выделяют словари пассивного типа (для узнавания и понимания текстов), активного типа (для говорения и производства текстов) и пассивно-активные словари. Структура словаря, его объем и организация информации в рамках словарной статьи зависят от указанного типа (там же). Под учебной лексикографией мы будем понимать лингвометодическую дисциплину, содержание которой составляют теоретические и практические аспекты описания лексики для обучения родному и неродному языку. Под учебным словарем в работе мы будем понимать словарь обучающей направленности, который выполняет ряд специфических для данного типа словарей функций; наш учебный словарь является антропоцентрическим словарем пассивно-активного типа.

Синтез филологии и культуры обусловил появление не только лингвокультурологии, но и лингвокультурологии. По наблюдению Н.А. Лукьяновой, данное направление в лексикографии возникло на рубеже веков, в 1990-е годы. Однако назвать его абсолютно новым нельзя, поскольку лингвокультурология представляет собой современный этап развития лингвоэнциклопедической лексикографии. Разного рода культурная информация хранится в традиционных словарях (толковых, диалектных, исторических, фразеологических, паремий и т.д.), которые, однако, не акцентируют её, что заставляет читателя извлекать необходимые сведения из толкования, иллюстративного материала, ориентируясь на словарные пометы и т.д. В связи с этим назрела необходимость выделить лингвокультурологию в относительно самостоятельное направление и

определить её границы, которые, следует признать, не могут быть строгими, так как многие словари относятся как к лингвокультурологии, так и к собственно лингвографии (Лукьянова 2006: 305-307). «Объектом лингвокультурологии являются языковые и неязыковые (например, мимика, жесты) единицы, содержащие культурную информацию, знание которой необходимо для успешной коммуникации в рамках определённого лингвокультурного сообщества; предметом – параметры описания данных единиц в соответствующих словарях, т. е. их лексикографическая интерпретация» (Анимова 2012: 12). Таким образом, лингвокультурологию можно определить как отрасль лексикографии, фиксирующую лингвистическую информацию, сведения об обозначаемых языковыми единицами культурных реалиях, а также вербализованные представления, образы, ассоциативные связи, существующие в сознании носителей языка.

1.7.2. Классификация словарей лингвокультурологического типа

Исследователи выделяют следующие принципы организации и описания материала в словаре лингвокультурологического типа: антропоцентрический подход, прагматическая ориентация, преодоление противопоставления энциклопедического и лингвистического способов лексикографирования. Основным критерием лексикографической минимизации экстралингвистической информации должен выступать языковой материал, принцип эффективности описания, полноты и простоты, объективности анализа. В качестве единицы описания в лингвокультурологическом словаре может выступать слово-концепт, прецедентное имя или выражение, фразеологизмы и т.п. Е.И. Зиновьева предлагает следующую классификацию словарей лингвокультурологического типа:

1. Культурологические словари.
2. Толковые словари с историко-культурными данными.
3. Функционально-когнитивные словари.
4. Лингвострановедческие словари (*словари тематической лексики, словари фразеологии и афористики, словари соматического языка, словари речевого этикета*).

5. Лингвокультурологические словари (*словари тематической лексики, словари концептов, словари фразеологии*) (Зиновьева, Юрков 2009: 119-120).

Существует также классификация Н.А. Лукьяновой, которая отмечает, что в состав современных лингвокультурологических словарей можно включить словари различных подтипов и видов. Исследователь соответственно выделяет:

I. Этимологические, историко-этимологические словари-исследования и ономастиконы.

II. Идиостилистические словари (*словари языка писателей, поэтические словари, словари эпитетов, метафор, сравнений*).

III. Переводные двуязычные словари «ложных друзей переводчика».

IV. Лингвострановедческие словари.

V. Словари агнонимов.

VI. Словари, единицы которых отражают реалии русской истории, культуры и быта в диахронном аспекте.

VII. Словари, входящие в область современного широкого культурного контекста и имеющие различные сферы использования:

1) *словари, описывающие лексику, связанную с определённой областью культуры;*

2) *словари, фиксирующие и описывающие концепты современной русской культуры:* 2а) словари, интерпретирующие различные концептосферы, в совокупности составляющие современную языковую

картину мира, или языковую модель мира русских; 2б) словари, описывающие отдельные концептосферы.

VIII. Словари языка жестов (Лукьянова 2006: 307-325).

Принимая во внимание, что классификации составлялись относительно в одно и то же время, и авторы оперировали примерно одним и тем же набором словарей, любопытно сравнить, в какую группу попал определённый словарь у разных составителей.

Сравнительная таблица

Словарь	Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков	Н.А. Лукьянова
«Константы: Словарь русской культуры» Ю.С. Степанов (М.: Академический проект, 2004. – 992 с.)	Культурологические словари	Словари, фиксирующие и описывающие концепты современной русской культуры; словари, интерпретирующие различные концептосферы, в совокупности составляющие современную языковую картину мира, или языковую модель мира русских
«Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь» В.С. Елистратов (М.: Русские словари, 1997. – 704)	Толковые словари с историко-культурными данными	Словари, единицы которых отражают реалии русской истории, культуры и быта в диахронном аспекте
«Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: функционально-когнитивный словарь» В.И. Убийко (Изд-е Башкирского университета. – Уфа, 1998. – 147 с.)	Функционально-когнитивные словари	Словари, входящие в область современного широкого культурного контекста и имеющие различные сферы использования; словари, фиксирующие и описывающие концепты современной русской культуры; словари, описывающие отдельные концептосферы
«Лингвострановедческий	Лингвострановедческие	Лингвострановедческие

словарь: Народное образование в СССР» Денисова М.А. (М., 1978. – 277 с.),	словари; лингвострановедческие словари тематической лексики	словари
«Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь» В.П. Фелицына, В.М. Мокиенко. Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова (М.: Русский язык, 1990. – 220 с.)	Лингвострановедческие словари; лингвострановедческие словари фразеологии и афористики	Лингвострановедческие словари
Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь» А.А. Акишина, Х. Кано, Т.Е. Акишина (М., 1991. – 146 с.)	Лингвострановедческие словари; словари соматического языка	Словари языка жестов
«Доброе слово: Словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XIX – XX вв.» А.Г. Балакай (Кемерово, 1999. – 310 с.)	Лингвострановедческие словари; словари речевого этикета	Словари, входящие в область современного широкого культурного контекста и имеющие различные сферы использования; словари, описывающие лексику, связанную с определённой областью культуры.
«Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» И.С. Брилёва, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных (Вып. первый. – М.: «Гнозис», 2004. – 318 с.)	Лингвокультурологические словари; лингвокультурологические словари тематической лексики	Словари, входящие в область современного широкого культурного контекста и имеющие различные сферы использования словари, фиксирующие и описывающие концепты современной русской культуры; словари, описывающие отдельные концептосферы.

Кроме терминологических существуют и содержательные несоответствия двух предложенных классификаций. Так, Н.А. Лукьянова, в отличие от Е.И. Зиновьевой, к лингвокультурологическим относит

этимологические, историко-этимологические словари-исследования и ономастиконы (например, «Семантический словарь общеиндоевропейского языка» Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова (1984), «Этимологический словарь славянских языков» под ред. Трубачёва (М., 1974-1997. Вып. 1-24), «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П.Я. Черных (М., 1993: 2-е изд., 1994), идиостилистические словари (например, «Словарь народно-разговорной лексики и фразеологии, составленный по собранию сочинений И. С. Тургенева» Ф.А. Маркановой (Ташкент, 1968), «Словарь неологизмов Велимира Хлебникова» (Вена-М., 1994) «Краткий словарь эпитетов русского языка» Н.В. Ведерникова (Л., 1975), переводные двуязычные словари «ложных друзей переводчика», которые издаются с 60-х годов XX века (например, «Англо-русский и русско-английский словарь “ложных друзей переводчика”» (М., 1969), «Немецко-русский и русско-немецкий словарь “ложных друзей переводчика”» К.Г.М. Готлиб (М., 1972) словари агнонимов (архаизмов, историзмов, этнографизмов) (например, «От Ромула до наших дней: словарь лексических трудностей художественной литературы» В.И. Макарова и Н.П. Матвеева (М., 1993), «Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)» В.В. Морковкина и А.В. Морковкиной (М., 1997).

Согласно классификации Е.И. Зиновьевой, наш словарь является лингвокультурологическим словарём устойчивых словесных комплексов. С позиции Н.А. Лукьяновой, наш словарь сближается со словарями, интерпретирующими различные концептосферы, в совокупности составляющими современную ЯКМ, или языковую модель мира русских. Мы принимаем классификацию, предложенную Е.И. Зиновьевой. Детализируя, можно сказать, что наш словарь является учебным лингвокультурологическим.

1. 7.3. Принципы построения словарей лингвокультурологического типа

Современные лингвокультурологические словари (ЛКС) описывают различные фрагменты русской ЯКМ, а также содержат в себе сведения о языковой модели мира в целом (ср. концепции словарей Ю.С. Степанова и А.Д. Шмелёва). «Объектом описания в ЛКС являются языковые единицы, а также невербальные средства, соотносимые с вербальными (жесты, мимика, телодвижения), выражающие национальные культурно значимые реалии и репрезентирующие культурные концепты. В них сочетаются лингвистические сведения о языковых единицах с культурной информацией о соответствующих реалиях, фиксируются вербализованные представления, образы, вербально-ассоциативные связи, существующие в сознании носителей русского языка. Объем лексикографируемого материала (от двухсот-пятисот до нескольких тысяч единиц) и степень глубины их семантизации зависят от целеустановки автора (авторов), назначения ЛКС, его источниковых возможностей» (Лукьянова 2006: 42). Содержание лингвокультурологического словаря может составлять страноведческая лексика, называющая различного рода реалии определённого этносоциума (узкий подход).

Авторы «Русско-английского лингво-культурологического словаря неологизмов перестроечного и постперестроечного периодов» выделяют следующие типы лингвокультурологического комментария: 1) культурные пояснения (история, обычаи), 2) этимологическую справку, 3) пояснения особенностей использования (пометы, сфера применения), а также иллюстрации, содержащие фоновый контекст (Чанышева, Дьяконова 2002: 7-8). Немаловажным при создании словаря является принцип отбора материала. Лексикографы обращаются к анкетированию (Красных 1998; Караулов 1999), наблюдают за функционированием языка в устной речи и

письменных текстах, например, публицистике (Палажченко 2002), обрабатывают данные других словарей, справочников, периодических изданий (Ермакова, Земская, Розина 1999; Чанышева, Дьяконова 2002). Лингвокультурологическая информация в словаре может быть отражена системно (см., например, «Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь», 2004) либо имплицитно (любой толковый словарь). В процессе расположения материала в словаре лексикограф исходит из 1) формы слова и 2) из содержания. Несомненный интерес для лингвокультурологии составляют гнездовые словари (1), в которых все однокоренные производные слова располагаются при одном однокоренном первообразном слове (см., например, словарь В.И. Даля). Словари, исходящие из содержания (2), например, идеографические, позволяют проследить появление, существование и распадаения понятий. К произведениям такого рода относятся словари концептов, например, «Константы: Словарь русской культуры» Ю.С. Степанова (Токарева 2009: 404-405). Композицию каждой отдельной статьи (а в словаре помещено более 60 концептов) составляют этимология, ранняя европейская история, русская история (в той или иной степени) и сегодняшний день с пунктирно прочерченной связью между ними (Степанов 2001: 7). Особого внимания заслуживает «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под редакцией В.Н. Телия, в котором фразеологизмы описаны как знаки «языка» культуры. Каждая ФЕ, зафиксированная в словаре, не только культурно ориентирована, но и культурно ориентирует читателя с помощью объяснительного культурологического комментария, который составляет новизну и уникальность данного издания (Шаховский 2007: 117). Структура словаря трёхчастна, включает в себя толкование ФЕ, иллюстративный материал и его культурологический комментарий. В словарной статье учтены аспектуальные различия единиц, имеется указание на изменяемость / неизменяемость

морфологической формы, синтаксическую роль ФЕ, порядок слов; наиболее сложные в семантическом отношении единицы сопровождаются указаниями на пресуппозиции и пропозиции, типовые реалии и их актанты, составители также прибегают к перекрёстному комментарию; оговаривается частеречная отнесённость ФЕ и её вариативность, условия использования единицы; нововведением авторов являются иллокутивные пометы и пометы типа *достойно / недостойно личности* («вершинный модус культурной коннотации» – термин В.И. Шаховского).

Словари лингвокультурологического типа предназначены преимущественно для иностранцев. Поэтому усилия составителей направлены на эксплицирование тех особенностей языковых единиц, которые не нуждаются в комментариях для носителей языка, являются для них самоочевидными (Зиновьева 2010: 549).

По мнению Е.И. Зиновьевой, основные принципы описания материала в словаре лингвокультурологического типа можно считать сформированными, это такие принципы как: антропоцентрический подход, прагматическая ориентация, преодоление противопоставления энциклопедического и лингвистического способов лексикографирования, положение о том, что в качестве основного критерия лексикографической минимизации экстралингвистической информации должен выступать языковой материал, принцип эффективности описания, полноты и простоты, объективности анализа (Зиновьева 2010: 131).

Основные особенности словарной статьи лингвокультурологического учебного словаря (на материале паремий) сформулированы в работе Пи Цзянькунь (2014), они сводятся к следующему: 1) статья учебного лингвокультурологического словаря должна отражать результаты предварительно проведенного лингвокультурологического анализа; 2) словарная статья должна быть структурирована с учётом анализируемых параметров характеристики единицы; 3) учебный лингвокультурологический

словарь должен составляться на основе совмещения тематического и алфавитного принципов; 4) учебный лингвокультурологический словарь должен быть направлен на раскрытие фрагмента русской языковой картины мира (Пи Цзянькунь 2014:119)

Таким образом, в основе статьи лингвокультурологического словаря помимо собственно толкования лежит объяснительный лингвокультурологический комментарий, который может содержать культурное пояснение, этимологическую справку, разного рода пометы, а также иллюстрации в виде контекстов употребления. Перечисленные данные приводятся системно и направлены на описание того или иного фрагмента ЯКМ, на описание национальных особенностей менталитета народа.

Выводы

Общественно-политическая жизнь является основным предметом публицистики. Тексты данного функционального стиля характеризуются ярким авторским началом. Направленность на привлечение внимания, информирование и воздействие обуславливает необходимость обращения к экспрессивным средствам языка, интертекстуальности, языковой игре, которая выражается в эффекте обманутого ожидания, каламбуре, иронии или самоиронии. В числе основных языковых процессов, которые происходят в современной публицистике, исследователи выделяют тенденцию к размыванию четких стилевых границ, распространение норм разговорного стиля.

Важной – инвариантной – составляющей языка публицистики является идеологема, то есть единица с политическим и идеологическим компонентом значения, характеризующаяся национальной специфичностью. Такими единицами являются УСК, которые характеризуются, как следует из самой формулировки термина, устойчивостью и воспроизводимостью. В работе мы рассматриваем свойственные публицистике УСК с незамкнутой структурой неидиоматического характера.

Одним из наиболее частотных разрядов УСК, интенсивно пополняющихся и ярко характеризующих публицистический стиль речи, являются коллокации, которые содержат в себе национально-культурную специфику, свойственную определенному этносу.

Публицистический стиль обладает корпусом УСК, которые представляют образы современного языкового сознания, неосознаваемые результаты ментальной деятельности. В числе наиболее выразительных, частотных и, несмотря на это, мало описанных с позиции лингвокультурологии, единиц находятся перифразы и эвфемизмы.

Процесс эвфемизации осуществляется преимущественно в обиходно-бытовой и социально-политической сферах человеческой деятельности. Эвфемизмы выполняют в тексте целый ряд функций: градации, стилистической оценки, стилевой организации, текстообразующую, манипулятивную. Преодолению стандарта в публицистике служат и такие экспрессивные единицы как перифразы. В отличие от эвфемизмов, наличие перифрастических единиц в газете не зависит от исторического этапа, идеологической направленности или языковой особенности публицистических материалов. Они призваны усилить эффективность и информативность публикации, выделить существенные элементы, актуализировать скрытые смыслы, ввести дополнительную информацию, устранить тавтологию. Перифрастические сочетания используются не вместо обычного названия предмета, а вместе с обычным названием предмета.

Одним из основных разрядов перифраз, характеризующих публицистический дискурс, являются топонимические перифразы – названия городов и стран.

Изучением языка в неразрывной связи с культурой занимается лингвокультурология, то есть филологическая наука, исследующая различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса (Зиновьева 2016). Методом лингвокультурологического исследования является лингвокультурологический анализ, который заключается в описании образа, эталона, символа, стереотипа или совокупность этих ментальных единиц, вербализуемых языковым знаком (или совокупностью знаков), в сознании представителей одной лингвокультуры (там же). Анализируемые единицы при этом необходимо рассматривать в контексте лингвокультурной ситуации, под которой понимается «статический временной срез лингвокультуры» (Шаклеин 1997). Такое рассмотрение позволит точнее охарактеризовать особенности функционирования и лингвокультурологическую ценность УСК на определенном этапе развития нашей страны.

Пониманию глубинных черт народного менталитета и связи языка с культурой способствует интерпретация культурно-национальных коннотаций фразеологизмов. Культурная коннотация складывается из культурных кодов, соотношения национальных символов, образов, стереотипов, которые позволяют, в свою очередь, выделить ценностные установки культуры. Культурно-национальная специфика фразеологизма воплощается посредством образного основания, интерпретация (т.е. культурная коннотация) которого, в свою очередь, является способом указания на эту специфику. Источниками культурной интерпретации могут быть мифы, ритуальные формы народной культуры, христианство, наука, литература и т.д.

Язык способен отображать действительность знаковым способом: внутри него формируется ЯКМ, под которой понимается «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности» (Яковлева 1996: 47). ЯКМ представляет собой источник знания о национальном характере и менталитете. Важнейшей ее частью является ФКМ, в основе которой лежат не просто знания, а результат их образного переосмысления. ФКМ национально специфична: фразеологизмы фиксируют и передают во времени культурные установки, стереотипы, эталоны и архетипы.

Именно во фразеологизмах – как в наиболее ярком культурном слое языка – можно обнаружить различные коды культуры, то есть «совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума» (Телия 1996: 21). Декодирование культурных кодов ведет к распредмечиванию древнейших представлений, то есть архетипов, в которых выражается коллективное бессознательное, унаследованное от предков. Оно проявляется в сновидениях, мифах, легендах и сказках.

Архетип неразрывно связан со стереотипом, под которым понимается «образ-представление, ментальная картинка, некое устойчивое, минимизировано-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или о ситуации» (Красных 2002: 178). В отличие от архетипа символ обладает яркой этноязыковой метафоричностью, может утрачивать и приобретать содержание. Символ является «знаком максимального обобщенного, максимально абстрактного изображения явлений и понятий» (Алефиренко 2010: 239). Не менее важным источником культурной интерпретации фразеологизмов считается эталон, то есть «характерологическая подмена свойства человека или предмета какой-либо реалией, которая становится знаком доминирующего в ней с точки зрения обиходно-культурного опыта народа, свойства» (Телия, Опарина 2011: 76).

Одним из наиболее динамично развивающихся направлений общей лексикографии является учебная лексикография – «лингвометодическая дисциплина, содержанием которой являются теоретические и практические аспекты описания лексики в учебных целях» (Морковкин 1977: 37). Под учебным словарем в работе понимается словарь обучающей направленности. Синтез филологии и культуры обусловил появление лингвокультурологии, то есть отрасли лексикографии, фиксирующей лингвистическую информацию, сведения об обозначаемых языковыми единицами культурных реалиях, а также вербализованные представления, образы, ассоциативные связи, существующие в сознании носителей языка. В лингвистической литературе есть несколько классификаций словарей лингвокультурологического типа. В нашей работе мы принимаем классификацию, предложенную Е.И. Зиновьевой, в которую входят следующие типы словарей: культурологические; толковые словари с историко-культурными данными; функционально-когнитивные словари; лингвострановедческие словари; лингвокультурологические словари (Зиновьева, Юрков 2009: 119-120). Соответственно, наш словарь является учебным лингвокультурологическим словарем УСК.

В качестве главных принципов описания материала в словаре лингвокультурологического типа, которые берутся за основу в работе, можно назвать антропоцентрический подход, прагматическую ориентацию, преодоление противопоставления энциклопедического и лингвистического способов лексикографирования, положение о том, что в качестве основного критерия лексикографической минимизации экстралингвистической информации должен выступать языковой материал, принцип эффективности описания, полноты и простоты, объективности анализа (Зиновьева 2010: 131). Основные особенности словарной статьи лингвокультурологического учебного словаря, которые учитываются в работе, заключаются в том, что статья учебного лингвокультурологического словаря должна отражать

результаты предварительно проведенного лингвокультурологического анализа; словарная статья должна быть структурирована с учётом анализируемых параметров характеристики единицы; учебный лингвокультурологический словарь должен составляться на основе совмещения тематического и алфавитного принципов; учебный лингвокультурологический словарь должен быть направлен на раскрытие фрагмента русской языковой картины мира (Пи Цзянькунь 2014:119).

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

2. 1. Общий состав, характеристика и параметры лингвокультурологического анализа устойчивых словесных комплексов

Исследованный нами материал состоит из 681 единицы, употребленной в 3000 контекстах: 340 коллокаций, 363 перифразы и 78 эвфемизмов. Несмотря на то, что, согласно данной статистике, самой объемной группой оказались перифразы, мы признаем объективное доминирование коллокаций: список перифраз и эвфемизмов относительно конечный, сосчитать все употребляемые в речи коллокации представляется затруднительным. В качестве источника материала (помимо собственной картотеки) нами был выбран толковый словарь «Язык газеты, радио, телевидения» под ред. Г.Я. Солганика (2008), поскольку он в большей мере отвечает заявленной в

работе теме – предполагается анализ единиц, функционирующих в публицистике. Для того, чтобы определить частотность употребления отобранных единиц, мы проверили, какое количество «газетных» контекстов зафиксировано на каждую единицу в НКРЯ (данные 2000-х годов), а также использовали сервис «Яндекс.Новости», который приводит контексты последних лет. Тем самым можно выяснить, увеличилась или уменьшилась частотность употребления определенной единицы, начиная с середины 2000-х по сегодняшний день (2017 год), а также выяснить, ушла ли единица в пассивный запас со времени составления указанных словарей и списков. В случае, если НКРФ и «Яндекс.Новости» не фиксируют контексты употребления или фиксируют их единичность, напротив единицы мы ставим помету *устар.* В приложении напротив каждого УСК в скобках указана частотность: первая цифра соответствует количеству контекстов, зафиксированных в НКРЯ, вторая – количеству контекстов, которые отмечает сервис «Яндекс.Новости».

Коллокации принято классифицировать по выполняемой ими функции. Согласно нашей картотеке, самой объемной группой являются общеупотребительные коллокации – двести одна единица. Далее – по убыванию: этнокультурные (семьдесят две), терминологические (пятьдесят четыре), экспрессивные (тринадцать).

Затем следует группа перифраз-географических наименований (триста шестьдесят три единицы), которые зафиксированы в «Словаре перифраз русского языка» (М., 2004) А.Б. Новикова, «Очерках по русской перифрастике» (М., 2008) Т.И. Бытовой, а также в нашей картотеке.

Также высокой частотностью отличаются эвфемизмы группы «Экономика» – семьдесят восемь единиц.

Нам представляется целесообразным включить в алгоритм лингвокультурологического анализа УСК следующие данные:

- информацию из лингвистических, энциклопедических, специальных и иных словарей, которая является принципиальной для толкования выбранной единицы (с учетом принципа достаточности словарного толкования). В случае если единица не зафиксирована ни в одном из существующих словарей, предложить собственное определение единицы.

- Компонентный анализ УСК. Такой анализ необходим, поскольку компоненты могут содержать культурно значимую информацию и сами по себе, независимо от нахождения в составе УСК, быть символами (квазисимволами) или стереотипами (квазистереотипами) чего-либо. В случае если компонент отражает определенный культурный феномен, можно говорить о национально-культурной специфике, значимости, всей единицы. Лингвокультурологическая специфика может содержаться в наименованиях, в которых отражаются исторические события, прецедентные феномены, безэквивалентные, специфические бытовые или культурологические реалии и т.п.; на данном этапе анализа появляется возможность в целом соотнести УСК со стереотипом, символом или эталоном культуры.

- Данные «Русского ассоциативного словаря», в котором собраны результаты крупнейшего ассоциативного эксперимента на русском языке, проведенного в 1988-1997 гг. При лингвокультурологическом анализе принципиально учитывать наличие реакций в ассоциативном словаре, которые свидетельствуют о ценности данного слова-компонента УСК для носителей русского языка и культуры.

- Данные собственной картотеки контекстов, которые подтверждают актуальность определенного значения УСК. К контекстам приводятся комментарии, акцентирующий внимание на признаках, которые подтверждают значение данной единицы.

- Лингвокультурологический комментарий, направленный на выявление факторов, обусловленных русской культурой, на описание явлений культуры, которые специфичны именно для русского народа.

Национально-культурными могут быть признаны единицы, которые удастся мотивировать при помощи культурологического комментария (Стернин 2011:10). Такой комментарий включает соотношение значения единицы со стереотипами христианской (православной) культуры; указание на возникновение эвфемистического значения; указание на соотношение истинных и ложных признаков референта; указание на сферу и прагматику использования единицы в публицистических текстах; указание на сложности, которые могут возникнуть при восприятии единицы; указание на соотнесенность единицы с определенной лингвокультурной ситуацией; в случае если единица выступает в качестве идеологемы, указание на то, что единица является идеологемой определенного периода времени; примеры текстовых коннотаций.

- Только для эвфемизмов (поскольку у данных единиц сосуществуют как прямое, так и эвфемистическое значения): схематическое изображение значений единицы, которое позволяет наглядно продемонстрировать сосуществование двух значений: понятийного и эвфемистического.

2.2. Лингвокультурологическое комментирование устойчивых словесных комплексов, функционирующих в современной публицистике

2.2.1. Лингвокультурологическое комментирование коллокаций

Все коллокации можно разделить на две неравные группы: единицы первой содержат лингвокультурологическую информацию, единицы второй такую информацию не содержат. Национальная обусловленность коллокации представлена лингвистическим (морфосинтаксическим или лексико-фразеологическим) и этнокультурным типами обусловленности значений сочетающихся слов (Архипова 2016: 10). Если коллокация имеет аналог в иностранном языке, то с лингвокультурологических позиций важен компонентный состав единицы именно в русском языке.

Как отмечалось выше, коллокации принято классифицировать по выполняемой ими функции. Согласно картотеке отобранных нами единиц, самой объемной группой являются общеупотребительные коллокации – двести одна единица: *авангардная страна, политический аванс, наглядная агитация, агрессивная политика, ажиотаж вокруг чего-л., акт гуманизма, спорный вопрос, жизненный опыт* и др. Далее (по убыванию) следуют этнокультурные коллокации – семьдесят две единицы. Этнокультурные коллокации, отражающие социально-значимые реалии, содержащие в себе национально-культурную специфику, свойственные определенному этносу и, как правило, непонятные носителям других языков и культур, отбирались нами для анализа в первую очередь, это такие единицы как: *трудовая биография, парад суверенитетов, трудовая вахта, вероломное нападение, кольцо блокады, ветеран войны, ветеран труда*. Терминологические коллокации – пятьдесят четыре единицы: *авторитарное государство, партийный актив, домашний арест, демографический взрыв, парламентская оппозиция, поток грузов, уголовное преступление, абсолютный рекорд* и др. Экспрессивные коллокации – тринадцать единиц: *водоворот жизни, беспардонная ложь, политика военных авантюр, авантюристическая политика; экономическая авантюра, ад войны, ад сражений, армия безработных, военная авантюра, авантюристическая политика* и т.д.;

Такие единицы как *баснословное богатство, водоворот жизни, беспардонная ложь* трудно описать, в них чувствуется какое-то национальное своеобразие, но проявляют они свои лингвокультурные качества при соотнесении их с общей системой ценности народа (правда-ложь; бедность-богатство), с общими кодами культуры, с христианскими ценностями (ложь – символ греха).

Остановимся подробнее на анализе коллокаций *трудовая биография, водоворот жизни, баснословное богатство, беспардонная ложь*.

С лингвокультурологической точки зрения, интерес представляет даже такая коллокация с прямым значением как *трудовая биография*, поскольку она обладает приращенным смыслом, «семантическим довеском», который мотивирован внутренней формой и фоновыми знаниями. В данном примере речь идет о культуре труда в СССР. Трудящемуся человеку и его семье были гарантированы социальные права, в том числе право на бесплатную медицину, жилье, образование, отдых и т.д. Не случайно, что трудовая биография стала синонимом биографии человека в целом. Несмотря на то, что выражение уходит в пассивный запас, оно устойчиво употребляется в региональной прессе, поздравительных телеграммах в СМИ, на публичных церемониях награждения людей, отличившихся чем-либо в своей профессии. Правда, сегодня даже идеальная трудовая биография, как правило, не гарантирует и части тех социальных прав, которые были во времена СССР, что привело к переосмыслению ценности труда в современном российском обществе. Упоминание трудовой биографии сегодня связано в основном с заслуженными работниками среднего и пожилого возраста, карьера которых началась в советские годы. Обращение к трудовой биографии в СМИ или публичных выступлениях, как нам представляется, превратилось в некий ритуал, и лишь в незначительной степени продолжает советскую традицию. Тем не менее, коллокация *трудовая биография* позволяет понять модель поведения советского человека / россиянина, те смыслы, которые объединяют советских / русских людей в единое этнокультурное сообщество. Понимание смыслов, заложенных в коллокацию *трудовая биография* в России, позволяет выяснить отношение в национальной культуре к такому важному социальному понятию как *труд*.

Обратимся к толкованию компонентов коллокации *трудовая биография*. *Трудовая*, от *трудо*вой – прил. к *труд*, ‘связанный с трудом’ (МАС IV: 418), *труд* – ‘целенаправленная деятельность человека, требующая умственного или физического напряжения; работа’ (МАС IV: 417).

Биография – от греч. βίος – жизнь и γράφω – пишу, ‘описание чьей-л. жизни; жизнеописание’ (МАС I: 90). В философии труд рассматривается как главный атрибут человека, осознанная необходимость, перешедшая в действие. При этом рекомендуется разграничивать понятия *труд* и *работа*. Работают (по принуждению) рабы, скот, станки; трудятся (осознанно, по собственной воле) свободные люди. «Труд – сущностное призвание человека, его субстанциональное могущество и наслаждение жизнью. <...> Труд является принадлежностью царства свободы, а работа – царства необходимости» (Пачкория 1994: 183).

Таким образом, под *трудовой биографией* можно понимать описание чьей-л. трудовой деятельности в течение жизни.

В Русском ассоциативном тезаурусе приводится более 100 реакций на слово-стимул «трудовая», трудовой может быть *книжка* (то есть документ, в котором фиксируется место работы гражданина), *неделя* (то есть график труда), *повинность* (устар.), *жизнь* (то есть часть жизни человека), *деятельность* (то есть определенный вид работы), *практика* (то есть работа для школьников или студентов), *биография* (то есть описание чье-л. работы в течение жизни) и др. На слово-стимул «биография» реакций не зафиксировано.

Отметим наличие небольшого количества контекстов – на сайте НКРЯ приведено 15 случаев употребления выражения *трудовая биография*, из них 8 контекстов публицистические.

Обратимся к примерам нашей картотеки, отобранным из современных публицистических текстов (согласно сервису «Яндекс.Новости», более 50 контекстов, в которых встречается общеупотребительная коллокация *трудовая биография*).

1) *Учиться нравилось, вернулась с дипломом в родное село, стала работать в детсаду, что возле школы №2 был. 1 апреля 1987 года началась моя трудовая биография. Мне очень там понравилось сразу. Каждый день*

видеть детей, заниматься с ними, играть стало моей потребностью. И вот за эти 30 лет не пожалела, что выбрала эту беспокойную, ответственную и сложную профессию. ИА Тюмень Медиа, 07.04.2017. Код доступа: <http://tyumedia.ru/207944.html> (дата обращения: 07.04.2017).

2) *На каждом этапе трудовой биографии он полностью отдавал силы, знания и опыт решению больших и малых задач, стоящих перед ним и родной республикой, за что был удостоен многих наград. Нам было легко и приятно работать с ним. Его профессиональные и человеческие качества снискали ему уважение и авторитет у коллег.* Кабардино-Балкарская Правда, 03.04.2017. Код доступа: <http://kbpravda.ru/node/15769> (дата обращения: 07.04.2017).

3) *В трудовой биографии А.Н. Цуканова – множество реализованных проектов, уникальных как по своей сложности, так и по размаху. Среди построенных объектов – Сургутский государственный университет, Сургутнефтегазбанк, Дворец культуры «Энергетик», детский сад «Лебедушка», школа в поселке Кедровом и многие другие.* Московский комсомолец – Югра, 04.11.2015. Код доступа: <http://ugra.mk.ru/articles/2015/11/04/sozdatel-svetlogo-budushhego.html> (дата обращения: 15.11.2015).

Комментарий. В первом фрагменте под трудовой биографией понимается работа воспитателя в детском саду – ответственное социально значимое дело, поскольку, как известно, то, что закладывается в ребенка в раннем возрасте, во многом определяет его будущее развитие и становление как личности. Из второго контекста следует, что трудовая биография человека связана с самоотверженной отдачей при решении общественно важных задач, что, в итоге, было отмечено многими наградами. В третьем фрагменте подчеркивается важность общественно полезного труда, то есть строительства зданий детских садов, школ, университетов, учреждений культуры, банков. Применительно к построенным объектам журналист

использует положительный эпитет *уникальные*. Не случайно имена архитекторов, строителей и организаторов строительства надолго остаются в памяти народа (Б.Ф. Растрелли, Л.А. Ильин, А.И. Попов и мн. др.).

Лингвокультурологический комментарий. Коллокация *трудовая биография* является социальной идеологемой, которая реализуется в публицистических текстах в стилистической манере речевого одобрения. Как известно, в СССР (первом государстве рабочих и крестьян) существовал своего рода культ труда, который лежал в основе коммунистической идеологии: был растиражирован лозунг «Пролетарии (то есть рабочие – М.М.) всех стран, соединяйтесь!», 1 мая всенародно отмечался День весны и труда, с 1961 по 1991 гг. законодательно преследовались тунеядцы, то есть те, кто сознательно уклонялся от общественно полезного труда, поощрялись трудовые династии, было введено звание Герой Социалистического труда (1938-1991 гг.), за «многолетний доблестный труд» вручалась медаль «Ветеран труда» (учреждена в 1974 г.) и т.д. Соответственно, под *трудовой биографией* фактически понималась биография советского человека в целом, при этом миллионы трудовых биографий были практически неотличимы, поскольку граждане работали на огромных предприятиях, в колхозах и совхозах. В словаре под ред. Г.Я. Солганика приводится список наиболее типичных (устойчивых) словосочетаний с компонентом *биография*: *героическая биография; биография завода, биография института, биография века; глава в биографии стройки* (Солганик 2008: 47). Таким образом, частотно сочетание компонента *биография* со словами, которые обозначают такие общественно важные явления, как завод, стройка (физический труд), институт (интеллектуальный труд); в выражении *биография века* подчеркивается масштабность, значимость событий, произошедших в течение столетия; положительный эпитет *героическая* говорит о том, что биография может быть связана с героической, самоотверженной деятельностью ради общественного блага. В советские

время в ответ на тезис Фридриха Энгельса о том, что труд сделал из обезьяны человека, родилось альтернативное, ироническое представление о труде и его роли в жизни человека, которое сформулировал писатель Андрей Новиков-Ланской: «Труд – очевидное и неприкрытое зло. Труд превратил человека в обезьяну. Вместо того чтобы размышлять о высоком, творить, познавать и совершенствовать себя, человек вынужден тратить драгоценное время жизни и энергию на бессмысленный механистический труд <...>. Когда Христос говорит «Будьте как дети» и «Будьте как птицы», он имеет в виду именно это – прекращайте трудиться и займитесь уже, наконец, собой. <...> Творческая, плодотворная, подвижническая работа – это уже не просто труд, а служение – совсем другое дело» (Новиков-Ланской, цит. по: Белковский 2016: 15). Развивая эту мысль, публицист С.А. Белковский пишет о том, что «нет ничего более чуждого русскому космизму, чем регулярный последовательный труд. Чтобы долго-долго работать в одной точке пространства <...> наш темперамент не предназначен. Не случайно труд у нас проходит по категории подвига. Отсюда и «трудовая доблесть», и звание «Герой труда». <...> Вот в Европе <...> работа – привычный элемент банального добра. А никакой не подвиг. И героев труда в Европе не бывает. Ибо героизм здесь неуместен. <...> Труд в России никогда не вознаграждается. То есть – не вознаграждается по заслугам. Посредством работы невозможно стяжать денег» (Белковский 2016: 16-19). Возможно, правы те исследователи, которые считают, что такое отношение к труду в России сформировалось вследствие нестабильного климата и малопродуктивных почв. В зоне рискованного земледелия нет прямой (предсказуемой) зависимости между трудозатратами и величиной урожая и это рождает представление о том, что даже тяжелый и самоотверженный труд далеко не всегда связан с успехом. Если в 80-е годы выражение *трудовая биография* встречалось довольно часто (около 300 случаев употребления в год), то в 2000-ные фиксируется значительно реже – всего от

10 до 15 случаев употребления в год. Выражение *трудовая биография* позволяет понять модель поведения советского человека, те смыслы, которые объединяют советских / русских людей в единое этнокультурное сообщество.

Лингвокультурная ситуация времен СССР, конечно, отличается от лингвокультурной ситуации современной России. Однако выражение *трудовая биография* не ушло в пассивный запас, хотя все чаще используется в контексте жизнеописания заслуженного человека, ветерана (см., например, *Вся сознательная жизнь связана с железнодорожным транспортом и у другого вице-президента РЖД – Алексея Воротилкина. Трудовую биографию он начал электромонтером*. Росбалт, 07.10.2015).

Обратимся к толкованию компонентов общеупотребительной коллокации *водоворот жизни*. *Водоворот* – зд. ‘стремительное, увлекающее за собой движение’ (МАС I: 193). *Жизнь* – зд. ‘окружающая нас реальная действительность; бытие’ (МАС I: 485).

В народных представлениях вода является одной из первых стихий мироздания, источником жизни, средством магического очищения. Однако водное пространство осмыслялось и как граница между миром живых и миром мертвых, как путь в загробный мир, место обитания нечистой силы и душ умерших. В космогонических мифах вода ассоциируется с первобытным хаосом (СД 1995 I: 386). В Библии вода, в частности, воспринимается как наказание Божие, которое осуществляется в виде потопа (Быт. 7:17–24).

Водоворот как часть водного пространства входит в группу водных метафор, соотносится с природным кодом культуры. В фольклоре водоворот считается опасным явлением, поскольку в нем обитает нечистая сила, способная затащить в водоворот человека (СД 1995 I: 395). Таким образом, коллокация *водоворот жизни* является экспрессивной и обладает этнокультурной информацией. Под водоворотом жизни понимается деятельность общества и человека, характеризующаяся быстротой и беспорядочностью, а также грозящая опасностью.

Единица выступает в роли символа бурной, опасной, насыщенной быстро сменяющимися друг друга событиями, жизни.

В Русском ассоциативном словаре не зафиксировано реакции на слово-стимул *водоворот*. Отметим наличие небольшого количества контекстов – на сайте НКРЯ приведено 8 случаев употребления выражения *водоворот жизни*, лишь 1 контекст публицистический:

«Что там происходит?» «Представляю. Ясно, что происходит — шум, гам, споры, смех, торговля. В общем, водоворот жизни.» «Верно. А философ – это тот, который находится вне рынка. Сидит на каком-нибудь возвышенном месте и смотрит на всё это. Православная газета, №24 (116), 1999.

Обратимся к примерам нашей картотеки, отобранным из современных публицистических текстов (согласно сервису «Яндекс.Новости», более 50 контекстов, в которых встречается общеупотребительная коллокация *водоворот жизни*).

1) *Для участия в съёмках была собрана многонациональная творческая группа <...>. На роль Маты Хари была приглашена французская актриса Ваина Джоканте («99 Франков», «Распутник»). В водоворот жизни ее героини окажутся втянуты как реально существовавшие исторические персонажи, так и созданные сценаристами, – в исполнении известных актеров. Газета Метро, 12.10.2015. Код доступа: <http://www.metronews.ru/shou-biznes/o-mata-hari-snimut-mnogoserijnyj-film/Троојл---89iDYB5nKXOmE/> (дата обращения: 15.11.2015).*

2) *Например, в городе Майами кругом элитные отели, дорогая недвижимость и яркие бизнес-центры. За ланчем в роскошных ресторанах сильные мира сего обсуждают крупные сделки. И именно здесь, в бурном водовороте городской жизни, у социальных работников, которые пытаются помочь бездомным, больше всего забот.* Russia Today на русском,

30.08.2015, Код доступа: <https://russian.rt.com/article/112054> (дата обращения: 15.11.2015).

3) *Вот, к примеру, ненависть или злость можно объяснить как следствие определенного поведения, а любовь и счастье – нет. Вот мы в водовороте жизни часто проходим мимо счастливых моментов, не замечая их, а потом сетуем, какие же мы несчастные.* Собеседник, 02.04.2015. Код доступа: <http://sobesednik.ru/kultura-i-tv/20150402-zbruev-nenavist-obyasnit-mogu-lyubov-i-schaste-net> (дата обращения: 15.11.2015).

Комментарий. В приведенных фрагментах подчеркивается, что водоворот жизни связан с несчастьем: ежедневная суэта отвлекает человека от счастья. Пассивный оборот *«исторические персонажи ... окажутся втянуты»* подчеркивает беспомощность человека перед высшими силами, которые заставляют его подчиняться обстоятельствам. Страдательное причастие с негативной оценкой *втянуты* усиливает значение единицы. Опасность водоворота жизни подчеркивается тем, что в нем находятся люди (бездомные), которые могут погибнуть (от голода, болезней и проч.), если им не окажут помощь другие люди (соцработник). Эпитет *бурный* усиливает впечатление о непредсказуемости, опасности и быстроте, с которой может возникнуть опасная ситуация.

В словаре под ред. Г.Я. Солганика приводится список наиболее типичных (устойчивых) словосочетаний с компонентом *водоворот*: *водоворот жизни, водоворот событий, водоворот страстей, чувств, водоворот борьбы, водоворот войны, водоворот инфляции, водоворот цифр; жизненный водоворот, человеческий водоворот, людской водоворот, валютный водоворот* (Солганик 2008: 99). Таким образом, частотно сочетание компонента *водоворот* с понятиями, которые важны как в духовной, так в материальной жизни человека: *чувства, страсти, люди и борьба, война, цифры, валюта, инфляция*. Половина из перечисленных

понятий связана с опасностью или смертью (страсть, инфляция, борьба, война).

Лингвокультурологический комментарий. Выражение *водоворот жизни* как символ бурной, опасной, насыщенной быстро сменяющимися друг друга событиями, жизни основано на метафоре и характеризуется изобразительностью. Чувственная реальность (образ водоворота) является инструментом познания объекта (жизни). Образ водоворота подтверждает мифическое происхождение символа (Лосев 1982). Другими словами, символизируемое символизируется через представление, создающее интерпретативную связь между символизирующим и символизируемым. План выражения преобладает над планом содержания. Лингвокультурологическая ценность коллокации *водоворот жизни* заключается в том, что она передает отношение человека ко времени как к череде хаотично происходящих событий. Означающее А символа ВОДОВОРОТ ЖИЗНИ состоит из фонемного ряда А1 (водоворот жизни) и понятийного значения, которое создает образно-эмпирическое представление о денотате А2 ('бурная, опасная, насыщенная быстро сменяющимися друг друга событиями, жизнь').

Рассмотрим коллокацию *баснословное богатство*. Обратимся к толкованию ее компонентов. *Баснословный* – собственно русское. Является суффиксальным производным от устаревшего *баснословие* 'повествование о сказочных событиях, мифология'. Словообразовательная калька греч. *mythologia*. Первоначальное значение – 'сказочный, мифический' (Шанский 1965: I, 2, 53); 'необычайный, невероятный' (МАС I: 64). *Богатство* – 'обилие материальных ценностей, денег' (МАС I: 101). Платон определял богатство как 'имущество, достаточное для благополучной жизни; изобилие средств, направленное на укрепление счастья' (Платон 1994: 622).

Под баснословным богатством можно понимать необыкновенно большое количество денег, имущества, ценностей. Единица выступает символом материального благополучия.

Экспрессивность коллокации достигается благодаря оценочности, заключенной в компоненте *баснословное*, а также за счет гиперболизации, которая лежит в основе всего выражения.

В народной культуре под богатством понимается изобилие земных благ, которое связывается с представлением о доле, судьбе, удаче, благосклонности Бога, предков и других сил. Богатство представлял собой скот, урожай, а также золото и серебро, деньги. Существуют указания на связь богатства со сверхъестественной и нечистой силой. Большим богатством владеют дьявол (черт), змий (змея), домовый и т.п. (СД 1995: I, 203-204). Слово *богатство* (корень бог-) применимо и к духовной жизни, по аналогии выделяется «духовно богатый» человек (когда говорят о человеке, поднявшемся над суетой предметных забот к благам высшим, небесным) (Безрукова 2000). В России сложилось иное, чем на Западе, отношение к деньгам и богатству. Для западного человека свобода связана с деньгами, для русского свобода – это независимость от денег. <...> Многие считали, что любое богатство связано с грехом <...> богатство перед Богом – большой грех; *богатому черти деньги куют; пусти душу в ад – будешь богат; грехов много, да и денег вволю.* <...> Отсюда выводы: *лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом;* <...> К богачам трудовой человек относится с большим недоверием. *Богатый никого не помнит, только себя помнит.* Вместе с тем крестьяне даже в чем-то сочувствуют (или иронизируют над богачом – М.М.) *богатому* <...> *Богатому не спится, богатый вора боится* (Большая энциклопедия русского народа, электронный ресурс).

В Русском ассоциативном словаре отсутствуют реакции на слово-стимул *баснословное*. Богатство же связано с деньгами, властью,

ассоциируется с душой, и прямо противоположным по значению словом *бедность*.

Отметим наличие небольшого количества контекстов с использованием данного выражения – на сайте НКРЯ приведено 5 случаев употребления выражения *баснословное богатство*, 3 контекста публицистические:

Фигурное катание смотрели все. <...> Шубы Чайковской и Тарасовой – притча во языцех, но любовь тогда была сильнее зависти, и народ прощал фигуристам даже их баснословное богатство – они были небожителями. Общая газета, №13(192), 03-09.04.1997.

Обратимся к примерам нашей картотеки, отобранным из современных публицистических текстов (согласно сервису «Яндекс.Новости», более 50 контекстов, в которых словосочетание *баснословное богатство* выполняет экспрессивную функцию и обладает этнокультурной информацией).

1) *Не секрет, что в последние недели всплывают чудовищные факты социального неравенства, когда на глазах у народа вскрываются баснословные богатства нашего истеблишмента. Эта невероятная роскошь – виллы, дворцы, часы, яхты, поездки. И это производит ощущение безумия.* Русская служба новостей, 22.09.2015. Код доступа: <http://rusnovosti.ru/posts/388174> (дата обращения: 15.11.2015).

2) *У Александра Буркова тем временем все так же трудно со спонсорами кампании. Стараниями администрации губернатора от кандидата отрезали всех финансистов, и теперь он оказался перед необходимостью тратить свои деньги. Бурков – человек небедный, по слухам, он контролирует около 1000 гектаров земель в районе Горного щита, на которых разрешено строить дома и коттеджи. Это баснословное богатство.* Информационное агентство Znak, 12.07.2013. Код доступа: <http://www.znak.com/urfo/articles/12-07-18-53/100952.html> (дата обращения: 15.11.2015).

3) *Учителя без опыта на тот момент получали копейки. Мне за квартиру надо было только девять тысяч отдавать, из тех 13, что обещали. Подруга устроила меня барменом работать в кафе. Вроде бы все получалось. И зарплата в 25 тысяч рублей казалась баснословным богатством.* Русская планета, 23.06.2014. Код доступа: http://ekaterinburg.rusplt.ru/index/Zhiteli_Ekaterinburga_o_tom_kak_poluchilos_chno_oni_rabotajut_ne_po_specialnosti-10653.html (дата обращения: 15.11.2015).

Комментарий. В одном из приведенных фрагментов под богатством понимаются земельные участки, на которых разрешено строить недвижимость. Также наличие денег напрямую связывается с возможностью попадания во власть. Чрезмерное богатство одной социальной группы населения на фоне бедности всего остального населения признается ненормальным, противоречащим разумному положению дел. Отрицательный эпитет *чудовищные* усиливает представление о масштабности и серьезных последствиях данного факта. В другом контексте противопоставляется работа учителя (низкооплачиваемая, интеллектуальный труд) и работа бармена (высокооплачиваемая, физический труд).

Лингвокультурологический комментарий. Выражение *баснословное богатств*, как символ необыкновенно большого количества ценностей основано на метафоре и характеризуется изобразительностью. Коллокация «запускает» механизм эмпирического познания действительности: чувственная реальность (представление о басне, сказке, мифе) является инструментом познания такого социального явления как огромное богатство. План выражения преобладает над планом содержания. Баснословное богатство представляется чем-то удивительным (одна из основных функций символа – акцентировать внимание на чем-либо оригинальном), излишним, ненормальным, если речь идет о материальном благополучии. В то же время, если под баснословным богатством понимается нечто нематериальное (богатство языка, мыслей, чувств), то значение чрезмерности приобретает

положительный оттенок. (Тем самым подтверждается тезис о том, что символ способен заключать в себе множественные смыслы, его семантика зависит от контекста.) В этом и заключается лингвокультурологическая ценность данной единицы.

Означающее А символа БАСНОСЛОВНОЕ БОГАТСТВО состоит из фонемного ряда А1 (баснословное богатство) и понятийного значения, которое создает образно-эмпирическое представление о денотате А2 ('необыкновенно большое количество денег, имущества, ценностей').

Обратимся к толкованию компонентов коллокации *беспардонная ложь*. *Беспардонная*, от *беспардонный*, собственно русское. Образовано посредством суф. -н- от предложно-падежной формы *без пардона* (*pardone, фр.*) 'без извинения, без прощения' (Шанский 1965: II, 2, 103); 'крайне бесцеремонный; беззастенчивый, наглый' (МАС I: 81). *Ложь* – 'неправда, намеренное искажение истины; обман' (МАС II: 197). В философии «парадоксальность феномена лжи проявляется и с точки зрения нравственности. Сознательная ложь, как обман, имеет явно негативное значение, а лживость является пороком. Но в то же время в философии морали встает также вопрос о необходимости лжи. Напр., в крайнем случае для спасения чьей-нибудь жизни. И тогда ложь оказывается добродетелью» (Новая философская энциклопедия <http://iph.ras.ru/elib/1706.html>).

Таким образом, под баснословным богатством можно понимать наглое намеренное искажение истины.

Экспрессивность единицы достигается благодаря отрицательной оценочности, заключенной в компоненте *беспардонная*, который усиливает значение компонента *ложь*. Ложь в христианской (в том числе, русской) культуре считается изобретением лукавого (дьявола) (Ин. 8:44).

В Русском ассоциативном словаре отсутствуют реакции на слово-стимул *беспардонная* (*беспардонный*). На слово-стимул *ложь* зафиксировано 642 реакции, она ассоциируется со словом, обладающим прямо

противоположным значением, – правда, а также с неправдой, обманом, чем-то плохим; ложь может быть святой, сладкой, гнусной, во спасение и проч.

Отметим наличие небольшого количества контекстов – на сайте НКРЯ приведено 4 контекста употребления выражения *баснословное богатство*, 2 контекста публицистические:

Так, благодаря Акинфию Демидову, начиная со второй половины XVIII века, Россия смогла себе позволить начать поставки золота за рубеж. За свою деятельность на благо отечества Акинфий Никитич Демидов, уже будучи дворянином, в 1740 году был удостоен чина статского советника, а двумя годами позже произведен в действительные статские советники «за тщательное производство и размножение железных и медных заводов». Скончался Акинфий Демидов на 67-м году жизни. Баснословное богатство, созданное и приумноженное трудами ряда поколений, и искренняя любовь Демидовых к отечеству предопределили небывалый размах их благотворительной и меценатской деятельности. РИА Новости, 16.08.2007.

Обратимся к примерам нашей картотеки, отобранным из современных публицистических текстов (согласно сервису «Яндекс.Новости», более 50 контекстов, в которых словосочетание *баснословное богатство* выполняет экспрессивную функцию).

1) *Ее (Россию – М.М.) Обама в контексте украинского кризиса традиционно обвинил в агрессии. А санкции Запада, по мнению американского президента, разорвали российскую экономику «в клочья». Это, конечно, серьезный посыл, который был рассчитан на бурю аплодисментов со стороны парламентариев. Что они и продемонстрировали. При этом на самой Украине, уверен Обама, установилась «демократия». Ну, чем не классика пропаганды – чем беспардонней ложь, тем быстрее в нее поверят?* РИА Новости, 21.01.2015.

Код

доступа:

http://ria.ru/radio_brief/20150121/1043554039.html#ixzz3raQUOyq4 (дата обращения: 15.1.2015).

2) *Премия Шмырову вручена, как это ни звучит цинично, за «вклад в правозащитное образование»! А если вещи назвать своими именами, то за грубое искажение истории страны, беспардонную ложь, вранье, переформатирование сознания граждан под западные стандарты, что лишний раз доказывает суть правозащитного движения <...>. РИА Накануне, 19.01.2015. Код доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/19947#sthash.5rB49tGt.dpuf> (дата обращения: 15.11.2015).*

3) *«Как использовалась тяжелая техника против безоружных граждан - это все показывали наши каналы вживую, подобных кадров вы не найдете на таких уважаемых каналах, как Би-би-си, Си-эн-эн», - констатировал Лавров. - Мы убеждаемся, что хотят установить информационную блокаду, на фоне перекрытия объективной информации запускают совершенно беспардонную ложь». ТАСС, 12.05.2014. Код доступа: <http://tass.ru/politika/1179867> (дата обращения: 15.11.2015).*

Комментарий. В приведенных фрагментах подчеркивается, что беспардонно лгать сознательно могут и уважаемые мировые СМИ. Наречие *совершенно* усиливает негативное значение единицы, одновременно указывая на то, что существуют различные степени беспардонной лжи. Негативное значение выражения усиливается за счет его употребления в ряду таких понятий как *информационная блокада, перекрытие объективной информации*. Беспардонная ложь может сознательно звучать из уст высшего руководства государства и быть рассчитанной на широкую, при этом образованную, аудиторию. Употребление прилагательного *беспардонная* в сравнительной степени – *беспардоннее* – указывает на то, что единица имеет разную степень интенсивности. Выражение *беспардонная ложь* может стоять в одном ряду с такими понятиями как *искажение, вранье* (слово с ярко

выраженной негативной экспрессивной окраской), *перереформатирование сознания*, что усиливает негативное восприятие единицы.

В словаре под ред. Г.Я. Солганика приводится список наиболее типичных (устойчивых) сочетаний с компонентом *беспардонная*: *беспардонная ложь, беспардонное поведение, беспардонное лакейство, беспардонные притязания* (Солганик 2008: 45). *Ложь, лакейство* имеют отрицательную коннотацию.

Лингвокультурологический комментарий. Выражение *беспардонная ложь* как символ наглого намеренного искажения истины основано на метафоре и характеризуется изобразительностью. Отношение ко лжи представителя русской православной культуры однозначно отрицательное, поскольку, согласно Библии, носителем первой лжи является Сатана; именно со лжи начинается грехопадение (первое преступление) человека. Следовательно, можно констатировать наличие отрицательной коннотации и у коллокации *беспардонная ложь*.

Означающее А символа БЕСПАРДОННАЯ ЛОЖЬ состоит из фонемного ряда А1 (*беспардонная ложь*) и понятийного значения, которое создает образно-эмпирическое представление о денотате А2 ('наглое намеренное искажение истины').

Итак, можно утверждать, что коллокации, функционирующие в публицистическом тексте, могут как соотноситься с символами как явлениями культуры, так и не соотноситься с ними. Также коллокация может быть соотнесена с системой ценностей (см. *ложь, богатство*). Если в основе коллокации лежит символ, он является первичным по отношению к самой единице. В таком случае совпадает и их функциональная направленность. Кроме того, некоторая воспроизводимость во многом обусловлена тем, что один из компонентов коллокации выполняет функцию символа, то есть знака культуры.

2.2.2. Лингвокультурологическое комментирование эвфемизмов

В публицистическом тексте экономические эвфемизмы, как правило, употребляются в функции манипулирования общественным сознанием. См, использование эвфемизма *либерализация цен* в значении 'повышение цен', *коррекция курса рубля* в значении 'ослабление, обвал курса' и т.д. Такие выражения чиновники посредством СМИ используют не только и не столько для информирования, сколько для формирования нужного им отношения аудитории к тем или иным событиям / людям / явлениям. В то время, как обиходно-бытовой эвфемизм «улучшает» один-единственный денотат (*уйти в мир иной* – 'умереть'; *освободить нос* – 'высморкаться'; *пожилой человек* – 'старик' и т.д.), в области экономических эвфемизмов, функционирующих в публицистических текстах, как мы заметили, происходят более сложные процессы. Прежде всего, это касается единиц, описывающих экономику. Нам представляется, что в процессе выявления и описания истинного и ложного, заложенного во ФЕ, во многом можно сделать вывод о ее лингвокультурологической ценности.

Опираясь на отобранный материал, мы можем говорить о появлении новой группы единиц, которые являются эвфемизмами, но ранее не использовались в функции эвфемизма. Их основной особенностью можно назвать контекстуальную обусловленность, другими словами, такие единицы одновременно могут быть как эвфемизмами, так и военными, дипломатическими, экономическими терминами или клише. В подтверждение выдвинутого тезиса приведем примеры анализа нескольких частотных эвфемизмов, но прежде оговоримся, что при описании будем использовать такие единицы ментального уровня (знаки культуры), как символ и стереотип. Обращение к ним позволит интерпретировать фразеологизмы, которые являются единицами знакового уровня.

«Восприятие фразеологизма осуществляется сквозь “фильтр” культуры, ее прескрипций и ценностных ориентиров» (Ковшова 2012: 131). Представляется, что таким своеобразным «фильтром» выступают символы и стереотипы.

Рассмотрим единицы фразео-семантического поля «экономика». Разберем эвфемизм *либерализация цен*, который используется в значении ‘повышение цен’. Словари экономических терминов определяют *либерализацию цен* как ‘освобождение цен от административного контроля; свободное формирование цен по законам рыночной экономики, под влиянием конкуренции товаропроизводителей, а также спроса и предложения товаров’ (БЭС 1997: Гукасян 2007). Существует также определение, в котором говорится о том, что ‘освобождение цен может быть как полным, так и частичным’ (Лопатников 2003). Во всех приведенных дефинициях подчеркивается, что либерализация цен является освобождением цен от контроля со стороны государства.

Остановимся подробнее на компонентах термина *либерализация цен*. *Либерализация*, фр. *libéralisation*, от либерализовать – ‘снять (снимать) ограничение, предоставить (-влять) свободу действий’ (Шведова 2007). *Цена* – ‘стоимость какого-л. товара, выраженная в денежных единицах’ (МАС IV: 639). Образ эвфемизма воспринимается позитивно из-за, в целом, положительного отношения к либерализации, то есть к свободе, снятию ограничений. Компонент *либерализация* может ввести читателя в заблуждение: представление о либерализации как о свободе – высшем общественном благе – не связано с повышением цен, то есть в широком смысле, с ограничением свободы. Другими словами, термин используется в эвфемистическом значении вместо словосочетания *повышение цен* и отвлекает внимание читателя от сути проблемы. Латинское происхождение одного из компонентов единицы призвано закамуфлировать значение всего выражения.

В Русском ассоциативном словаре не зафиксировано реакций на слово-стимул *либерализация*, слово *цена* вызывает однотипные ассоциации: высокая, большая, бешеная, огромная и др.

Отметим наличие небольшого количества контекстов – на сайте НКРЯ приведено 23 случая употребления словосочетания *либерализация цен*, 18 контекстов публицистические.

Обратимся к примерам нашей картотеки, отобранным из современных публицистических текстов (согласно сервису «Яндекс.Новости», более 50 контекстов, в которых происходит «разоблачение» эвфемизма, то есть словосочетание *либерализация цен* используется как синоним словосочетания *повышение цен*).

1) *Согласно решению правительства, тарифы на газ в Румынии будут последовательно и ежегодно повышаться вплоть до 2021 года. В Кабмине сообщили, что «календарь» либерализации цен на энергоресурсы является результатом переговоров с Международным валютным фондом, Европейским союзом и Всемирным банком. Ранее по требованию Брюсселя и международных финансовых структур Румыния уже отказалась от регулирования цен на газ для предприятий, сохранив лишь льготы для населения.* ИА Регнум, 02.07.2015. Код доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1938823.html> (дата обращения: 01.11.2015).

2) *МВФ советует Минску либерализовать цены и провести приватизацию. <...> МВФ отмечает, что программа, в частности, должна включать либерализацию цен, в том числе план повышения тарифов на ЖКУ и транспорт до уровня полного возмещения затрат, устранение обязательных целевых показателей для предприятий.* Агентство экономической информации Прайм, 16.03.2015. Код доступа: http://1prime.ru/state_regulation/20150316/804988431.html (дата обращения: 01.11.2015).

3) *Новая история государства насчитывает уже почти четверть столетия, за это время произошло многое. В 90-х либерализация цен привела к невероятному росту инфляции – цены подскочили на порядки, «постоянное изумление», в котором, по мнению Салтыкова-Щедрина, должна держать российская власть свой народ, сменилось «шоковой терапией».* Независимая газета, 21.10.2014. Код доступа: http://www.ng.ru/ng_politics/2014-10-21/9_skovannye.html (дата обращения: 01.11.2015).

Комментарий. В приведенных фрагментах выражение *либерализация цен* используется как синоним выражений *рост инфляции*, *«подскок» цен*, *повышение тарифов*, *отказ от госрегулирования цен*, *отказ от предоставления льгот кому-либо* и т.д. Приведённые контексты подтверждают несоответствие формы и содержания словосочетания *либерализация цен*. Таким образом, можно говорить о том, что у термина *либерализация цен* актуализируется эвфемистическое значение ‘повышение цен’.

Лингвокультурологический комментарий. Эвфемизм *либерализация цен*, превратившийся в газетное клише, в публицистическом тексте отражает упрощенное представление об изменении цен только в сторону их снижения. Таким образом, реализуется один из основных признаков стереотипа – схематичность. Критическое рассмотрение, глубокий анализ экономической ситуации противоречит установкам человека, который стремится экономить усилия при восприятии сложных процессов (У. Липпман 2004). В данном случае мы имеем дело с эвфемизмом, возникшим на основе стереотипа-ситуации, который приписывает референту набор признаков (*либерализация – свобода, снятие ограничений*). Можно предположить, что преимущественно положительное отношение к либерализации, – которое вводит в заблуждение и способствует восприятию либерализации цен как понижения цен, – основывается на эпизодах из истории России. Либеральные реформы Александра II (в частности, отмена «русского рабства» –

крепостного права, введение в судебный процесс адвокатов, учреждение земств – органов местного самоуправления и многое другое), целая плеяда интеллектуалов, государственных деятелей либерального толка (Г.Р. Державин, М.М. Сперанский, П.Н. Милюков, А.Д. Сахаров, Ю.Н. Афанасьев и многие другие) способствовали созданию в целом положительного отношения ко всему, что связано с либерализмом. В этом и заключается лингвокультурологическая значимость эвфемизма *либерализация цен*.

Перечислим основные признаки референта, которые приписываются стереотипу-образу *либерализация цен*: сдерживание роста тарифов, спасение, снижение, сокращение инфляции, наращивание резервов, прекращение контроля, повышение эффективности работы и т.д.

Либерализация цен на газ поможет сдержать рост тарифов. Уход от государственного регулирования цен на газ поможет сдержать рост тарифов на жилищно-коммунальные услуги и энергоресурсы. Такое мнение высказал заместитель руководителя Федеральной антимонопольной службы РФ Анатолий Голомолзин. ИА Тюменская линия, 28.07.2016. Код доступа: <http://t-1.ru/212196.html> (дата обращения: 23.08.2016).

<...> от голода вместо ГКЧП страну спасла либерализация цен. Впрочем, в вопросах цен ГКЧП и Ельцин занимали более естественную позицию: программа путча предполагала их «упорядочивание и снижение», программа противников — скорейшее прекращение ценового контроля. Коммерсант, 19.08.2016. Код доступа: <http://kommersant.ru/doc/3066967> (дата обращения: 23.08.2016).

Реализация условий второго транша была нацелена на сокращение инфляции и последовательное наращивание валовых международных резервов (ВМР) через проведение жесткой и скоординированной экономической политики, а также на продолжение структурных реформ по либерализации цен, повышению эффективности работы государственных

предприятий, созданию условий для перехода к корпоративным принципам управления и развития частного сектора. ИА InfoLINE, 08.08.2016. Код доступа: http://www.advis.ru/php/view_news.php?id=5EA66D26-1E06-2842-BA5E-C558AC7B91D4 (дата обращения: 23.08.2016).

Казалось бы, позитивный стереотип *либерализация цен* предписывает положительное отношение к нему. Однако контексты из современных публицистических текстов подтверждают гипотезу С.А. Мурадяна, который писал, что стереотип представляет собой ложное знание, его объект заменяется неадекватным представлением, заблуждением о нем (Мурадян 1977: 78). Природа стереотипа амбивалентна, в нем может быть заложено созидательное и разрушительное, истинное и ложное. Истинными с учетом контекстов оказываются следующие признаки референта стереотипа-образа *либерализация цен*: повышение цен, тарифов, а ложными – снижение цен, тарифов. Стереотип используется в публикациях, рассчитанных на массовую читательскую аудиторию. Употребление эвфемизма *либерализация цен* (положительная оценка) либо словосочетания «повышение цен» (отрицательная оценка) маркирует принадлежность говорящего: в первом случае речь идет об официальной позиции руководства и официальных СМИ, во втором – о восприятии с точки зрения гражданина. Отметим, что данное свойство эвфемизма подтверждает его принадлежность к группе стереотипов, поскольку в стереотипах также содержатся такие оппозиции, как «свой-чужой», «плохой-хороший».

Означающее А стереотипа ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ЦЕН состоит из фонемного ряда А1 (либерализация цен) и понятийного значения, которое создает образно-эмпирическое представление о денотате А2 ('снижение цен'). Означаемое В имеет эвфемистическое значение 'повышение цен'.

Рис. Схематическое изображение значений выражения *либерализация цен*.

Обратимся к анализу эвфемизма *экономические санкции*, который приобрел высокую частотность в связи с напряженностью в международных отношениях. Под экономическими санкциями понимается запрет на экономические отношения (блокирование банковских счетов, запрет на получение кредитов и проч.). Словари экономических терминов определяют экономические санкции как действия, предпринимаемые одной страной или группой стран и направленные против экономических интересов другой страны или группы стран, обычно с целью добиться проведения в этой стране социальных или политических изменений (БЭС 1997). Отметим, что в большинстве специальных словарей под экономическими санкциями понимаются не международные, а внутригосударственные меры принудительного воздействия, например, на предприятие или организацию, которые допустили нарушение и нанесли ущерб своим партнерам или государству (Кураков и др. 2004: 200; Моисеев и др. 1985: 236).

Остановимся подробнее на компонентах термина *экономические санкции*. *Экономические* от *экономический* – ‘относящийся к организации и ведению экономики’ (МАС IV: 749). *Санкция* – от лат. *Sanctio* – ‘нерушимый закон, строжайшее постановление’, здесь: «в международном праве: меры воздействия, применяемые к государству, нарушившему свои

международные обязательства или нормы международного права» (МАС IV: 27). Термин используется в эвфемистическом значении вместо словосочетания 'запрет на экономические отношения' (блокировка банковских счетов, запрет на получение кредитов и проч.) и отвлекает внимание читателя от сути проблемы. Латинское происхождение одного из компонентов единицы призвано затемнить значение всего выражения.

В Русском ассоциативном словаре на слово-стимул *экономические* и слово-стимул *санкции* реакций не зафиксировано.

Отметим наличие небольшого количества контекстов – на сайте НКРЯ приведено 28 случаев употребления словосочетания *экономические санкции*, из них 21 контекст касается словосочетания в значении 'международные меры' и в 7 контекстах его используют в значении 'внутригосударственные меры'; из 28 примеров 22 – публицистические.

Обратимся к примерам нашей картотеки, отобранным из современных публицистических текстов (согласно сервису «Яндекс.Новости», более 50 контекстов, в которых словосочетание *экономические санкции* используется как синоним словосочетанию «запрет на экономические отношения» (блокирование банковских счетов, запрет на получение кредитов и проч.).

1) *Национальный банк Украины (НБУ) разработал механизм применения персональных экономических санкций в отношении банков и частных лиц, перечисленных в санкционном указе президента Петра Порошенко от 16 сентября. <...> «Виды ограничительных мер четко приписаны в решении Совета национальной безопасности и обороны Украины отдельно по каждому лицу. Среди указанных санкций – блокирование активов, остановка выполнения экономических и финансовых обязательств, запрет на установление деловых контактов», - сообщили в пресс-службе. ТАСС, 01.10.2015, Код доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2309824> (дата обращения: 01.11.2015).*

2) *Люди, которые оказались под санкциями персональными, и Валентина Матвиенко страдает с этой американской визой и не хочет быть только на Манхеттене. Экономические санкции, банковские счета. Невозможность вести бизнес за границей. Эхо Москвы, 27.08.2015. Код доступа: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1610794-echo/> (дата обращения: 01.11.2015).*

3) *«Экономические санкции обязательно будут, но – ограниченные. Такие, которые не должны затронуть сотни бизнесов ЕС, связанных с РФ», – уверен директор Киевского центра политических исследований и конфликтологии Михаил Погребинский. По мнению профессора Лангхаммера, санкции останутся на уровне отказов в визах и замораживания банковских счетов. Ежедневная деловая газета РБК, 21.03.2014. Код доступа: <http://rbcdaily.ru/world/562949990909124> (дата обращения: 01.11.2015).*

Комментарий. В приведенных фрагментах под экономическими санкциями понимается отказ определенным лицам в получении визы определенного государства, блокирование банковских счетов, активов, запрет на установление деловых контактов, запрет на ведение бизнеса и т.д. Это говорит о том, что под экономическими санкциями понимается запрет на экономические отношения.

Приведённые контексты подтверждают несоответствие формы и содержания словосочетания *экономические санкции*. Таким образом, можно говорить о том, что у выражения *экономические санкции* актуализируется эвфемистическое значение ‘запрет на экономические отношения’.

Лингвокультурологический комментарий. Эвфемизм *экономические санкции*, превратившийся в газетное клише, в публицистическом тексте отражает упрощенное представление о давлении на кого-л. / что-л. с использованием экономических методов. В данном случае мы имеем дело с эвфемизмом, возникшим на основе стереотипа-ситуации, который

приписывает референту набор признаков (санкции как неопределенные меры воздействия).

Перечислим основные признаки референта, которые приписываются стереотипу-ситуации *экономические санкции*: нечто незначительное, нацеленное на отдельные секторы, не оказывающее серьезного влияния и т.п.

Экономические санкции Запада в отношении Газпрома значительно не отразились на контрактах русского монопольного экспортёра природного газа, сказала компания во вторник. Твой город Псков, 23.08.2016. Код доступа: <http://tvoygorodpskov.ru/2016/08/241219-zapadnie-sankcii-ne-pomeshali-rabote-gazproma.html> (дата обращения: 23.08.2016).

"Совет ЕС продлил экономические санкции, нацеленные на отдельные сектора экономики России на шесть месяцев до 31 января 2017 года", - говорится в заявлении. ТАСС, 01.07.2016. Код доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3423255> (дата обращения: 23.08.2016).

– *Повлияют ли на планы холдинга экономические санкции со стороны США? – Санкции США в отношении «Вертолётов России» никак не повлияют на планы реализации твёрдого портфеля заказов, так как ни США, ни страны Западной Европы не являются рынками сбыта вертолётной техники российского производства.* Версия, 22.08.2016. Код доступа: <https://versia.ru/sergej-chemezov-lovko-zhongliruet-ciframi> (дата обращения: 23.08.2016).

Истинными – с учетом контекстов – оказываются следующие признаки референта стереотипа-ситуации *экономические санкции*: запрет на экономические отношения, а ложными – незначительные ограничения в отдельных сферах экономических отношений. Стереотип используется в публикациях, рассчитанных на массовую читательскую аудиторию. Эвфемизм *экономические санкции*, как правило, используется в официальных СМИ для того, чтобы сгладить негативные для России последствия от

запрета на экономические отношения со стороны ряда зарубежных государств. Отметим, что данное свойство эвфемизма подтверждает его принадлежность к группе стереотипов, поскольку в стереотипах также содержатся такие оппозиции, как «свой-чужой», «плохой-хороший».

Означающее А стереотипа ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ состоит из фонемного ряда А1 (экономические санкции) и понятийного значения, которое создает образно-эмпирическое представление о денотате А2 ('незначительные ограничения в отдельных сферах экономических отношений'). Означаемое В имеет эвфемистическое значение 'запрет на экономические отношения'.

Лингвокультурологическая ценность единицы *экономические санкции* заключается в том, что она отражает фрагмент российской истории, осложнение отношений с зарубежными государствами в определённый (современный) период развития России.

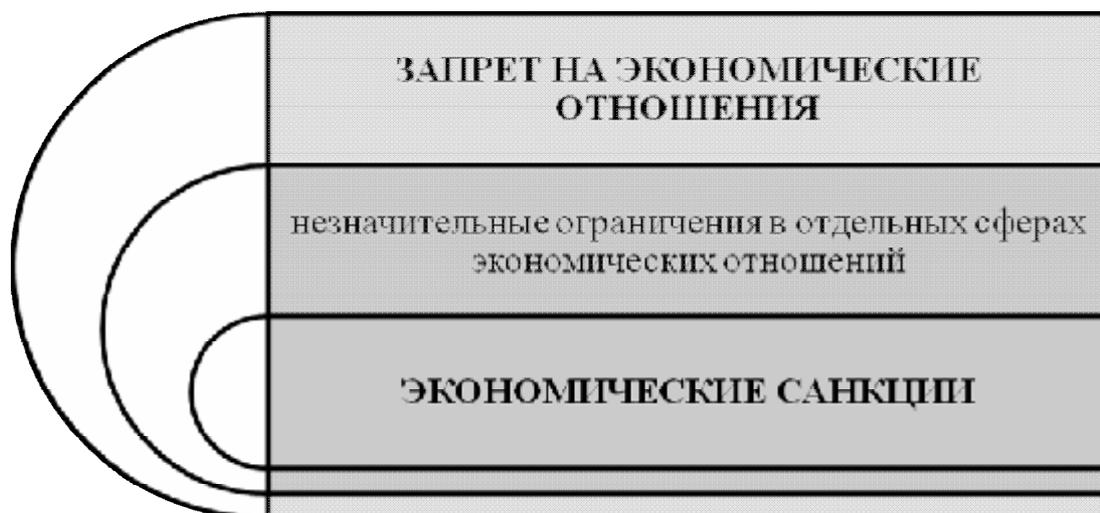

Рис. Схематическое изображение значений выражения *экономические санкции*.

Обратимся к анализу эвфемизма *коррекция на (каком-л.) рынке*, который используется в значении 'обесценивание чего-л.'. Отметим, что слово *коррекция* в последнее время активно используется для образования новых эвфемистических единиц: *коррекция на валютном (мировом,*

фондовом) рынке; коррекция фондового (экономического, валютного) рынка; коррекция на рынке нефти (акций, валюты). В современных публицистических текстах используются различные синтаксические варианты данного фразеологического эвфемизма. Однако наиболее частотный вариант, согласно нашим данным, именно коррекция на (каком-л.) рынке. Для справки ниже в таблице приведем и другие, менее частотные, конструкции (в скобках указана частотность употребления).

Коррекция на каком-л. рынке (более 100)	Коррекция рынка чего-л. (23)	Коррекция какого-л. рынка (82)	Коррекция на рынке чего-л. (90)	Коррекция на каком-л. рынке чего-л. (35)
<i>коррекция на валютном рынке</i>	<i>коррекция рынка валют</i>	<i>коррекция валютного рынка</i>	<i>коррекция на рынке нефти</i>	<i>коррекция на российском (американском и т.д.) рынке акций</i>
<i>коррекция на нефтяном рынке</i>		<i>коррекция фондового рынка</i>	<i>коррекция на рынке облигаций</i>	
<i>коррекция на фондовом рынке</i>		<i>коррекция российского (американского и т.д.) рынка</i>	<i>коррекция на рынке ОФЗ</i>	
<i>коррекция на российском (американском и т.д.) рынке</i>				

В словарях экономических терминов отсутствует определение понятия *коррекция на (каком-л.) рынке*. Под *коррекцией* в специальных словарях понимается исправление, выправление характера изменения величины, протекания процесса с целью их поворота в требуемое русло (Райзберг и др. 1999; Кураков и др. 2004). Соответственно, под *коррекцией* на рынке чего-л. следует понимать исправление характера изменения величины чего-л., протекания торгов с целью их поворота в требуемое русло.

Остановимся подробнее на компонентах выражения *коррекция на рынке чего-л.* *Коррекция*, от лат. *correctio* – ‘исправление’ (МАС II: 108). *Рынок* – здесь: ‘сфера товарного обращения, товарооборота’ (МАС III: 746). Образ эвфемизма воспринимается на фоне положительного отношения к коррекции как к исправлению чего-л. См., корректор – тот, кто исправляет ошибки в тексте; корректировщик (огня) – воен. – тот, кто указывает на объекты противника. Выражение используется в эвфемистическом значении вместо словосочетания «снижение стоимости» и отвлекает внимание читателя от сути проблемы. Латинское происхождение одного из компонентов единицы призвано закамуфлировать значение выражения. Опосредованно на позитивное восприятие единицы влияет и медицинский термин *коррекция зрения*. См, например, такой контекст: *Улучшение зрения после процедуры наступает сразу, а окончательно восстанавливается в течение нескольких дней. Уже на следующий день после коррекции человек начинает вести свой обычный образ жизни: читает, работает за компьютером, смотрит телевизор, с каждой минутой отмечая, что все вокруг стало более ясным и четким.* АиФ, 11.07.2013. Код доступа: <http://www.aif-nn.ru/health/details/544491> (дата обращения: 08.11.2015).

В Русском ассоциативном словаре не зафиксировано реакций на слово-стимул *коррекция*, на слово-стимул *рынок* кроме «бытовых» (базар, толкучка, вещевой, птичий) приводятся и реакции, связанные с финансовым рынком: *свободный, недвижимости, бумаг, ценных бумаг, экономический, валютный; брокер, деньги* и др.

На сайте НКРЯ отсутствуют контексты употребления словосочетания *коррекция на рынке*.

Обратимся к примерам нашей картотеки, отобраным из современных публицистических текстов (согласно сервису «Яндекс.Новости», более 50 контекстов, в которых словосочетание *коррекция на рынке* используется как синоним словосочетанию *повышение цен, понижение курса рубля*).

1) *На следующей неделе будет достаточно поводов для небольшой коррекции на валютном рынке. Мы видим несколько причин для ослабления рубля: заседание ФРС, исчерпание позитивного эффекта от смягчения политики со стороны ЕЦБ и Китая, а также возможное снижение ставки Банком России в пятницу.* Коммерсантъ, 23.10.2015. Код доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2840171> (дата обращения: 03.11.2015).

2) *Рынок российских акций закрыл пятничные торги снижением. Коррекция на российском фондовом рынке обусловлена преимущественно техническими факторами, считает Анастасия Соснова из банка "Российский капитал".* РИА Новости, 13.01.2017. Код доступа: <https://ria.ru/economy/20170113/1485684228.html> (дата обращения: 21.01.2017).

3) *Минувшая неделя охарактеризовалась ощутимой коррекцией на нефтяном рынке. <...> Однако пока преждевременно говорить о том, что «черное золото» <...> продолжит обесцениваться.* Агентство нефтегазовой информации, 11.03.2017. Код доступа: <http://www.angi.ru/news/2847352-> (дата обращения: 12.03.2017).

Комментарий. В приведенных фрагментах под коррекцией на валютном, фондовом, нефтяном рынке понимается обесценивание рубля, нефти, акций компаний. Эвфемизмы употребляются в контексте со словосочетаниями, обладающими негативной окраской: *ослабление рубля, исчерпание позитивного эффекта, снижение ставки*, а также со словом *ощутимая*, которое усиливает значение единицы. Приведённые контексты подтверждают несоответствие формы и содержания словосочетания *коррекция на (каком-л.) рынке*. Таким образом, можно говорить о том, что у выражения актуализируется эвфемистическое значение 'нежелательное снижение стоимости'. Эвфемизм выступает в роли стереотипного представления о нежелательном снижении стоимости чего-л.

За время биржевой сессии котировки меняются неоднократно, стоимость акций падает. Поскольку новость о падении стоимости акций определенной компании (в частности, государственной компании) может вызвать панику на рынке, в особенности, среди непрофессиональных держателей ценных бумаг или инвесторов, то принято говорить не о падении, а о корректировке цен. Корректировка, коррекция, во-первых, воспринимается двусмысленно (непонятно, о росте или о падении идет речь), а во-вторых, осознается как временное явление. Последнее утверждение основывается на том факте, что вследствие нестабильности на рынке цена на товары и акции меняется несколько раз за день.

Лингвокультурологический комментарий. Эвфемизм *коррекция на (каком-л.) рынке*, превратившийся в газетное клише, в публицистическом тексте отражает упрощенное представление об изменении стоимости чего-либо. Таким образом, реализуется один из основных признаков стереотипа – нечувствительность к деталям (в данном случае, повышение или понижение стоимости), схематичность. Мы имеем дело с эвфемизмом, возникшим на основе стереотипа-ситуации (коррекция – исправление, изменение). Перечислим основные признаки референта, которые приписываются стереотипу-ситуации *коррекция на (каком-л.) рынке*: нечто незначительное, возможность заработать, стабильность, успех и т.п.

Рынок нефти: разворот или всего лишь коррекция? Вести. Экономика, 04.08.2016. Код доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/73618> (дата обращения: 26.08.2016). (Имеется в виду коррекция на нефтяном рынке.)

Коррекция на валютном рынке по паре евродоллар будет недолгой, - Александр Сологубов, *FxTeam*. Члены комитета <...> признают, что высокие процентные ставки сдерживают рост потребительских расходов <...>. Информационное агентство Клерк.ру, 21.09.2005. Код доступа: <http://www.klerk.ru/bank/news/32177/> (дата обращения: 22.01.2017).

"Сколько времени продлится эта коррекция, никому не известно. Возможно, что во время коррекции фондового рынка на товарных рынках будут возникать игровые моменты, которые позволят инвесторам заработать". ИА Финмаркет, 25.08.2016. Код доступа: <http://www.finmarket.ru/analytics/4353997> (дата обращения: 26.08.2016).

Истинными с учетом контекстов оказываются следующие признаки референта стереотипа-образа *коррекция на (каком-л.) рынке*: обесценивание чего-либо, а ложными – незначительные изменения, в результате которых можно даже заработать. К использованию стереотипов активно прибегают во время экономического кризиса. Употребление эвфемизма *коррекция на (каком-л.) рынке* (положительная оценка) либо словосочетаний *обесценивание чего-либо, ослабление национальной валюты* (отрицательная оценка) маркирует принадлежность говорящего: в первом случае речь идет об официальной позиции руководства и официальных СМИ, во втором – о позиции независимых аналитиков. Чтобы развеять заблуждения, реципиенту требуется интеллект, поскольку стереотип начинает действовать до того, как «включится» собственное сознание. «Узнать» без лишних усилий в *коррекции на (каком-л.) рынке* незначительные изменения оказывается проще, чем заставить себя осмыслить реальную ситуацию (обесценивание, ослабление) в экономике.

Означающее А стереотипа КОРРЕКЦИЯ НА (КАКОМ-Л.) РЫНКЕ состоит из фонемного ряда А1 (*коррекция на (каком-л.) рынке*) и понятийного значения, которое создает образно-эмпирическое представление о денотате А2 ('незначительные изменения'). Означаемое В имеет эвфемистическое значение 'обесценивание чего-л.'

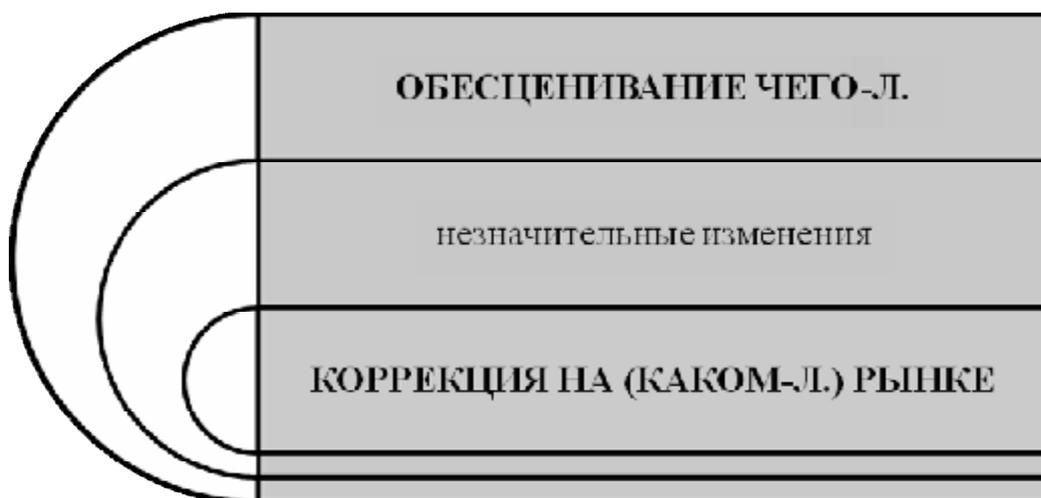

Рис. Схематическое изображение значений выражения *коррекция на (каком-л.) рынке*.

Исходя из отобранного материала и проведенного анализа, мы можем утверждать следующее. Экономические эвфемизмы являются востребованным в публицистике средством камуфлирования действительности и манипулирования общественным сознанием. Этот эффект во многом достигается благодаря тому, что в основе эвфемизмов лежат стереотипы. Более того, нами выявлена группа единиц, которые в процессе функционирования (в современных публицистических контекстах) развивают эвфемистическое значение, прямо противоположное понятийному значению, которое зафиксировано в словарях. Данный феномен связан с двумя важнейшими сферами жизни человека: с политикой и экономикой.

2.2.3. Лингвокультурологическое комментирование перифрастических единиц

В списке основных тематических групп перифраз – географические наименования (в том числе, социально-политические перифразы, которые заменяют названия различных государств и городов), а также

«экономические» наименования городов или регионов. К первой группе можно отнести такие единицы как *ядерная сверхдержава (о России, США), Нигерия под снегом (о России), дом Пресвятой Богородицы (о России, Украине, Белоруссии)*; ко второй – *финансовая Мекка (Швейцария, Техас и др.), родина первой российской нефти (Ухта), хлебная житница* и проч.

Как пишет В.П. Москвин, актуальные и важные для носителей языка топонимы вызывают особенно активное образование перифраз (например, перифрастические наименования Санкт-Петербурга, России). Перифрастические названия России – это одна из самых больших групп (более 25 единиц), которая способна отразить историю и культуру страны, особенности национального характера: *страна первого космонавта, страна балета, страна Достоевского, страна Толстого, страна Чайковского, страна возможностей, родина победителей, родина героев* и т.д. И особенно остро на фоне этих достижений воспринимаются частотные выражения, характеризующие Россию 90-х годов: *Нигерия под снегом, Верхняя Вольта с ядерными боеголовками (без ядерных боеголовок)*.

Наиболее интересными, с точки зрения лингвокультурологического анализа, представляются не информативные (логические), а разного рода экспрессивные (образные) перифразы, перифразы-символы, которые используются для воздействия на адресата через определенную характеристику предмета или для создания языковой игры. Однако, «в отличие от эвфемизмов, <...> перифраза – это, прежде всего украшающий элемент <...> публицистического текста, средство, позволяющее избежать повторов в наименовании чего-либо в пределах одного контекста» (Ковшова 2007: 256). Как и эвфемизм, перифраза может обладать двумя значениями: прямым (*северная столица – Санкт-Петербург*) и собственно перифрастическим (*Родина слонов (о России)*).

Такие параметры, как описание денотата, описание внутренней формы единицы дают очень незначительную информацию для

лингвокультурологического анализа: *город на Неве* – Санкт-Петербург; *страна фарфора (пороха)* – Китай. Использование страноведческой и энциклопедической информации и расширение стереотипного представления о городе и стране возможно при метафорическом способе наименования объекта, например: *северная Венеция* – Санкт-Петербург. Города сравниваются по красоте, наличию мостов и каналов, близостью к воде. Петербург расположен севернее Венеции, это более холодный, но от этого не менее красивый город. Образ города создается группой перифраз. Тематическая группа способствует описанию культурных коннотаций, дополняет ассоциативный ряд, создает объёмный образ города в русской лингвокультуре с помощью страноведческих комментариев и сведений энциклопедического характера.

Перифразы типа Россия – *Нигерия под снегом* и т.п. отражают не только самоиронию, но и изменения, которые происходят в российском обществе, политике, экономике. С их помощью в менталитете закрепляются новые категории, поскольку уровень современного развития государства ставится под сомнение. Не случайно, что высокую частотность быстро приобрела сравнительно новая перифраза Россия – *Нигерия под снегом*. Эта яркая экспрессивная единица из разряда самоироничных «более радикально» и «прямолинейно» акцентирует внимание читателя на том, что в российской экономике (а, следовательно, и социально-политической обстановке) сложился опасный дисбаланс. Нефть и газ присутствуют в перифразе *Нигерия под снегом* имплицитно. На примере двух этих единиц («старой» – *сырьевая сверхдержава*, и «новой» – *Нигерия под снегом*) можно в динамике наблюдать, как меняется отношение носителей языка к господству сырьевой модели экономики: от горделиво-восторженного до ироничного. Причем за иронией кроется тревога и стремление в игровой форме обратить внимание на проблемы в экономике. Данная перифраза позволяет судить о чертах национального характера русского человека, которому свойственна

самоирония (вплоть до самоуничтожения – см. Россия – *Нигерия под снегом*), шутливое отношение к самодостаточности (см. гипертрофированное Россия – *родина слонов*). Нам представляется, что способность открыто посмеяться над собственными недостатками («нет лучше шутки, как над собою») свидетельствует не только о развитом чувстве юмора, который воплощается в языковых единицах, но и демонстрирует силу и зрелость русского характера. Такие единицы интересны для изучения как с лингвокультурологической, так и лингвострановедческой точки зрения, поскольку содержат ценную информацию о жизни российского общества в определенный исторический период.

Приведем пример перифраз, которые характеризуют экономическую и политическую ситуацию в России.

Обратимся к анализу единицы Россия – *Нигерия под снегом*. Данное выражение в словарях не зафиксировано. Авторство принято приписывать американскому бизнесмену российского происхождения Сергею Брину, сооснователю компании Google.

Обратимся к толкованию компонентов данной единицы. *Нигерия* – государство в Западной Африке с населением более 180 млн. человек, ведущий производитель нефти. По данным Всемирного банка за 2010 год, 84,5 % населения Нигерии живут всего на \$2 в день (ТАСС, 07.04.2014). Бюджет Нигерии на 90% складывается из прибыли от продажи нефти и газа (Нечаев 2013: 4), однако, по данным Всемирного банка, из-за коррупции 80% доходов от продажи природных ресурсов приносят пользу только 1% населения (Forbes, 16.09.2011), в результате примерно 57 % граждан живет в состоянии бедности (Погорелый, Голд 2011: 87). *Снег* – «сплошная масса <...> твердых атмосферных осадков, выпадающих из облаков в виде белых звездообразных кристалликов или хлопьев, представляющих собой скопление таких кристалликов, покрывающая какое-л. пространство» (МАС IV: 164).

Образ перифразы (через компонент «снег») соотносится с природным кодом культуры, а также с пространственным кодом (через предлог «под»). В основе перифразы лежит образное сравнение России и Нигерии. Экспрессивность единицы заключается в отрицательной оценочности – Россия сравнивается с отсталой, бедной, коррумпированной африканской страной, экономика которой зависит исключительно от продажи нефти и газа (Нигерия выступает как эталон вышеперечисленного). Единственным отличием России, согласно единице, является наличие снега. Перифраза используется для выражения самоиронии. Можно дать следующее толкование перифразы *Россия – Нигерия под снегом*:: Россия как государство по уровню коррупции и зависимости экономики от продажи нефти и газа схоже с такой страной, как Нигерия.

В Русском ассоциативном словаре не зафиксировано реакций на слово-стимул «Нигерия»; на слово-стимул «снег» зафиксировано 533 реакции, в частности: белый, зима, холод, холодный, лед и др.

На сайте НКРЯ контекстов употребления перифразы *Нигерия под снегом* не приводится.

Обратимся к примерам нашей картотеки, отобранным из современных публицистических текстов (согласно сервису «Яндекс.Новости», более 50 контекстов, в которых словосочетание *Нигерия под снегом* используется как синоним названия государства *Россия*).

1) *Конец истории ВЕЛИКОЙ страны, которая окончательно превратится в «Нигерию под снегом», будет более-менее исправно поставлять в остальной мир нефть и газ, обогащая местную знать, а также красивых девушек и полит-беженцев.* Новая газета, 29.10.2012. Код доступа: <http://www.novayagazeta.ru/columns/55140.html> (дата обращения: 06.12.2015).

2) *Брин, отвечая на вопрос журналиста, и вовсе назвал Россию «Нигерией под снегом». Видимо, тут много личного. Год спустя метафору*

развил историк Доминик Ливен, указывая на чудовищную коррупцию, колоссальный уровень социального расслоения и неэффективность государственного аппарата в РФ. Сравнение многим приглянулось и ушло в либеральный дискурс, благо на первый взгляд между странами действительно много общего. Деловая газета Взгляд, 25.09.2014. Код доступа: <https://vz.ru/politics/2014/9/25/707308.html> (дата обращения: 17.12.2015).

3) В России проживает чуть больше 145 миллионов человек, в Нигерии – свыше 180 миллионов. И там, и здесь качество жизни граждан оставляет желать лучшего, в обеих странах процветают коррупция и казнокрадство. Как высказался один из основателей Google Сергей Брин, «Россия – это Нигерия под снегом». Радио Свобода, 16.05.2015. Код доступа: <https://www.svoboda.org/a/27229674.html> (дата обращения: 17.12.2015).

Комментарий. В приведенных контекстах Россия сравнивается с бедной, коррумпированной Нигерией. Это свидетельствует о том, что под перифразой *Нигерия под снегом* понимается отсталое государство.

Лингвокультурологический комментарий. В публицистическом тексте Нигерия репрезентирует государство, в образе которого максимально проявляется негативно-оценочный признак. Опираясь на публицистические тексты, посвященные Нигерии, можно выделить ограниченный набор устойчивых характеристик, который оказывает влияние на формирование представления об этом западноафриканском государстве. Во-первых, Нигерия является государством с монопрофильной структурой экономики, другими словами, около 80% бюджета формируется благодаря экспорту нефти и газа. В целом, можно говорить о неразвитости экономики. Во-вторых, с 1960 года, то есть с момента провозглашения независимости, в Нигерии произошло несколько государственных переворотов, гражданская война, страна пережила военную диктатуру. Можно говорить и о неразвитости демократических институтов, коррумпированности

государственных служащих, проблемах с соблюдением прав человека. В-третьих, Нигерия является седьмым по численности населения государством в мире (около 200 млн. человек), находясь при этом на одном из последних мест по уровню жизни населения. Таким образом, Нигерия представляет собой эталон неразвитого коррумпированного государства с многомиллионным бедным населением, существование которого зависит исключительно от продажи нефти и газа. На протяжении нескольких десятков лет Нигерия остается относительно неизменяемым образцом, что позволяет использовать его для категоризации. Категоризация позволяет увидеть устойчивые признаки на фоне явных различий. Так возник эвфемизм Россия – Нигерия под снегом / в снегу. В отличие от стереотипа («картинки», «моментального снимка») эталон представляет собой сложную систему признаков. В данном случае речь идет о совокупности экономических, социально-политических и демографических признаков, которые дают возможность описать Россию, используя эталонные характеристики Нигерии. Очевидно, что сравнение России и Нигерии основано на приеме самоиронии: отличие двух стран заключается лишь в климатических особенностях. В остальном же государства похожи друг на друга.

Анализ публицистических контекстов позволил нам выделить у перифразы *Нигерия под снегом* ряд текстовых коннотаций: коррупция, бедность.

Перифраза Нигерия под снегом сочетается со следующими словами и словосочетаниями: считает Россию; погрязшая в коррупции; высокий уровень коррупции; жесткое выказывание; критически настроенные политологи и блогеры; высказывание устарело (ирон., так как, Россия уже обогнала Нигерию по уровню восприятия коррупции).

Означающее А эталона НИГЕРИЯ ПОД СНЕГОМ состоит из фонемного ряда А1 (Нигерия под снегом) и понятийного значения, которое создает образно-эмпирическое представление о денотате А2 ('Россия').

Означаемое В имеет перифрастическое значение 'неразвитое коррумпированное государство с многомиллионным бедным населением, существование которого зависит исключительно от продажи нефти и газа'.

Приведем пример перифразы, которая описывает такую черту русского национального характера как религиозность.

Приведем анализ перифразы Россия – *дом Пресвятой Богородицы*. Данное выражение в словарях не зафиксировано.

Обратимся к анализу компонентов единицы. *Дом* – здесь: 'жилье' (МАС I: 425). *Пресвятая* – 'превышающая всех в святости (употр. как постоянный эпитет при словах: Бог, Богородица и т.п.)' (Ефремова 2000). *Богородица* – 'Дева Мария, мать Иисуса Христа, Богоматерь' (Ефремова 2000). Дом «символизирует центр мира, <...> замкнутость и защиту» (Словарь символов), «символ семейного благополучия и богатства <...>. Дом противопоставлен внешнему миру» (СД 1999: II, 116). Соответственно, в перифразе реализована базовая оппозиция «свой – чужой», то есть «пространство в доме – пространство вне дома». «Народный культ Богородицы отличается от церковного большей приземленностью и включенностью в быт: Богородица – защитница от бед, нечистой силы, напастей и страданий, небесная заступница, отзывчивая, милосердная и участливая. Поэтому к ней нередко обращаются в народных молитвах, заговорах, заклинаниях» (СД 1995: I, 217). Образ перифразы (через компонент «Пресвятая Богородица») соотносится с религиозно-антропоморфным кодом культуры, а также с архитектурным кодом культуры (через компонент «дом»).

Можно дать следующее толкование перифразы *Россия – дом Пресвятой Богородицы* – Россия как место пребывания Пресвятой Богородицы, как государство, находящееся под защитой Пресвятой Богородицы.

Перифраза *дом Пресвятой Богородицы* в целом выступает в роли символа государства, находящегося под защитой Пресвятой Богородицы (см, например, *Украина (Белоруссия) – дом Пресвятой Богородицы*).

В Русском ассоциативном словаре зафиксировано 104 реакции на слово-стимул «дом», среди них: родной, большой, мой, семья, тепло и др.; на слово-стимул «святой» зафиксировано 104 реакции, в частности: человек, дух, отец, апостол, Бог, икона, лик, церковь, Иисус и др.; на слово-стимул «Богородица» зафиксировано 103 реакции, среди них: святая, икона, мать, Пресвятая, церковь, мать, мать Иисуса и др.

Отметим наличие небольшого количества контекстов – на сайте НКРЯ приведено 3 случая употребления перифразы *дом Пресвятой Богородицы*, все 3 контекста – из художественной литературы.

Обратимся к примерам нашей картотеки, отобранным из современных публицистических текстов (согласно сервису «Яндекс.Новости», более 50 контекстов, в которых выражение *дом Пресвятой Богородицы* используется как синоним названия государства *Россия*).

1) *Нас растлевают! Одни телесериалы чего стоят! Но ни у кого нет такой силы и корней, как у нас. У России совсем другой статус, совсем другое назначение – у нас никогда не будет чуда ни американского, ни японского, ни германского, ни китайского. Не будет у нас такого! У нас Россия – это Дом Пресвятой Богородицы, у нас самая главная ценность — это православие.* Липецкая газета, 02.12.2013. Код доступа: <http://www.lpgzt.ru/aticle/35265.htm> (дата обращения: 06.12.2015).

2) <...> *Покров Божией Матери, простертый над осажденным Константинополем, не столько привел к военному поражению язычников, сколько принес им духовную пользу. Их потомки, приняв крещение в водах Днепра, из многочисленных разрозненных племен, живших на Восточно-Европейской равнине, собрали и построили великое государство Русь – ту самую Россию, которая стала Домом Пресвятой Богородицы.* Божия

Матерь не раз сохраняла наш народ и Церковь в дни великих потрясений. И сегодня мы молитвенно обращаемся к Ней: «Радуйся, Радосте наша, покрой нас от всякого зла честным Твоим омофором!» Коммерсант, №189 от 14.10.2015. Код доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2831064> (дата обращения: 13.03.2016).

3) *И, я повторяю, ничего никто с нами не сделает: Россия бессмертна, Россия – дом Пресвятой Богородицы. Россия – возлюбленное детище Христа. И в какой бы толпе это детище ни находилось, всё равно держится за подол матери и не потеряется, держится за Христа. Только надо об этом помнить и всё будет хорошо.* Литературная Россия, 12.01.2012. Код доступа: <http://www.litrossia.ru/archive/item/6044-oldarchive> (дата обращения: 06.12.2015).

Комментарий. В приведенных фрагментах подчеркивается, что Россия является православной христианской страной, которая находится под защитой Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы. Россия противопоставляется западным и восточным государствам. Отличительной чертой России называется православие: Пресвятая Богородица защищает нашу страну от негативного влияния извне и от чуждых иностранных ценностей. Подчеркивается, что Россия является великим государством, которое смогло пережить тяжелые испытания благодаря заступничеству Пресвятой Богородицы.

Лингвокультурологическая ценность перифразы Россия – дом Пресвятой Богородицы заключается в том, что русские воспринимают Россию не просто как православную христианскую страну, но как место, предназначенное для Божией Матери – Пресвятой Богородицы. В данной перифразе нашла отражение особая духовность почитания Богородицы, свойственная православной традиции. Именно Православная Церковь провозгласила Пресвятую Деву Марию Матерью Божией на Третьем Вселенском соборе в Эфесе в 431 году. Пресвятая Дева Мария, как Мать

Спасителя, предстательствует перед ним за все человечество и считается заступницей рода человеческого. Контексты свидетельствуют о том, что в сознании современного русского человека произошло упрощение образа Богородицы, которая воспринимается как заступница не всего православного мира, а лишь одной из православных стран – России.

Анализ публицистических контекстов позволил нам выделить у перифразы *Россия – дом Пресвятой Богородицы* ряд текстовых коннотаций: православие, заступничество, святая Русь.

Перифраза *Россия – дом Пресвятой Богородицы* сочетается со следующими словами и словосочетаниями: православие; Россия бессмертна; великое и славное имя; святыни русской земли; радостное восклицание; любовь к Божией Матери.

Лингвокультурологический комментарий. Выражение *Россия – дом Пресвятой Богородицы* как символ государства – места пребывания Пресвятой Богородицы, государства, находящегося под защитой Пресвятой Богородицы, основано на метафоре и характеризуется изобразительностью. Перифраза «запускает» механизм эмпирического познания действительности: чувственная реальность (образ Пресвятой Богородицы, образ дома) является инструментом познания других объектов / объекта (государств (России), находящихся / находящегося под защитой Пресвятой Богородицы’).

Означающее А символа ДОМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ состоит из фонемного ряда (дом Пресвятой Богородицы) и понятийного значения, которое создает образно-эмпирическое представление о денотате (‘Россия’, ‘Украина’, ‘Белоруссия’). Означаемое В имеет перифрастическое значение ‘место пребывания Пресвятой Богородицы, государство, находящееся под защитой Пресвятой Богородицы’.

Приведем пример перифразы, которая описывает такую черту русского национального характера как самоирония.

Разберем перифразу Россия – *родина слонов*. Данное выражение в словарях не зафиксировано.

Обратимся к анализу его компонентов. *Россия* – ‘государство в восточной части Европы и в северной части Азии. <...> Климат изменяется от морского на крайнем северо-западе до резко континентального в Сибири и муссонного на Дальнем Востоке. <...> Средние температуры января от 0 до - 50 С, июля от 1 до 25. <...> Во многих районах Сибири и Дальнего Востока (примерно 65% площади страны – см, например, Катцов, Семенов 2014) – многолетняя мерзлота. <...> На территории России (с севера на юг) располагаются зоны: арктическая пустыня, тундровая, лесотундровая, лесная, лесостепная, степная, полупустынная’ (БЭС 2000). *Родина* – здесь: ‘место зарождения, произрастания чего-л.’ (МАС III: 723). *Слон* – ‘крупное травоядное млекопитающее с длинным хоботом и двумя бивнями, обитающее в тропической Африке и Азии’ (МАС IV: 143).

Образ перифразы (через компонент «слонов») соотносится с зооморфным кодом культуры. В основе перифразы лежит оксюморон (Россия не может быть родиной слонов из-за непригодного для них климата). Применительно к своей стране перифраза используется для выражения самоиронии. Можно предложить следующее толкование единицы Россия – *родина слонов* – о России, как о государстве, которое, в представлении некоторых, является родиной всех изобретений, представителей флоры и фауны и проч.

Перифраза *родина слонов* в целом выступает в роли стереотипа государства, которое необоснованно претендует на разного рода изобретения и заявляет о том, что что-либо впервые появилось на его территории (см., например, Иран – *родина слонов*).

В Русском ассоциативном словаре зафиксировано 205 реакций на слово-стимул *родина*, среди них: *мать, моя, Россия, зовет, любимая* и т.д.; на слово-стимул *слон* зафиксировано 102 реакции, в частности: *большой, и*

Моська (слово с прямо противоположным значением в русской лингвокультуре), *Моська, зоопарк, индийский, Африка, африканский* и др.

Отметим наличие небольшого количества контекстов – на сайте НКРЯ приведено 16 случаев употребления перифразы *родина слонов*, 9 контекстов публицистические.

Обратимся к примерам нашей картотеки, отобранным из современных публицистических текстов (согласно сервису «Яндекс.Новости», более 50 контекстов, в которых словосочетание *родина слонов* используется как синоним названия государства *Россия*).

1) *Между тем в каком-нибудь 1995 году нельзя было и подумать, что все библиотеки мира каждый из нас сегодня станет носить в кармане. И что Россия, родина слонов, а также радио, вертолетов, периодической таблицы элементов и прочих замечательных вещей не будет к этому иметь отношения. Мы отстали, и беда состоит в том, что не пытаемся нагнать.*

Московский комсомолец, 12.11.2015. Код доступа: <http://www.mk.ru/politics/2015/11/12/fantasticheskoe-budushhee-bez-nas.html> (дата обращения: 06.12.2015).

2) *Говорилось же несколько лет назад о том, что Северный полюс – продолжение хребта, который тянется из Сибири; в этом смысле Россия – не родина слонов, но отечество мамонтов.* Ведомости, 26.11.2014. Код доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/11/26/arktikanasha> (дата обращения: 06.12.2015).

3) *После фразы партийного лидера о том, что мы, русские, понимаем Гамлета лучше англичан, уже не надо произносить «Россия – родина слонов» и, конечно, «*Россия – не Европа*».* Независимая газета, 24.04.2014. Код доступа: http://www.ng.ru/culture/2014-04-24/8_shakespeare.html (дата обращения: 06.12.2015).

Комментарий. В приведенных фрагментах заявление о том, что русские понимают Гамлета лучше англичан, ставится в один ряд с перифразой *Россия*

– *родина слонов*. Тем самым автор подчеркивает ироническую окраску перифразы и подтверждает ее значение: государство, необоснованно претендующее на разного рода изобретения (в данном случае – на то, что русские понимают героев английской литературы лучше самих англичан). Перифраза употребляется в контексте со словом *отстали*, которое имеет негативную окраску. Автор ставит ироническую перифразу в один ряд с перифразой без иронической окраски, чтобы в совокупности подчеркнуть реальные и мнимые достижения России в прошлом и противопоставить их сегодняшнему технологическому отставанию. Употребление иронической перифразы Россия – *отечество мамонтов*, образованной в результате трансформации перифразы Россия – *родина слонов*, вместе с исходной единицей усиливает ироническую окраску последней. Это говорит о том, что под выражением Россия – *родина слонов* понимается государство, необоснованно претендующее на разного рода достижения или заявляющее, что что-либо появилось впервые именно на его территории.

Лингвокультурологическая ценность данной единицы заключается в том, что в ее основе лежит самоирония русского человека, которая помогает ему преодолевать жизненные сложности.

Анализ публицистических контекстов позволил нам выделить у перифразы Россия – *родина слонов* ряд текстовых коннотаций: отставание, анекдот, шутка, формула, знаменитый тезис.

Перифраза Россия – *родина слонов* сочетается со следующими словами и словосочетаниями: советские пережитки; была; что-нибудь из серии; правда ли, что.

Лингвокультурологический комментарий. Топонимическая перифраза Россия – *родина слонов*, превратившаяся в газетное клише, в публицистическом тексте отражает упрощенное представление об истории России. В данном случае мы имеем дело со стереотипом, возникшим на основе перифразы. Перечислим основные признаки референта, которые

приписываются стереотипу-образу Россия – *родина слонов*: предки русских основали Рим, Россия – родина футбола, гимн США – вариант русской песни, З. Фрейд, Ф. Шопен (исключительно формально) являлись россиянами и т.д.:

<...> в российском обществе пышным цветом расцвели сейчас и поклонение перед «гением Сталина», и следование родившейся при том же Сталине концепции, которую иронично именуют «Россия – родина слонов». Вот прочтите этот текстик: «Вообще, для начала надо бы в учебниках написать, что Рим основан не древними римлянами, а этрусками. Фундамент Собора Петра выложен сибирской лиственницей и залит известковым раствором. А если прочитать слово Рим, как это делали этруски, то получим слово Мир. В русском языке было четыре значения слова мир, в зависимости от буквы и в тексте. Одно из этих значений – вселенский центр, чем, собственно, и был Рим в Средиземноморье». Эхо Кавказа (радио Свобода), 07.04.2016. Код доступа: <http://www.ekhokavkaza.com/a/27660788.html> (дата обращения: 03.09.2016).

Министерство культуры обнародовало список проектов, которые найдут в этом году поддержку Министерства культуры. <...> Посчитали необходимым поддержать и проект Николая Саркисова (сериал «Луна») под названием «Дикая лига» о том, что на Руси футбол зародился едва ли не в то же время, что и в Англии. Осталось найти подтверждение, что Россия – родина слонов, и все встанет на свои места. Настоящее кино, 10.08.2016. Код доступа: http://www.filmz.ru/pub/1/30590_1.htm (дата обращения: 03.09.2016).

Глядя на это ролик, очень хочется сказать заветную фразу – Россия родина слонов. Смотрите: даже гимн Соединенных Штатов – русская песня. А, следовательно, и вся «ихняя» культура – не более, чем российский «ремейк». Можно вспомнить о том, что американский композитор Джордж Гершвин – уроженец Одессы, и он совсем не Гершвин, а Яков Гершович, а

Зигмунд Фрейд – Сигизмунд Шломо из той же Одессы. Можно также пофантазировать, что польский композитор Фридерик Шопен – не такой уж и польский, если учесть, что он родился как подданный Российской Империи и был похоронен с русским паспортом... Комсомольская правда, 29.12.2014. Код доступа: <http://www.spb.kp.ru/daily/26326.5/3207775/> (дата обращения: 03.09.2016).

Означающее А стереотипа РОССИЯ – РОДИНА СЛОНОВ состоит из фонемного ряда А1 (Россия – родина слонов) и понятийного значения, которое создает образно-эмпирическое представление о денотате А2 ('Россия'). Означаемое В имеет перифрастическое значение 'государство, которое необоснованно претендует на разного рода изобретения и заявляет о том, что что-либо впервые появилось на его территории'.

Наиболее интересными с точки зрения лингвокультурологического анализа представляются разного рода экспрессивные (образные) перифразы, перифразы-символы, которые используются для воздействия на адресата через определенную характеристику предмета или для создания языковой игры. Как и эвфемизм, перифраза может обладать двумя значениями: прямым (*северная столица – Санкт-Петербург*) и собственно перифрастическим (*родина слонов* (о России)). В перифразах типа *Петербург – северная Венеция; северная Пальмира, город белых ночей; петра творенье; город Святого Петра* и др. лексические единицы *Венеция, Пальмира, Петр, творенье, Святой Петр, белые ночи* призваны подчеркнуть уникальность города, его божественное происхождение, необыкновенную красоту, сравнимую с признанными мировыми эталонами. Отрицательное отношение к Петербургу выражено единицами *криминальная столица России, желтый город, военная столица России*. Город навсегда останется символом революции: *колыбель (русской) революции, город трёх революций*. Употребление в одной единице вторичной номинации компонента *колыбель* до некоторой степени сглаживает негативную коннотацию слова *революция*,

хотя отношение к революции как к насильственному захвату власти в целом остается негативным. Перифразы названия *Санкт-Петербург* не только содержат богатую культурологическую информацию, но и позволяют проследить изменения, которые происходили в городе и, в целом, в России в определенные периоды истории: *петра творенье* (возникновение города), *северная Венеция* (его внутреннее устройство), *желтый город* (отношение к нему некоторых жителей, аллюзия к творчеству Ф.М. Достоевского), *военная столица* (индустриализация, советский период), *криминальная столица* (постперестроечное время, 90-е годы). Лингвокультурологический анализ топонимических перифраз позволяет выявить основополагающие ценности носителей русского языка применительно к городам и государствам, в частности, особенности восприятия Петербурга на определенном этапе существования общества.

Приведем примеры перифраз, которые описывают топонимы с точки зрения их красоты и истории.

Проанализируем перифразу *северная Пальмира*. В словарях перифраз (А.Б. Новикова, в монографии Т.И. Бытевой), а также в Толковом словаре под ред. Г.Я. Солганика к ПЕ *северная Пальмира* приводится единственный денотат – *Санкт-Петербург (Ленинград)*. Справку о происхождении единицы находим в Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений: «По свидетельству писателей Д.В. Григоровича <...> и Ф.М. Достоевского <...>, автор этого выражения – литератор и издатель Фаддей Венедиктович Булгарин (1789-1859). Это выражение часто встречалось на страницах его газеты «Северная пчела», которую он выпускал с 1825 г. Но это только версия хорошо известного в России, примерно с середины XVIII в., выражения – «Пальмира Севера» (Серов 2003).

Разберем подробнее компоненты данной единицы. *Северная* от *северный* – ‘находящийся на севере’ (МАС IV: 67). *Пальмира* – ‘древний город на территории северо-восточной Сирии. <...> Архитектурные

ансамбли Пальмиры отличались особой внушительностью масштабов, величием и пышностью форм, обилием скульптурного декора' (БСЭ); Пальмира <...> знаменита <...> памятниками последней поры древнеримской архитектуры (Брокгауз-Ефрон). Пальмира располагается в одном из оазисов сирийской пустыни.

Образ ПЕ (через компонент *северная*) соотносится с пространственным кодом культуры, то есть с совокупностью имен, обозначающих членение пространства. В данном случае, речь идет о городе, расположенном на севере. Образ ПЕ восходит к архетипическому противопоставлению «север – юг», где первый член оппозиции всегда маркирован положительно, второй – отрицательно. В славянском фольклоре север ассоциируется с холодом, ночью, несчастьем, смертью (Иванов, Топоров 1965: 112). Санкт-Петербург – самый северный город-миллионник в России. Образ ПЕ (через компонент *Пальмира*) также соотносится с архитектурным кодом культуры.

Таким образом, можно дать следующее определение перифразе *северная Пальмира*: город, расположенный на севере и напоминающий своей красотой и архитектурой сирийский город Пальмира, построенный в традициях классической архитектуры Древнего Рима. Город Пальмира был основан в оазисе среди пустыни. Петербург первые годы также располагался среди относительно безлюдной, бесплодной местности, основная его часть (крепость) находилась на Городском острове. Лингвокультурологическая ценность перифразы заключается в том, что на ее примере можно сделать вывод о мотивах выбора топонима, который представляется носителям языка символом. В данном случае Пальмира является символом города с красивой архитектурой.

ПЕ в целом выступает в роли символа города с красивой архитектурой.

В Русском ассоциативном словаре не зафиксировано реакций на слово-стимул «Пальмира», на слово-стимул «север» зафиксировано 102 реакции,

среди них: *холод, холодно, дикий* и др., а также прямо противоположный ассоциат *юг*.

Отметим наличие небольшого количества контекстов – на сайте НКРЯ приведено 23 случая употребления выражения *северная Пальмира*. 6 контекстов публицистические.

Обратимся к примерам нашей картотеки, отобранным из современных публицистических текстов (согласно сервису «Яндекс.Новости», более 50 контекстов, в которых выражение *северная Пальмира* используется как синоним названия города *Санкт-Петербург*).

1) *В Питере я, по сути, стал взрослым человеком. История, архитектура, аура – Северную Пальмиру невозможно не полюбить*. Новые известия, 10.06.2009. Код доступа: <http://www.newizv.ru/sport/2009-06-10/110158-konstantin-gorovikov.html> (дата обращения: 05.12.2015).

2) *В Петербурге стартовал проект компании Vpiter, который позволяет увидеть онлайн все лучшие достопримечательности города. Сеть из 19 веб-камер высокого разрешения со звуком и с видом на все исторически значимые памятники архитектуры Северной Пальмиры стала своеобразным подарком к Новому году*. Фонтанка.ру, 21.12.2011,. Код доступа: <http://www.fontanka.ru/2011/12/21/033/> (дата обращения: 05.12.2015).

3) *В первый день ребята стали участниками большой экскурсионной программы. На некоторое время величественная архитектура Северной Пальмиры затмила волнение, которое, без сомнения, перед отборочным туром испытывали все конкурсанты*. Мичуринская правда, 26.11.2013. Код доступа: <http://www.michpravda.ru/articles/tvorcheskie-otkrytiya-kontrastov-11267> (дата обращения: 05.12.2015).

Комментарий. В приведенных фрагментах подчеркивается наличие в Санкт-Петербурге величественной архитектуры, которая производит сильное впечатление на гостей города, указывается на наличие самобытной истории и особой ауры. Ценность достопримечательностей подчеркивается тем, что

появился специальный видеосервис, который позволяет пользователям Интернета любоваться памятниками Санкт-Петербурга из любой точки мира.

Лингвокультурологический комментарий. Выражение *северная Пальмира* как символ города, расположенного на севере и напоминающего своей красотой и архитектурой сирийский город Пальмира, построенный в традициях классической архитектуры Древнего Рима, основано на метонимии и характеризуется изобразительностью. Перифраза «запускает» механизм эмпирического познания действительности: чувственная реальность (образ Пальмиры) является инструментом познания других объектов (северных городов, напоминающих своей архитектурой сирийский город Пальмира).

Означающее А символа СЕВЕРНАЯ ПАЛЬМИРА состоит из фонемного ряда А1 (Северная Пальмира) и перифрастического значения, которое создает образно-эмпирическое представление о денотате А2 (‘город, расположенный на севере и напоминающий своей красотой и архитектурой сирийский город Пальмира, построенный в традициях классической архитектуры Древнего Рима’).

Обратимся к анализу перифразы *северная Венеция*. В словарных статьях, посвященных *северной Венеции*, отмечается, что единица употребляется, когда речь идет о Ленинграде – Санкт-Петербурге (Мокиенко, Никитина 2007), а также о Брюгге (Словарь синонимов) и Копенгагене (Новиков 2004).

Остановимся подробнее на компонентном составе данной перифразы. *Северная* от северный – ‘находящийся на севере’ (МАС IV: 67). *Венеция* – город (с IX в.) на северо-востоке Италии, на берегу Венецианского залива Адриатического моря. Живописно расположена на 118 островах, разделённых 150 каналами, через которые переброшено около 400 мостов. От моря острова отделены песчаной косой, разделённой проливами, два из которых доступны для океанских судов. Во время осенних штормов вода в

каналах иногда резко поднимается, заливая площади и улицы. Перевозки внутри города совершаются на моторных судах, гондолах, барках. В настоящее время Венеция – город-музей, морской курорт, центр международного туризма мирового значения (Котляков 2006). Как уже отмечалось, Венеция находится на берегу Венецианского залива Адриатического моря, Петербург же располагается на берегу Финского залива Балтийского моря, соответственно, ведущим является компонент значения «обилие воды». Поскольку Северной Венецией принято называть также Брюгге и Копенгаген, приведем краткую справку об этих городах. Брюгге расположен на северо-западе Бельгии, это один из крупнейших в Европе портов, соединённый каналом с морем. Сохранил облик средневекового фламандского города с сетью каналов и горбатыми мостами (там же). Копенгаген – столица Дании, расположен на западном берегу пролива Эресунн, на островах Зеландия и Амагер, соединённых мостами. Историческое ядро – одетый в гранит островок Слотсхольмен, соединённый с городом ажурными мостами. Морской порт, военно-морская база (там же).

Таким образом, можно сформулировать универсальное толкование ПЕ *северная Венеция* следующим образом: город, расположенный на севере, также как и Венеция имеющий разветвленную сеть каналов и построенных через них мостов. Образ ПЕ (через компонент «северная») соотносится с пространственным кодом культуры, то есть с совокупностью имен, обозначающих членение пространства. В данном случае, речь идет о городе, расположенном на севере. Образ ПЕ восходит к архетипическому противопоставлению «север – юг», где первый член оппозиции всегда маркирован положительно, второй – отрицательно. В славянском фольклоре север ассоциируется с холодом, ночью, несчастьем, смертью (Иванов, Топоров 1965: 112). Санкт-Петербург самый северный город-миллионник в России.

Лингвокультурологическая ценность перифразы заключается в том, что на ее примере можно сделать вывод о мотивах выбора топонима, который представляется носителям языка символом. В данном случае Венеция является символом красивого города, расположенного на воде.

ПЕ в целом выступает в роли символа красивого города, расположенного на воде.

В Русском ассоциативном словаре не зафиксировано реакций на слово-стимул «Венеция», на слово-стимул «север» зафиксировано 102 реакции, среди них: *холод, холодно, дикий* и др., а также прямо противоположный ассоциат *юг*.

Отметим наличие небольшого количества контекстов – на сайте НКРЯ приведено 8 случаев употребления словосочетания *северная Венеция*, 4 контекста публицистические.

Обратимся к примерам нашей картотеки, отобранным из современных публицистических текстов (согласно сервису «Яндекс.Новости», более 50 контекстов, в которых выражение *северная Венеция* используется как синоним названия города *Санкт-Петербург*).

1) *Речной трамвайчик идёт по каналам «Северной Венеции», как называют Санкт-Петербург. Мимо великолепных дворцов, под многочисленными ажурными разводными пролётами, и каналами, имеющими каждый свой имя и историю.* АиФ, 21.08.2015, Код доступа: http://www.tula.aif.ru/society/housing/upa_sudohodnaya_kak_gryaznuyu_rechku_ukrasil_rechnou_tramvaichik (дата обращения: 29.11.2015).

2) *Питер называют Северной Венецией, но сегодня к рекам и каналам добавились улицы, по которым хлынула вода. Над городом за час выпало две трети месячной нормы осадков, в Приморском районе машины поплыли. Ливень затопил даже один из торговых центров.* Первый канал, 17.07.2015. Код доступа: <http://www.1tv.ru/news/social/288081> (дата обращения: 29.11.2015).

3) *Стоит отметить, что в настоящее время центральные станции метрополитена фактически взяты в осаду разного рода палатками, из которых зазывалы приглашают гостей города то прокатиться на автобусе в Павловск или Петергоф, то пройтись на трамвайчиках по рекам и каналам Северной Венеции*. Росбалт, 09.07.2014. Код доступа: <http://www.rosbalt.ru/piter/2014/07/09/1290130.html> (дата обращения: 29.11.2015).

Комментарий. В приведенных фрагментах подчеркивается, что в Санкт-Петербурге существуют красивые разводные мосты, реки и каналы, каждый из которых имеет название и историю. Контексты свидетельствуют о том, что Санкт-Петербург широко известен своими реками и каналами. Кроме того, актуализируется компонент значения «обилие воды»: вследствие ливня городские улицы стали похожи на реки или каналы. Все это свидетельствует о том, что под *северной Венецией* понимается красивый город, расположенный на воде.

Лингвокультурологический комментарий. Выражение *северная Венеция* как символ красивого города, расположенного на воде, основано на метонимии и характеризуется изобразительностью. Перифраза «запускает» механизм эмпирического познания действительности: чувственная реальность (образ Венеции) является инструментом познания других объектов (северных городов, расположенных, как и Венеция, на воде).

Означающее А символа СЕВЕРНАЯ ВЕНЕЦИЯ состоит из фонемного ряда А1 (северная Венеция) и понятийного значения, которое создает образно-эмпирическое представление о денотате А2 ('Санкт-Петербург', 'Брюгге', 'Копенгаген'). Означаемое В имеет перифрастическое значение 'красивый город, расположенный на воде'.

Обратимся к анализу перифразы *город белых ночей*. В словарях перифраз (А.Б. Новикова, в монографии Т.И. Бытевой) к перифразе *город белых ночей* приводится единственный денотат – Санкт-Петербург.

Остановимся подробнее на компонентном составе единицы. *Город* – ‘крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр’ (МАС I: 336). *Белый* – ‘цвета снега, молока, мела’ (МАС I: 78). *Ночь* – ‘часть суток от захода до восхода солнца, от вечера до утра’ (МАС II: 512). Перифраза образована цветовой метафорой. Белый цвет является многофункциональным символом, в частности, он обозначает свет (Энциклопедия знаков и символов 1997). Свет является признаком дня. Т.е. в основе образа перифразы лежит базовая оппозиция «день – ночь» или «свет – тьма», где первый компонент всегда маркирован как положительный, а второй – как отрицательный. Известно, что в Петербурге ежегодно с мая по июль случается красивое, но нетипичное явление: ночью не наступает темнота. В основе природного явления, согласно обыденному представлению, лежит противоречие, поскольку ночь (темная) и день (белый) несовместимы и должны сменять друг друга. Это противоречие – оксюморон – заключено и в самой единице, точнее, в сочетании компонентов *белые ночи*. В белую ночь наступают сумерки, город становится призрачным и несколько часов пребывает как бы вне времени: время на часах не соответствует тому, что происходит в природе. Образ перифразы (через компонент «ночь») соотносится с временным кодом культуры, запечатлённом в целом ряде поэтических, прозаических и музыкальных произведений. См., например, повесть Ф.М. Достоевского «Белые ночи» (1848); рассказ А.И. Куприна «Блондель» (1933): *«На берегу Невы мы сидим в лёгком, качающемся поплавке-ресторанчике и едим раков в ожидании скромного ужина. Десять с половиной часов вечера, но ещё совсем светло. Стоят длительные, томные, бессонные белые ночи – слава и мука Петербурга.»*; песня группы ДДТ «Белая ночь» (1995): *«Не дожить, не допеть, не даёт этот город уснуть, / И забыть те мечты, чью помаду не стёр на щеке. / В эту белую ночь твои люди, шаги, как враги, / Обнажённую ночь, твоя медная речь — острый меч.»*

Можно предложить следующее толкование перифразы *город белых ночей* – ‘город, в котором несколько недель в году не наступает темнота’.

Перифраза в целом является символом города, в котором несколько недель в году не наступает темнота (см., например, *город белых ночей* (Архангельск, Северодвинск, Петрозаводск, Выборг и др.)).

В Русском ассоциативном словаре зафиксировано 545 реакций на слово-стимул «город», среди них: *большой, деревня, герой, родной* и т.д.; на слово-стимул «белая» зафиксировано 104 реакции, в частности: *ворона, лошадь, роза, сирень, кость, лебедь* и др., а также прямо противоположный ассоциат *черная*; на слово-стимул «ночь» зафиксировано 615 реакций, среди них: *темная, темна, темно, белая* и др., а также прямо противоположный ассоциат *день*.

Отметим наличие небольшого количества контекстов – на сайте НКРЯ приведен единственный контекст употребления словосочетания *город белых ночей*, при этом из художественной литературы.

Обратимся к примерам нашей картотеки, отобранным из современных публицистических текстов (согласно сервису «Яндекс.Новости», более 50 контекстов, в которых словосочетание *город белых ночей* используется как синоним названия города *Санкт-Петербург*).

1) *«Когда приезжаю в Петербург, стараюсь собрать друзей-знакомых, которых долго не видел. <...> Мне очень странно, что здесь, в городе белых ночей, негде поесть после полуночи. В Москве вы можете не просто перекусить, вы можете очень хорошо поесть ночью, а в Петербурге нельзя даже выпить чаю».* Собака.ru, 25.11.2015, Код доступа: <http://www.sobaka.ru/bars/chtogdeest/41701> (дата обращения: 29.11.2015)

2) *Самая популярная в России социальная сеть «ВКонтакте» родом из города белых ночей. И первый в истории Фестиваль ВКонтакте проходит именно в Санкт-Петербурге, в парке его 300-летия.* Петербургский дневник, 18.07.2015. Код доступа:

<http://www.spbdnevnik.ru/news/2015-07-18/vkontakte-zakhvatit-park-300-letiya/>
(дата обращения: 29.11.2015).

3) *В Петербурге, на сцене театра-фестиваль «Балтийский дом» в течение всего июля проходит беспрецедентный гастрольный показ спектакля–мюзикла «Алые паруса». Не один, два, три спектакля, а с 1 по 26 июля москвичи показывают «русский мюзикл о любви, которая творит чудеса» (так написано на афише) петербуржцам и гостям города белых ночей.* Трибуна, 21.07.2015. Код доступа:

<http://tribuna.ru/news/2015/07/21/70708/> (дата обращения: 29.11.2015).

Комментарий. В приведенных фрагментах подчеркивается, что гастроли московских артистов проходят в Санкт-Петербурге в июле, то есть во время белых ночей. Один из авторов отмечается, что не смог поужинать в Петербурге ночью, несмотря на то, что Петербург считается городом белых ночей (то есть ночная жизнь города не должна отличаться от дневной жизни, ведь внешне ничего не меняется, солнце не заходит, – можно резюмировать рассуждение автора). Современные молодежные фестивали принято проводить не только днем, но и ночью. Можно предположить, что фестиваль в Парке 300-летия Санкт-Петербурга продлится за полночь, поскольку подчеркивается, что он проходит в городе белых ночей.

Лингвокультурологический комментарий. Выражение *город белых ночей* как символ города (Санкт-Петербурга), в котором несколько недель в году не наступает темнота, основано на метафоре и характеризуется изобразительностью. Перифраза «запускает» механизм эмпирического познания действительности: чувственная реальность (образ белых ночей) является инструментом познания других объектов / объекта (городов (Санкт-Петербурга), где длительное время в году не наступает темнота).

Означающее А символа ГОРОД БЕЛЫХ НОЧЕЙ состоит из фонемного ряда А1 (город белых ночей) и понятийного значения, которое создает образно-эмпирическое представление о денотате А2 ('Санкт-Петербург').

Означаемое В имеет перифрастическое значение ‘город, в котором несколько недель в году не наступает темнота’.

Приведем анализ ПЕ *окно в Европу*. В словарях перифраз (А.Б. Новикова, в монографии Т.И. Бытевой), а также в Толковом словаре под ред. Г.Я. Солганика к ПЕ *окно в Европу* приводится единственный денотат – Санкт-Петербург. В БСРП приводится справка о том, что выражение *окно в Европу* из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» (1833). «Иноязычные корни» единицы удалось обнаружить только в Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений (Серов 2003). Там дается следующее уточнение: выражение приобрело популярность после того, как его использовал А.С. Пушкин, однако первоисточник – сочинение «Письма о России» («Lettere sulla Russia», 1759) итальянского писателя, знатока искусств и естественных наук Франческо Альгаротти (1712-1764). В переводе на русский фраза Ф. Альгаротти выглядит следующим образом: «Петербург – это окно, через которое Россия смотрит в Европу» (там же).

Остановимся подробнее на компонентном составе единицы *окно в Европу*. *Окно* – здесь: ‘просвет, отверстие в чем-л.’ (МАС II: 607). *Европа* – здесь: ‘страны, расположенные на западе одной из пяти частей света (Европы)’ (Шведова 2007). Образ ПЕ (через компонент «Европа» и предлог «в») соотносится с пространственным кодом культуры, то есть с совокупностью имен, обозначающих членение пространства. В данном случае, речь идет о европейских государствах. В фольклоре окно (часть дома) «осмысливается как граница между своим (домашним) и чужим (внешним), обеспечивающая связь обитателей дома с внешним миром. <...> Пространство за окном с внешней стороны – это место для чужих, для прибывших извне как вредоносных, так и божественных сил» (СД 2004: 534-535). Можно сделать вывод, что в основе образа перифразы лежит базовая оппозиция «свое (Россия) – чужое (Европа)» и оппозиция «Европа – Азия». Традиционно первый компонент оппозиции «свое – чужое» маркирован как

положительный, а второй – как отрицательный. Однако в случае с первой оппозицией «Россия – Европа» нельзя сказать, что второй компонент *Европа* воспринимается как нечто отрицательное. Европа в целом считается объединением цивилизованных, развитых как с экономической, так и с культурной точки зрения, государств. Правда, в последние несколько лет в России наметилась тенденция подчеркивать, что европейские государства в противоположность России утратили прежнюю духовность и самостоятельность (см., например, такие распространенные сегодня газетные клише как *Гейрона; Европа служанка США* и проч.). О том, как менялось отношение россиян к Европе на протяжении последних 25 лет, можно прочесть в статье А. Андреева и В. Петухова из Института социологии РАН. Согласно их наблюдениям, в начале 1990-х российское общество было увлечено перспективой «возвращения в семью европейских стран». На рубеже XX и XXI вв. число тех, кто безоговорочно связывал судьбу России с Европой, превышало количество их оппонентов в соотношении примерно 2:1. Однако с середины 2000-х настроения в обществе начинают меняться, и современные исследования показывают, что соотношение зеркальным образом изменилось в пользу тех, кто считает Россию особой цивилизацией и полагает, что в будущем ее политика в большей мере будет обращена на восток. Если говорить о симпатиях россиян, то Китай и Индия сегодня существенно опережают любую европейскую страну. «В целом можно констатировать сравнительно медленное, постепенное снижение симпатий к странам Западной Европы, перемежающееся с резким падением их уровня в кризисные периоды, и частичное восстановление после разрешения кризисов» (Андреев, Петухов 2015: 110).

Можно предложить следующее толкование перифразы *окно в Европу* – город, расположенный на границе с несколькими европейскими государствами.

Перифраза в целом выступает в роли символа города, через который можно попасть в Европу (см., например, *африканское окно в Европу* (Ливия)).

В Русском ассоциативном словаре зафиксировано 533 реакции на слово-стимул «окно», среди них: *в мир, в Европу, Европа* и т.д.; на слово-стимул «Европа» зафиксировано 102 реакции, в частности: *западная, Америка, культура* и др., а также прямо противоположный ассоциат *Азия*.

Отметим наличие достаточно большого количества контекстов – на сайте НКРЯ приведено 95 случаев употребления словосочетания *окно в Европу*, 37 контекстов публицистические.

Обратимся к примерам нашей картотеки, отобранным из современных публицистических текстов (согласно сервису «Яндекс.Новости», более 50 контекстов, в которых выражение *окно в Европу* используется как синоним названия города *Санкт-Петербург*).

1) *Когда Петр Первый пробивал окно в Европу, он говорил: «Без моря не обойдемся». И сейчас этот вопрос нас волнует – нам необходимо просто развивать порты, мы должны торговать со всеми.* Комсомольская правда, 04.12.2015. Код доступа: <http://www.kp.ru/daily/26466/3336316/> (дата обращения 05.12.2015).

2) *Обладая серьезными предпосылками для развития в качестве международной коммуникационной площадки – культурная столица, окно в Европу, крупный образовательный, научный и промышленный центр – Петербург пока в небольшой степени использовал эти возможности.* РБК, 12.11.2015. Код доступа: http://www.rbc.ru/spb_sz/12/11/2015/564439279a7947133f930eb5 (дата обращения: 05.12.2015).

3) *Петербург же тем временем начинает осваивать новые «территории». Стать центром легкой промышленности и модной индустрии – правильная задача для города, задуманного как окно в Европу.*

Осталось с ней справиться. Коммерсант, 30.10.2015. Код доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2843269> (дата обращения: 05.12.2015).

Комментарий. В приведенных фрагментах подчеркивается, что своего рода статус «*Окно в Европу*» обязывает власти Санкт-Петербурга развивать в городе легкую промышленность и модную индустрию, родиной которых считается Европа. Уточняется также, что Санкт-Петербург является портовым городом, а связи с иностранными государствами, в том числе, экономические, осуществляются через морской порт. Такое преимущество Санкт-Петербурга как его приграничное, приморское расположение (окно в Европу) ставится в один ряд с достижениями петербуржцев в области культуры, образования, науки и промышленности.

Лингвокультурологический комментарий. Выражение *окно в Европу* (*Санкт-Петербург*) как символ города, расположенного на границе с несколькими европейскими государствами, основано на метафоре и характеризуется изобразительностью. Перифраза «запускает» механизм эмпирического познания действительности: чувственная реальность (образ окна) является инструментом познания других объектов / объекта (городов (Санкт-Петербурга), расположенных / расположенного на границе с несколькими европейскими государствами).

Означающее А символа ОКНО В ЕВРОПУ состоит из фонемного ряда (окно в Европу) и понятийного значения, которое создает образно-эмпирическое представление о денотате ('Санкт-Петербург'). Означаемое В имеет перифрастическое значение 'город, расположенный на границе с несколькими европейскими государствами'.

Приведем пример перифразы, которая описывает топоним на политико-административной карте России.

Рассмотрим перифразу *северная столица*. В словаре перифраз (А.Б. Новикова, в монографии Т.И. Бытевой), а также в Толковом словаре

под ред. Г.Я. Солганика к ПЕ *северная столица* приводится единственный денотат – Санкт-Петербург.

Разберем компонентный состав единицы. *Северная* от *северный* – ‘находящийся на севере’ (МАС IV: 67). *Столица* – ‘главный город, административно-политический центр государства’ (МАС IV: 272). Во времена Российской империи Санкт-Петербург был официальной столицей, однако после 1918 года политическим и административным центром России стала Москва. См. этимологию слова *столица*: от др-русск. стол – ‘престол, трон’ (Шанский 1965), то есть столица – город, где находится правитель. Компонент *северная* предполагает, что существует также «не северная», то есть основная столица государства. Стереотипному восприятию Санкт-Петербурга как еще одной столицы способствует также современный статус – «город федерального значения», которым обладает лишь Москва и, с недавнего времени, Севастополь. Таким образом, можно предложить следующее толкование перифразы *северная столица* – город, неформально считающийся второй столицей России и расположенный на севере государства. Образ ПЕ (через компонент «северная») соотносится с пространственным кодом культуры, то есть с совокупностью имен, обозначающих членение пространства. В данном случае, речь идет о городе, расположенном на севере. Образ ПЕ восходит к архетипическому противопоставлению «север – юг», где первый член оппозиции всегда маркирован положительно, второй – отрицательно. В славянском фольклоре север ассоциируется с холодом, ночью, несчастьем, смертью (Иванов, Топоров 1965: 112). Санкт-Петербург самый северный город-миллионник в России. ПЕ в целом выступает в роли стереотипа еще одной столицы государства, расположенной на севере.

В Русском ассоциативном словаре на слово-стимул «столица» зафиксировано 106 реакций, среди них: *Москва, город, страны, государства, России, родины* и др.

Отметим наличие небольшого количества контекстов – на сайте НКРЯ приведено 42 случая употребления словосочетания *северная столица*, 15 контекстов публицистические.

Обратимся к примерам нашей картотеки, отобранным из современных публицистических текстов (согласно сервису «Яндекс.Новости», более 50 контекстов, в которых выражение *северная столица* используется как синоним названия города *Санкт-Петербург*).

1) *В Северной столице эвакуировали автомобиль Rolls Royce Wraith стоимостью в 20 млн рублей. Машину забрали с Дегтярной улицы.* Росбалт, 29.11.2015, Код доступа: <http://www.rosbalt.ru/piter/2015/11/29/1466071.html> (дата обращения: 29.11.2015).

2) *В ближайшее время может состояться автомари колонн петербургских дальнобойщиков в Москву. Дело в том, что делегатов Координационного совета петербургских дальнобойщиков не пустили на встречу с главой Минтранса Максимом Соколовым, которая проходила в северной столице.* Московский комсомолец, 28.11.2015. Код доступа: <http://www.mk.ru/social/2015/11/28/soviet-dalnoboyshnikov-peterburga-prinyal-reshenie-idti-na-moskvu.html> (дата обращения: 29.11.2015).

3) *В четверг на пресс-конференции в АБН Оксана Дмитриева и депутаты петербургского ЗакСа Максим Резник и Сергей Трохманенко объявили, что пойдут в одной команде на выборы в 2016 году одновременно в Думу и парламент Северной столицы.* Агентство бизнес новостей, 27.11.2015. Код доступа: <http://abnews.ru/2015/11/27/pomoshhnik-oksany-dmitrievoj-pojdut-na-vybory-v-zaks-po-okrugu-frunzenskogo-rajona/> (дата обращения: 29.11.2015).

Комментарий. В приведенных фрагментах *северная столица* используется как синоним названия города *Санкт-Петербург*.

Лингвокультурологический комментарий. Несмотря на тот факт, что Санкт-Петербург уже около ста лет не является столицей России, в сознании

носителей русского языка Санкт-Петербург приравнивается к Москве по различным критериям: развитости культуры, экономики, политической жизни; статусу как город федерального значения (наравне с Москвой и Севастополем).

Означающее А стереотипа СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА состоит из фонемного ряда А1 (Северная столица) и перифрастического значения, которое создает представление о денотате А2 ('Санкт-Петербург').

Итак, можно утверждать, что топонимические перифрастические единицы, функционирующие в публицистическом тексте, соотносятся со стереотипами, символами и эталонами как явлениями культуры. И стереотип, и символ, и эталон лежат в основе таких перифраз, то есть являются первичными по отношению к ним. Также совпадает их функциональная направленность. Кроме того, воспроизводимость перифразы – как один из основных категориальных признаков фразеологизма – во многом обусловлена тем, что один из ее компонентов выполняет функцию символа, то есть знака культуры. Топонимические перифрастические единицы, в отличие от других фразеологизмов, как правило, имеют два значения: могут обозначать как конкретный географический объект, так и несколько объектов, которые удовлетворяют набору признаков.

2.3. Параметры лингвокультурологического словаря устойчивых словесных комплексов публицистики

2.3.1. Словарная статья лингвокультурологического словаря

Учебный словарь УСК публицистического стиля имеет антропоцентрический характер, рассчитан на иностранных учащихся. Данный словарь относится к словарям пассивно-активного типа, он полиаспектный, объяснительный (носит автономный характер). По способу расположения заголовочных единиц наш словарь относится к тематико-

идеографическим. «Идеографией мы называем теорию и практику составления словарей, в которых слова располагаются не по алфавиту, а по смысловой близости. Такие словари называются идеографическими» (Морковкин 1977: 3). Поясним основные параметры нашего словаря. Словарь относится к пассивно-активному типу, т.к. предназначен не только для узнавания и понимания включенных в него единиц, но и для говорения и производства текстов с его помощью. Другими словами, он соответствует таким видам речевой деятельности как чтение, говорение и письмо. Полиаспектным словарь можно назвать потому, что он совмещает в себе несколько функций и предназначен не только для толкования УСК, но и содержит в себе лингвокультурологический комментарий и энциклопедическую информацию. К объяснительным словарь можно отнести потому, что словарные статьи содержат объяснительный культурологический комментарий, к тематико-идеографическим – поскольку статьи в нем упорядочены по тематическому принципу (см., например: эвфемизмы – экономические эвфемизмы – эвфемизмы, описывающие коррупцию).

Проведенный лингвокультурологический анализ позволил предложить инвариант структуры словарной статьи словаря лингвокультурологического типа. Обязательными зонами являются:

- заголовочная единица со стилистическими пометами;
- толкование значения устойчивой единицы;
- соотнесение с кодами культуры, образом, символом, эталоном;
- лингвокультурологический комментарий (может включать этимологический анализ);
- зона иллюстраций.

Дополнительные зоны:

- для коллокаций – список наиболее типичных (устойчивых) словосочетаний с главным компонентом сочетания;

- для эвфемизмов – зона выражаемой интенции (дидактическая, манипулятивная);

- для перифраз – зона аксиологической оценки.

Предлагаемая нами модель словарной статьи выглядит следующим образом.

Тематическими рубриками словаря служат слова:

В разделе *коллокации*: **СОЦ.-ПОЛИТ**;

В разделе *эвфемизмы*: **ЭКОНОМИКА**;

В разделе *перифразы*: **ГОРОД, СТРАНА**.

Эти слова набираются прописными буквами полужирным прямым шрифтом.

Под тематическим рубриком в порядке убывания частотности следует описание отдельных единиц, т.е. помещаются собственно словарные статьи, включающие несколько зон.

Первая зона содержит единицу УСК – заголовочную единицу. Она набирается прописными буквами полужирным курсивом. При заголовочной единице, в случае необходимости, ставится функционально-стилистическая помета (*разг., прост., шутл., книжн.* и т.п.). Например: **РОССИЯ – *дом ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ* книжн., одобр; РОССИЯ – РОДИНА СЛОНОВ** книжн., неодобрит Пометы набираются светлым курсивом строчными буквами.

Вторая зона представляет собой описательное толкование смысла (набирается прямым шрифтом без выделения). Например, для единицы Россия – ***дом ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ*** толкование будет следующим: ‘Россия как место пребывания Пресвятой Богородицы, как государство, находящееся под защитой Пресвятой Богородицы, православное государство’. В данной зоне словарной статьи может быть выделена подзона, в которой приводятся реализуемые в речевой деятельности интенции,

например, для рассматриваемой единицы: может употребляться в качестве характеристики религии описываемой страны.

Третья зона – это зона культурологического комментария. Например, для перифразы **дом ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ** культурологический комментарий может выглядеть следующим образом: ценность ПЕ Россия – Дом Пресвятой Богородицы заключается в том, что русские воспринимают Россию не просто как православную христианскую страну, но как место, предназначенное для Божией Матери – Пресвятой Богородицы. В данной перифразе нашла отражение особая духовность почитания Богородицы, свойственная православной традиции. Именно Православная Церковь провозгласила Пресвятую Деву Марию Матерью Божией на Третьем Вселенском соборе в Эфесе в 431 году. Пресвятая Дева Мария, как Мать Спасителя, предстательствует перед ним за все человечество и считается заступницей рода человеческого. Контексты свидетельствуют о том, что в сознании современного русского человека произошло упрощение образа Богородицы, которая воспринимается как заступница не всего православного мира, а лишь одной из православных стран – России.

Четвертая зона является факультативной, она содержит лингвострановедческий комментарий отдельных слов УСК. Например, для перифразы **дом ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ** комментария требует прилагательное *Пресвятая* – превышающая всех в святости (употр. как постоянный эпитет при словах: Бог, Богородица и т.п.; существительное *Богородица* – Дева Мария, мать Иисуса Христа, Богоматерь; существительное *дом* символизирует центр мира, замкнутость и защиту.

Четвёртая зона – зона иллюстраций, здесь приводятся примеры употребления УСК в современной публицистике. В иллюстративных контекстах УСК выделяются курсивом.

& Покров Божией Матери, простертый над осажденным Константинополем, не столько привел к военному поражению

язычников, сколько принес им духовную пользу. Их потомки, приняв крещение в водах Днепра, из многочисленных разрозненных племен, живших на Восточно-Европейской равнине, собрали и построили великое государство Русь – ту самую Россию, которая стала *Домом Пресвятой Богородицы*. Божия Матерь не раз сохраняла наш народ и Церковь в дни великих потрясений. И сегодня мы молитвенно обращаемся к Ней: «Радуйся, Радосте наша, покрой нас от всякого зла честным Твоим омофором!» Коммерсант, №189 от 14.10.2015. Код доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2831064> (дата обращения: 13.03.2016).

& Нас растлевают! Одни телесериалы чего стоят! Но ни у кого нет такой силы и корней, как у нас. У России совсем другой статус, совсем другое назначение – у нас никогда не будет чуда ни американского, ни японского, ни германского, ни китайского. Не будет у нас такого! У нас Россия – это *Дом Пресвятой Богородицы*, у нас самая главная ценность — это православие. Липецкая газета, 02.12.2013, код доступа: <http://www.lpgzt.ru/article/35265.htm> (дата обращения: 06.12.2015).

Пятая зона словарной статьи – отсылочная, в ней фиксируются перифрастические единицы, характеризующие денотат с разных сторон.

Единицы в этой зоне набираются светлым курсивом

См.: *страна православия, страна Достоевского, страна Толстого, страна Чайковского.*

Это зона является факультативной, поскольку не у всякой единицы УСК могут быть такие характеристики.

Образцы словарных статей нашего учебного словаря приведены в **Приложении 1.**

Выводы

Лингвокультурологический анализ описанных единиц основан на соотнесении их образов с эталонами, символами и стереотипами русской

лингвокультуры. Информация, необходимая для соотнесения, извлекается из значения компонентов УСК. Как минимум в одном из компонентов можно проследить связь между его языковым значением и культурной информацией.

Проанализированные единицы позволяют выделить следующие черты русского национального характера. Русскому человеку свойственно ироничное отношение к окружающей действительности, однако ирония может быть направлена и на самого себя. О самоиронии свидетельствуют такие единицы, как *Россия – родина слонов, Нигерия под снегом, Верхняя Вольта с ядерными ракетами (без ядерных ракет)* и др. Еще одной важной чертой является высокая развитость так называемого «чувства прекрасного», о чем свидетельствует объем перифраз (единицы, типа *северная Пальмира, дом Пресвятой Богородицы, мягкое подбрюшье Европы* и мн. др.). В перифрастическом названии географического объекта русский человек стремится подчеркнуть его красоту, необычность (см. корпус перифраз с компонентом *жемчужина*); в большинстве примеров образных перифраз речь идет о положительной оценке объекта. Очевидно также внимание русского человека к деталям топонима, его чертам (*остров зари багровой (Куба), город у дивных гор (Дивногорск)*). Мы можем сделать вывод о такой черте русского национального характера как его сила, поскольку умение даже в сложной ситуации не потерять присутствие духа и сохранить оптимизм свидетельствуют о наличии у носителей русского языка сильного, волевого характера; также можно говорить об умении любоваться географическими объектами, что свидетельствует о высоком развитии культуры той части российского общества, которая использует перифразы в своей речи.

Коллокации, эвфемизмы и перифразы, функционирующие в публицистическом тексте, могут соотноситься с символами, стереотипами и эталонами (с эталонами в основном соотносятся перифразы), которые

являются первичными по отношению к данным ФЕ. От соотношения УСК с эталоном, стереотипом или символом зависит его воспроизводимость.

Наиболее содержательной с позиций лингвокультурологии, на наш взгляд, является группа «экономических» эвфемизмов. Функционирование эвфемизма обусловлено социолингвистическими и психолингвистическими факторами. Так, в группе «Экономика» замена прямого наименования на эвфемизм основана на гипертрофированном понимании политкорректности либо используется для манипулирования общественным сознанием. См, например, *либерализация цен, освобождение цен, коррекция цены на что-либо, индексация цен* в значении 'повышение цен'. Можно говорить о развитии «параллельного языка», к использованию которого в прессе в своих интересах прибегают госслужащие, экономисты и проч. люди, наделенные теми или иными полномочиями.

Эвфемизмы позволяют судить не только о том, какие вопросы являются нежелательными для обсуждения в российской прессе (другими словами, в российском обществе) в определенный период времени, но и позволяют выделить список тем, отношение к которым целенаправленно формируется с помощью СМИ. Такими ключевыми темами, согласно данным нашего исследования, являются преобразования в экономике. Следовательно, эвфемизмы возникают в речи или, наоборот, уходят из употребления в силу экстралингвистических причин.

Проведенный лингвокультурологический анализ позволил предложить инвариант структуры словарной статьи словаря лингвокультурологического типа. Обязательными зонами словарной статьи являются следующие:

- 1) заголовочная единица со стилистическими пометами;
- 2) толкование значения устойчивой единицы;
- 3) соотнесение образа единицы с кодом культуры, символом, эталоном или стереотипом;
- 4) лингвокультурологический комментарий;

5) иллюстративная зона.

В качестве дополнительных зон могут выступать следующие:

- для коллокаций: список наиболее типичных (устойчивых) словосочетаний с главным компонентом сочетания;
- для эвфемизмов: выражаемая интенция (дидактическая, манипулятивная).
- для перифраз: аксиологическая оценка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, каждый из разрядов УСК, подвергнутых анализу, обладает национально-культурной спецификой. Лингвокультурологическая ценность образных единиц – топонимических перифраз – выявляется посредством соотнесения их образа с кодами культуры, а также с символами, эталонами и стереотипами. Однако такое соотнесение не всегда позволяет выявить лингвокультурологическую ценность коллокаций и безобразных экономических эвфемизмов. В случае с единицами этих двух разрядов необходимо соотносить их с лингвокультурной ситуацией, а также интерпретировать идеологемы, которые могут быть в них заложены. Лингвокультурная ситуация запечатлевает определенные события и представления о них носителей языка в тот или иной период развития общества. Более того, рассмотрение событий или явлений с позиции лингвокультурной ситуации позволяет проследить отношение к ним носителей языка (ср. отношение к такому понятию как *трудовая биография* в СССР и в современной России). Анализ подтверждает, что лингвокультурологической ценностью обладают не только этнокультурные, но и общеупотребительные коллокации, такие как *трудовая биография* или *водоворот жизни*.

Анализ основных разрядов УСК на материале публицистики позволяет утверждать, что они обладают лингвокультурологическим потенциалом в разной степени: наименьший потенциал у коллокаций, затем – по возрастающей – следуют эвфемизмы и перифразы.

Лингвокультурологическое описание УСК осуществляется по предложенному в работе алгоритму.

Первый этап предполагает выявление культурных смыслов, представленных в семантике и особенностях функционирования УСК, мотивированных внутренней формой и фоновыми знаниями единицы.

На втором этапе проводится соотнесение значения данных единиц с кодами культуры, образами, символами, стереотипами и эталонами, характерными для данной лингвокультуры.

Третьим этапом является соотнесение значения исследуемых единиц с данными ассоциативных словарей русского языка с целью выяснения значимости их компонентов в сознании носителей языка.

На четвертом этапе проводится соотнесение семантики исследуемых единиц с ценностями православной культуры России.

Пятый этап предполагает лингвокультурологический комментарий, который включает этимологический анализ и зону иллюстраций.

Предложенный в работе алгоритм описания УСК в публицистических текстах позволяет сделать вывод о том, что они являются источником лингвокультурологической информации, отражая стереотипы, эталоны, символы, образы, актуальные для менталитета современного носителя языка.

Проведенный в работе анализ позволяет сказать, что модель словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря для иностранных студентов-филологов будет достаточно репрезентативной, если будет строиться с учетом параметров, выделенных на этапе лингвокультурологического анализа единиц, включать набор позиций для

каждого разряда фразеологизмов с целью демонстрации их лингвокультурологического потенциала.

Лингвокультурологический подход позволяет выявить некоторые черты русского национального характера, которые актуализируются в контекстах употребления УСК: ироничное отношение к себе (прежде всего, к не всегда благоприятной социально-экономической обстановке в стране), что свидетельствует об умении преодолевать трудности благодаря юмору.

Проведенный лингвокультурологический анализ также позволяет предложить структуру словарной статьи словаря лингвокультурологического типа, где обязательными зонами являются следующие:

- 1) заголовочная единица со стилистическими пометами;
- 2) толкование значения устойчивой единицы;
- 3) соотнесение образа единицы с кодом культуры, символом, эталоном или стереотипом;
- 4) лингвокультурологический комментарий;
- 5) иллюстративная зона.

В качестве дополнительных зон могут выступать следующие:

- для коллокаций: список наиболее типичных (устойчивых) словосочетаний с главным компонентом сочетания;
- для эвфемизмов: выражаемая интенция (дидактическая, манипулятивная).
- для перифраз: аксиологическая оценка.

Список использованной литературы

1. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. 390 с.

2. Алефиренко, Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. Монография [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
3. Алефиренко, Н.Ф. Фразеологическое значение в свете фреймовой семантики [Текст] / Н.Ф. Алефиренко // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2011. – Выпуск № 2. – С. 11-17.
4. Амосова, Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка [Текст] / Н.Н. Амосова. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 218 с.
5. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии [Текст]: дис. ... докт. филол. наук / Н.Н. Амосов. – Л., 1961. – 438 с.
6. Андреев, А., Петухов, В. Россия и окружающий мир. Как меняется отношение россиян к парадигме «Европа — Азия» [Текст] / А. Андреев, В. Петухов // Институт социологии РАН. Свободная мысль, Политиздат. – М., 2015. – №3 (1651) – С. 107-118.
7. Ансимова, О. К. Лингвокультурология как отдельная филиация общей лексикографии [Текст] / О.К. Ансимова // Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии: материалы международной научно-практической конференции 5–6 декабря 2012 года. – Пенза – Репт: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – 175 с. – С. 12-18.
8. Апресян, Ю.Д. Синонимические средства языка и правила перифразирования [Текст] / Ю.Д. Апресян // Рус. яз. в нац. шк., 1972. – №3. – С. 19-27.
9. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 464 с.

10. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М., 1999. – 896 с.
11. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке [Текст] / В.Л. Архангельский. – Ростов на Дону, 1964. – 315 с.
12. Архипова, Е.И. Этнокультурные коллокации в лексикографическом аспекте (на русском и англо-американском языковом материале) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Е.И. Архипова. – Новосибирск, 2016. – 20 с.
13. Афинская, З.Н. Перифраза в научном дискурсе [Текст] / З.Н. Афинская // Россия и запад. Диалог культур. – М., 1996. – С. 217-220.
14. Ахманова, О.С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема [Текст] / О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 47–54.
15. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П. Бабушкин. – Воронеж, 1996. – 104 с.
16. Базарская, Н.И. Перифрастическое значение как вид фразеологического значения [Текст] / Н.И. Базарская // Семантика слова и синтаксическая конструкция. – Воронеж, 1987. – С. 128-132.
17. Базарская, Н.И., Попова, З.Д. Семантические типы перифраз и их экспрессивные возможности [Текст] / Н.И. Базарская, З.Д. Попова // Исследования по семантике. Семантика языковых единиц разных уровней. – Уфа, 1988. – С. 50-57.
18. Байшукурова, Г.Ж. Этнолингвистическое изучение фразеологизмов (на материале произведений казахстанских писателей) [Текст] / Г.Ж. Байшукурова. // Мир языка. Материалы научно-методической конференции, посвященной памяти профессора М.М. Копыленко. – Алматы, 1999. – С.250-253.

19. Баранов, А.Н. Аспекты теории фразеологии [Текст] / А.Н. Баранов. – М., 2008. – 656 с.
20. Бартминьский, М.Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. Пер. с польск. [Текст] / М.Е. Бартминьский. – М.: Индрик, 2005. – 528 с.
21. Бархударов, Л.С. Язык и перевод [Текст] / Л.С. Бархударов. – М., 1975. – 240 с.
22. Баскова, Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков) [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Ю.С. Баскова. – Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – 16 с.
23. Бахтин, М.М. Слово в романе [Текст] / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
24. Бахтин, М.М. Проблемы творчества Достоевского [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Алконост, 1994. – 172 с.
25. Башиева, С.К. Стилистический компонент фразеологического значения [Текст]: дис. ... д. филол. наук. / С.К. Башиева. – Нальчик, 1995. – 318 с.
26. Белковский, С.А. Любовь провокатора [Текст] / С.А. Белковский. – М., АСТ, 2016. – 352 с.
27. Березович, Е.Л. О специфике топонимической версии этнокультурной информации [Текст] / Е.Л. Березович // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Екатеринбург: УрГУ, 1997. – Вып. 1. – С. 90–105.
28. Бобровская, Г.В. Лингвокреативный потенциал газетного дискурса (на примере образных перифраз) [Электронный ресурс] / Г.В. Бобровская // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания» – Май 2010. – №1(6). – URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/134_st.pdf (дата обращения: 12.11.2016).

29. Болдырев, Н.Н. Антропоцентричность языка с позиций разных культур [Текст] / Н.Н. Болдырев // Материалы III-й междунар. науч. конф. «Филология и культура». – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – В 3, ч. Ч.1. – С.15-20.
30. Бондарева, Л.М. Сопоставительный анализ окказионального трансформирования фразеологических единиц в различных типах коммуникации (прагматический аспект) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.М. Бондарева. – М., 1994. – 21 с.
31. Борисова, Е.Г. Коллокации. Что это такое и как их изучать [Текст] / Е. Г. Борисова. – М.: Филология, 1995. – 49 с.
32. Борисова, Е.Г., Кицей, Е.Н. Системность и узус в устойчивых сочетаниях [Текст] / Е.Г. Борисова, Е.Н. Кицей // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгресс исследователей рус. языка: тр. и материалы. – М., 2007. – С. 162–163.
33. Борисова, Л.В. Базисные архетипы и стереотипы национальной культуры в языковой картине мира [Текст] / Л.В. Борисова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». – 2013. - № 16 (вып. 78). – С. 17-24.
34. Бояркин, В.Д., Новиков, А.Б. Субстантивные фразеологизмы и перифразы с именами собственными [Текст] / В.Д. Бояркин, А.Б. Новиков // Вестн. Ленингр. ун-та. – Сер. 2. – Л., 1986. – Вып. 4. – С. 112-114.
35. Брутян, Г.А. Язык и картина мира [Текст] / Г.А. Брутян // НДВШ. Филос. науки. – 1973. – № 1. – С. 108-111.
36. Бытева, Т.И. Публицистическая перифраза и некоторые проблемы лингвистической поэтики [Текст] / Т.И. Бытева // Славянский мир на рубеже веков: Материалы междунар. симпозиума. – Красноярск, 1998. – С. 99-101.
37. Бытева, Т.И. Перифраза и контекст [Текст] / Т.И. Бытева // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Гуманитарные науки. – 2002. №2. – С. 140-145.

38. Бытева, Т.И. Очерки по русской перифрастике: Монография [Текст] / Т.И. Бытева. – М., 2008. – 303 с.
39. Бялек, Э. Коллокация как единица перевода [Текст] / Э. Бялек. – Cuadernos de rusística española, 2004. – С. 223-231.
40. Вакуров, В.Н. Основы стилистики фразеологических единиц [Текст] / В.Н. Вакуров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 175 с.
41. Вакуров, В.Н. Фразеологический каламбур в современной публицистике [Текст] / В.Н. Вакуров. – М., 1994. – № 6. – С. 40-47
42. Веретенкина, Л.Ю. Лингвистическое выражение межличностных манипуляций (к постановке проблемы) [Текст] / Л.Ю. Веретенкина // Предложение и слово: Докл. и сообщ. Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.С. Юрченко / Отв. ред. О. В. Мякшева. – Саратов, 1999. – С. 99.
43. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.
44. Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии как научной дисциплины [Текст] // Труды юбилейной сессии ЛГУ. 1918-1944. – Л., 1946. – С. 61-73.
45. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [Текст] // Избр. труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – 312 с.
46. Влавацкая, М.В. Комбинаторная лексикология: функционально-семантическая классификация коллокаций [Текст] / М.В. Влавацкая. – 2013. – С. 56-60.
47. Вовчок, Д.П. Метафорические парафразы в языке газеты [Текст] / Д.П. Вовчок // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. – Пермь, 1972. – С. 95-98.

48. Вовчок, Д.П. «Экономическая» функция газетных метафорических парафраз [Текст] / Д.П. Вовчок // Исследования по стилистике. – Пермь, 1974. – с. 225-234.

49. Вовчок, Д.П. Художественная и газетная речевая образность [Текст] / Д.П. Вовчок // Исследования по стилистике. – Свердловск, 1976. – С. 3-19.

50. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография [Текст] / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.

51. Ворожбитова, А.А. Официальный советский язык периода Великой Отечественной войны [Текст] / А.А. Ворожбитова // Язык и социальная среда. – Воронеж, 2000. – С. 72-78.

52. Гаврин, С.Г. Фразеологическая система языка [Текст] / С.Г. Гаврин // Исследования по стилистике. Вып. 3. – Пермь, 1971. – № 244. – С. 53-55.

53. Гальперин, И.Р. Стилистика английского языка. Учебник. 3-е изд. [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 1981. – 316 с.

54. Георгиева, С. Познание культуры через фразеологию. Слово. Фраза. Текст [Текст] / С. Георгиева // Сб. научных статей к 60-летию проф. М.А. Алексеенко. – М.: 2002. – С. 108-115.

55. Гизатова, Г.К. Структурно-типологический подход к сопоставительному исследованию фразеологии [Текст]: дис. ... д. филол. наук / Г.К. Гизатова. – Казань, 2010. – 283 с.

56. Гончар, Н.Г. Этнолингвистическое исследование фразеологизмов в немецком и русском языках: эрратологический аспект [Текст] / Н.Г. Гончар // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.2. – С.162-164.

57. Граудина, Л.К., Ширяев, Е.Н. (ред.). Культура русской речи и эффективность общения. Монография [Текст] / Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. – М.: Наука, 1996. – 441 с.
58. Грехнева, Л.В. Термин и понятие «перифраза» [Текст] / Л.В. Грехнева // Термины в языке и речи: Межвуз. сб. – Н. Новгород, 1994. – С. 53-58.
59. Грехнева, Л.В. Перифраза как лингвистическое явление (на материале русского литературного языка конца XVIII – начала XIX вв.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Грехнева. – Н. Новгород, 1999. – 20 с.
60. Григорьев, В.П. Слово – образ – денотат: К проблеме перифразы [Текст] / В.П. Григорьев // Н.А. Некрасов и русская литература: Тез. докл. и сообщений межвуз. конф. – Кострома, 1971. – С. 122-125.
61. Григорьев, В.П. К проблеме перифразы [Текст] / В.П. Григорьев // Сб. докл. и сообщений лингвистического общества – Т. 4. – Калинин, 1974. – 158-174 с.
62. Гудков, Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности [Текст] / Д.Б. Гудков. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 152 с
63. Гудков, Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса [Текст] / Д.Б. Гудков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие. К 250-летию Московского университета. Отв. ред. М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 98-113.
64. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д.Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
65. Гудков, Д.Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю (в соавторстве с М.Л. Ковшовой) [Текст] / Д.Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.

66. Гукова, Л.Н., Фомина, Л.Ф. Топонимическая перифраза: введение в проблему. Ономастические науки [Текст] / Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина. – Киев: Ин-т украинского языка НАН Украины. – 2006. – № 1. – С. 72–81.

67. Гусейнов, Г.Ч. Карта нашей родины и «граница на замке»: превращение идеологемы [Электронный ресурс] / Г.Ч. Гусейнов. – URL: <http://www.indepsocres.spb.ru/gusemr.htm> 2001 (дата обращения: 17.02.2014).

68. Гюббенет, И.В. К вопросу о «глобальном» вертикальном контексте [Текст] / И.В. Гюббенет. // Вопросы языкознания. – 1980. – № 6. – С.97-102.

69. Демешева, Е.Н. Фразеологизмы нравственно-этической оценки в практике преподавания русского языка в арабоязычной аудитории: лингвокультурологический и лингводидактический аспекты [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Е.Н. Демешева. – Москва, 2007. – 236 с.

70. Денисов, П.Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии [Текст] / П.Н. Денисов. – М.: МГУ, 1974. – 255 с.

71. Дидковская, В.Г. О системных свойствах фразеологических сочетаний [Текст] / В.Г. Дидковская // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – Выпуск № 2 (63). – С. 71-75.

72. Добровольский, Д. О. О возможности моделирования внутренней формы фразеологизма [Текст] / Д.О. Добровольский // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1988. – С. 87-98.

73. Добровольский, Д.О. Типология идиом [Текст] / Д.О. Добровольский // Фразеология в Машинном фонде русского языка. – М., 1990. – С.48-67.

74. Добровольский, Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии [Текст] / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания, 1997. – № 6. – С. 37-58.

75. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ [Электронный ресурс] / Т.Г. Добросклонская. – Москва, 2008. – 203 с. – URL: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf>

76. Долинин, К.А. Социалистический реализм в лингвистике (к истории функциональной стилистики в СССР) [Текст] / К.А. Долинин // Теоретические проблемы языкознания. Сб. ст. к 140-летию каф. общего языкознания Филолог. фак. С.-Петерб. гос. ун-та / ред. Л.А. Вербицкая, С.И. Богданов, А.В. Бондарко [и др.]. – СПб.: Изд-во Филол. фак. СПбГУ. – СПб., 2004. – С. 607-620.

77. Донец, П.Н. К типологии стереотипов [Текст] / П.Н. Донец // Л.И. Гришаева (ред.) Социальная власть языка. – Воронеж, 2001. – С. 183-187.

78. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита [Текст] / Е.Л. Доценко. – М.: Издательство МГУ, 2000. – 344 с.

79. Евдокимова, Е.В. Прагматический и лингвокультурологический аспекты перифраз и сходных стилистических приемов в газетно-журнальном дискурсе (на материале прессы Великобритании и США) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук. / Е.В. Евдокимова. Иркутский государственный лингвистический университет. – Иркутск, 2007. – 172 с.

80. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов [Текст] / В.П. Жуков. – М., 1978. – 158 с.

81. Жуков, В.П. Русская фразеология: учебное пособие [Текст] / В.П. Жуков, А.В. Жуков. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.

82. Жуков, А.В. О мотивировке и выводимости фразеологизмов [Текст] / А.В. Жуков // Мир русского слова. – 2013 – № 2. – С. 9-13.

83. Заварзина, Г.А. Семантические изменения общественно-политической лексики русского языка в 80-90-е годы XX века (По

материалам словарей и газетной публицистики) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.А. Заварзина. – Воронеж, 1998. – 24 с.

84. Зализняк Анна А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира [Текст] / Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М., 2005. – 544 с.

85. Захаренко, И.В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов [Текст] / И.В. Захаренко // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Филология, 1997. Вып. 1. – 192 с. – С. 104.

86. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология: теория и практика [Текст] / Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков. – СПб.: МИРС, 2009. – 292 с.

87. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология в теории и практике РКИ [Текст] / Е.И.Зиновьева // Русский язык и литература в современном гуманитарном общеобразовательном пространстве. Материалы докладов и сообщений международной XV научно-методической конференции. – СПб.: СПГУТД, 2010. – С. 126-133.

88. Зиновьева, Е.И. Проблемы отбора и подачи информации в словаре лингвокультурологического типа [Текст] / Е.И. Зиновьева // Русский язык и культура в пространстве русского мира. Материалы II конгресса РОПРЯЛ. – Том I. – СПб.: МИРС, 2010-а – С. 547-553.

89. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике. Учебник [Текст] / Е.И. Зиновьева. – СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182 с.

90. Зиновьева, Е.И. Методы лингвокультурологических исследований: существующая практика и перспективы развития [Текст] / Е.И. Зиновьева // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ. – Казань, 4-8 октября 2016 года. – СПб., 2016. – 1 электрон. Опт. Диск (CD-R). – С. 675-678.

91. Зыкова, И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии [Текст] / И.В. Зыкова. – М., 2003. – 232 с.
92. Иванникова, Е.А. Об основном признаке фразеологических единиц [Текст] / Е.А. Иванникова // Проблемы фразеологии. – М.-Л., 1964. – С. 70-83.
93. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы [Текст] / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1965. – 251 с.
94. Иванова, С.В. Подходы к составлению лингвокультурологического словаря [Текст] / С.В. Иванова // Вестник ОГУ. Гуманитарные науки. Романо-германская филология. – Оренбург, 2002. – №6. – С. 174-176.
95. Иванова, С. В., Чанышева, З. З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения [Текст] / С. В. Иванова, З. З. Чанышева. – РИЦ БашГУ. – Уфа, 2010. – 366 с.
96. Изотова, А.А. Обыгрывание английских фразеологических единиц в речи [Текст] / А.А. Изотова. – М., 1994. – 95 с.
97. Ильина, И.З. Перифраз и его стилистические функции в произведениях английской художественной литературы [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.З. Ильина. – I-й МГПИИЯ. – М., 1954. – 23 с.
98. Исаева, Е.В. Употребление перифразы для обозначения географических объектов квебека [Текст] / Е.В. Исаева // Канадский ежегодник. Выпуск № 18. – М., 2014. – С. 110-121.
99. Каминский, П.П. Принципы исследования публицистики на современном этапе [Текст] / П.П. Каминский // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2007. – № 1. – С. 97-106.
100. Карасик, В.И. Язык социального статуса [Текст] / В.И. Карасик. – М., 1992. – С. 49-58.

101. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке [Текст] / В.И. Карасик Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С.166-205.
102. Караулов, Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Институт русского языка РАН, 1999. – 180 с.
103. Касевич, В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык [Текст] / В.Б. Касевич. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. – 288 с.
104. Кассирер, Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры [Текст] / Э. Кассирер // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 3-30.
105. Катцов, В.М., Семенов, С.М. Второй оценочный доклад Росгидромета об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации [Текст] / В.М. Катцов, С.М. Семенов. – М., 2014. – 94 с.
106. Кацев, А.М. Языковое табу и эвфемия [Текст] / А.М. Кацев. – Л.: ЛГПИ, 1988. – 80 с.
107. Кибрик, А.Е. Константы и переменные языка [Текст] / А.Е. Кибрик. – СПб.: Алетейя. – 2003. – 720 с.
108. Киверник, Н.Ю. Дифференциальные характеристики коллокаций и коллигаций как несвободных словосочетаний (на примере русских и английских единиц) [Электронный ресурс] / Н.Ю. Киверник. – URL: http://www.rusnauka.com/33_PRNIT_2012/Philologia/4_120043.doc.htm (дата обращения: 22.04.2016).
109. Кипрская, Е.В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003-2004 гг.) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук. / Е.В. Кипрская. – Ижевск, 2005. – 159 с.

110. Кириллова, Н.Н. Основы идиоэтнической фразеологии романских языков [Текст]: автореф. дисс. ... д. филол наук / Н.Н. Кириллова. – Л., 1991. – 30 с.
111. Клушина, Н.И. Язык публицистики: константы и переменные [Текст] / Н.И. Клушина // Русская речь. – 2004. – № 3. – С. 51-54.
112. Кожина, М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. Учебник [Текст] / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
113. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологическое направление во фразеологии: основные принципы и методы исследования [Текст] / М.Л. Ковшова. // Лингвострановедение: Методы анализа, технология обучения. В 2 ч. – М.: МГИМО-Университет. – 2009. – Ч. 1. – С. 20-27.
114. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры [Текст] / М.Л. Ковшова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456 с.
115. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика [Текст] / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 154 с.
116. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Г.В. Колшанский // Отв. ред. А. М. Шахнарович. Предисл. С.И. Мельник и А. М. Шахнаровича. – Изд. 2-е, доп. – М: Едиториал УРСС, 2005. – 128 с.
117. Корнейко, Е.А. Белгородские топонимы и топонимические перифразы в составе региолекта белгородской области [Текст] / Е.А. Корнейко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – Белгород, 2013. – Выпуск № 6 (149), том 17. – С. 5-12.
118. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст] / О.А. Корнилов. – М., 2003. – 349 с.

119. Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе [Текст] / В.Г. Костомаров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 265 с.

120. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа [Текст] / В. Г. Костомаров. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 248 с.

121. Кранышева, Л.А. Лингвокультурная ситуация 1950-х годов XX века: на материале рассказов советских русских писателей [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / Л.А. Кранышева. – Иваново. – 2008. – 200 с.

122. Краснолуцкая Ю.Е., Малышева Н.В. Английские фразеологические единицы с компонентом «голова» (опыт психолингвистического исследования) [Электронный ресурс] / Ю.Е. Краснолуцкая, Н.В. Малышева. – URL: http://www.rusnauka.com/10_NPE_2011/Philologia/9_83016.doc.htm (дата обращения: 12.01.2017)

123. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология [Текст] / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

124. Красных, В.В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) [Текст] / В.В. Красных // *Respectus philologicus*. – 2005. – № 7 (12). – С.10-24.

125. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация): Монография [Текст] / В.В. Красных. – М.: Диалог МГУ, 1998. – 352 с.

126. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологическое направление во фразеологии: основные принципы и методы исследования [Текст] / М.Л. Ковшова. // *Лингвострановедение: Методы анализа, технология обучения*. В 2 ч. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – Ч. 1. – С. 20-27.

127. Кожин, А.Н. Перифраз как стилистическое средство публицистической речи [Текст] / А.Н. Кожин // *Уч. зап. МОПИ им. Н.К. Крупской*. – Т. 148 – Русский язык – М., 1964. – Вып. 10. – С. 48-65.

128. Коновалова, Н.И. Мифологема как свернутый сакральный текст [Текст] / Н.И. Коновалова // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4. – С. 209-215.
129. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи [Текст] / Л.П. Крысин. // Русистика. Берлин, 1994. – № 1-2. – С. 28-49.
130. Крысько, В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) [Текст] / В.Г. Крысько // Под общ. ред. А. Е. Тараса. – Мн.: Харвест, 1999. – 448 с.
131. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира [Текст] / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука. – 1988. – С. 141-172.
132. Кунин, А.В. Фразеология современного английского языка [Текст] / А.В. Кунин. – М., Издательство Международные отношения. – 1972. – 289 с.
133. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: (Учеб. для ин-тов и фак.иностр.яз.) [Текст] / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, Дубна: Изд.центр «Феникс», 1996. – 381 с.
134. Купина, Н.А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи [Текст] / Н.А. Купина // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 90-104.
135. Купина, Н.А. Приметы советской стилистики в современных газетных текстах [Текст] / Н.А. Купина // Язык СМИ и политика. Под ред. Г.Я. Солганика. – М. – 2012. – 952 с. – С. 376-406.
136. Леонтович, О.А. Роль внутренней формы в контекстуальном стилистическом использовании фразеологических единиц [Текст] / О.А. Леонтович // Фразеологическая семантика. МГПИИЯ. – Сб. науч. тр.– М., 1983. – Вып. 211. – С.101-114.

137. Липатов, А.Т. Перифраза в романе Л.М. Леонова «Скутаревский» как семантико-стилистическое средство [Текст] / А.Т. Липатов // Исследования по семантике. Лексическая и фразеологическая семантика. – Уфа, 1982. – С. 147-153.
138. Липпман, У. Общественное мнение. Пер. с англ. Т.В. Барчуновой [Текст] / У. Липпман. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
139. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф [Текст] / А.Ф. Лосев. – М.: Издательство Московского университета, 1982. – 480 с.
140. Лукьянова, Н.А. Типология русских лингвистических словарей. / Н.А. Лукьянова [Текст] // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т.3. Филология. Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2004. – Вып. 1. – 150 с.
141. Лукьянова, Н.А. Лингвокультурология в системе современной российской лексикографии (90-е гг. XX в. – начало XXI в.) [Текст] / Н.А. Лукьянова // *Техун grammtike* (Искусство грамматики). – Сборник памяти профессора К.А.Тимофеева. Вып. 2. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2006. – С. 303-326.
142. Лутцева, М.В. Новые тенденции в учебной лексикографии (На материале словаря Long-man Exams Dictionary) [Текст] / М.В. Лутцева // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – Иваново, 2011. – Вып. 1. – С. 60-64.
143. Любимова, Н.В. Устойчивые словесные комплексы в пространстве большого города [Текст] / Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М., 2011. – №624. – С. 102-110.
144. Максимов, В.И. Русский язык и культура речи: учебник [Текст] / В.И. Максимов // Под ред. проф. В.И.Максимова. – М.: Гардарики, 2007. – 413 с.

145. Малышева, Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование [Текст] / Е.Г. Малышева. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 370 с.
146. Марканова, Ф.А. Диалектные и просторечно-разговорные элементы в языке художественных произведений И.С. Тургенева [Текст] / Ф.А. Марканова. – ДК. – Ташкент, 1954. – 200 с.
147. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / В.А. Маслова. – М., 2001. – 208 с.
148. Милехина, В.И., Попова, З.Д. Перифраза в отношении к фразеологии [Текст] / В.И. Милехина, З.Д. Попова // Проблемы фразеологии. – Тула, 1981. – С. 283.
149. Михайлова, О.А. Эвфемизмы в современном русском языке: основные критерии выделения и комментирования [Текст] / О.А. Михайлова // Изучение фразеологии русского языка в аспекте русского языка как иностранного: Научно-методич. мат-лы. Е.И.Зиновьева, О.А.Михайлова, Н.Е.Якименко. Под общ. ред. Н.Е. Якименко. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003. – С. 9-22.
150. Михеева, Л.Н. Лингвокультурная ситуация: теоретический и прикладной аспекты [Текст] / Л.Н. Михеева // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – М., 2013. – № 2 – С. 5-10.
151. Мокиенко, В.М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? [Текст] / В.М. Мокиенко // Вопр. языкознания. – 1973. – № 2 – С. 21-34.
152. Мокиенко, В.М. Образы русской речи [Текст] / В.М. Мокиенко. М., 1986. – 278 с.
153. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология. Учебное пособие для студентов [Текст] / В.М. мокиенко. – М., 1989. – 207 с.

154. Мокиенко, В.М. Коллокации – теория и лексикографическая практика (о концепции П. Дюрчо) [Текст] / В.М. Мокиенко // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 61 (2). 2016. – С. 363-372.
155. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка [Текст] / А.И. Молотков. Л., 1977. – 282 с.
156. Морковкин, В.В. Учебная лексикография как особая лингвометодическая дисциплина [Текст] / В.В. Морковкин // *Актуальные проблемы учебной лексикографии*. – М., 1977. – С. 28-37.
157. Морковкин, В.В. О базовом лексикографическом знании [Текст] / В.В. Морковкин // *Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному*. – М., 1986. – С. 102-117.
158. Москвин, В. П. Стилистика русского языка. Теоретический курс [Текст] / В.П. Москвин. – Ростов н/Д., 2006. – 630 с.
159. Москвин, В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка [Текст] / В.П.Москвин. – 2-е изд. – М.: Ленард, 2007. – 264 с.
160. Мурадян, С.А. Гносеологический анализ проблемы стереотипа [Текст]: дис. ... канд. филос. наук. / С.А. Мурадян. – Ереван, 1977. – 168 с.
161. Новиков, А.Б. Субстантивные перифразы в современной советской газетной публицистике [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Б. Новиков. – ЛГУ им. А.А. Жданова. – Л., 1988. – 18 с.
162. Новиков, А.Б. Субстантивные перифразы в современной советской газетной публицистике [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / А.Б. Новиков. – ЛГУ им. А.А. Жданова. – Л., 1988. – 346 с.
163. Обвинцева, О.В. Эвфемизм в политической коммуникации (на материале английского языка в сопоставлении с русским) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / О.В. Обвинцева. – Екатеринбург, 2003. – 192 с.
164. Опарина, Е.О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия [Текст] / Е.О. Опарина. // *Язык и культура: Сб. обзоров*. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – С. 183-187.

165. Отт, К.А. Функциональный спектр перифразы в современных немецких печатных СМИ [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / К.А. Отт. – Алтайская государственная педагогическая академия. – Иркутск, 2010. – 282 с.

166. Павленко, Т.Л. Мотивированность и идиоматичность фразеологизмов [Текст] / Т.Л. Павленко // Известия Ростовского государственного педагогического университета. Филология. – Ростов-на-Дону, 2000. – Выпуск 2. – С. 69.

167. Павлова, А.В. Сведения о культуре и «этническом менталитете» по данным языка [Текст] / А.В. Павлова // От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»: сб. ст. / сост. А.В. Павлова. – СПб.: Антология, 2013. С. 160-240.

168. Пасечник, Т.Б. Лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с числовым компонентом в русском языке в сопоставлении с английским [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Т.Б. Пасечник. – М., 2009. – 217 с.

169. Пачкория, Д.С. «Экономикс» или единая политическая экономия? [Текст] / Д.С. Пачкория. – Зугдиди, 1994. – 187 с.

170. Пи, Цзянькунь. Оппозиция правда – ложь в паремиологическом пространстве русского языка (лингвокультурологический аспект) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Цзянькунь Пи – СПбГУ. – СПб., 2014. – 171 с.

171. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.4. Пер. с древнегреч. [Текст] / Платон // Общ. ред. А.Ф.Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. Издательство Мысль – М., 1994. – 830 с.

172. Полонский, А.В. Публицистика как особый вид творческой деятельности [Текст] / А.В. Полонский – БелГУ // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – №11, вып.1. – С. 56-61.

173. Пономаренко, В.А. Фразеологические единицы в деловом дискурсе (на материале английского и русского языков) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук // В.А. Пономаренко. – Институт экономики, права и гуманитарных специальностей. – Краснодар, 2007. – 213 с.

174. Попова, З.Д. Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение [Текст] / З.Д. Попова. – Воронеж, 2000. – Вып. I. – С. 88-98.

175. Прокудина, Т.А. О понятии перифразы в русском языке [Текст] / Т.А. Прокудина // Образование и функционирование фразеологических единиц: Сб.ст. /Отв. ред.: Гвоздарев Ю.А. – Ростов н/Д, 1981. – С. 35-38.

176. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев [Текст] / Ю.Е. Прохоров. – М., 1996. – 217 с.

177. Радбиль, Т.Б. Мифология языка Андрея Платонова [Текст] / Т.Б. Радбиль. – М.; Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. – 116 с.

178. Розанова, Г.З. Некоторые аспекты семантики перифраза [Текст] / Г.З. Розанова // Актуальные проблемы лексикологии, фразеологии и стилистики: Тез. докл. науч. конф. аспирантов 23-24 марта 1971. – М., 1971. – С. 95-97.

179. Ройзензон, Л.И., Авалиани, Ю.Ю. Современные аспекты изучения фразеологии..Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе [Текст] / Л.И. Ройзензон, Ю.Ю. Авалиани. – Вологда, 1967. – С. 68-81.

180. Ройзензон, Л.И., Абрамец, И.В. Совмещенная омонимия в сфере фразеологии [Текст] / Л.И. Ройзензон, И.В. Абрамец // Вопросы языкознания. – 1969. – №2. – с. 54-63.

181. Ройзензон, Л.И. Русская фразеология. Учебное пособие [Текст] / Л.И. Ройзензон. – Самарканд, 1977. – 119 с.

182. Салимова, Л.М. Лингвокультурная ситуация, языковая личность и текст: особенности взаимоотношения и изучения [Текст] / Л.М. Салимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9 (39), часть 1. – С. 153-156.

183. Салихова, Н.К. Контекстно-ситуативные условия реализации стилистического приёма иронии и его функционирование [Текст] / Н.К. Салихова. // Сборник научных трудов.– Московск. гос. пед. ин-т ин. яз-ов, 1976. – Вып. 98. – С. 182-190.

184. Самаркина, Н.О. Метафора в формировании фразеологических единиц с компонентом, относящимся к фразеологическому полю «музыка», в английском и турецком языках [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Н.О. Самаркина. – Казань, 2006. – 190 с.

185. Самарская, Т.Б., Мартиросьян Е.Г. Публицистический текст: сущность, специфика, функции [Текст] / Т.Б. Самарская, Е.Г. Мартиросьян // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – Майкоп. – 2011. – Выпуск № 4. – С.143-147.

186. Семенова, М.Б. Об этническом стереотипе в испанской фразеологии [Текст] / М.Б. Семенова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. МГЛУ, М., 2010. – № 589. – С. 148-153.

187. Сеничкина, Е.П. Эвфемизмы в призме текстовой реальности / Е.П. Сеничкина [Электронный ресурс] / Институт русистики Лодзинского университета. – URL: <http://rusinst.uni.lodz.pl/pliki/Konferencja/Sieniczkina%20E.pdf> (дата обращения: 17.01.2017)

188. Сеничкина, Е.П. Эвфемизмы русского языка. Учебное пособие к спецкурсу [Текст] / Е.П. Сеничкина. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2012. – 120 с.

189. Сеничкина, Е.П. Эвфемизмы русского языка [Текст] / Е.П. Сеничкина.– М.: Флинта, 2012. – 120 с.
190. Сендерович, С. Ревизия юнговской теории архетипа [Текст] / С. Сендерович. – Логос. – 1994. – №6. – 144-163.
191. Серебренников, Б.А. Языковая номинация. Общие вопросы [Текст] // Б.А. Серебренников. – М, Наука, 1977. – 358 с.
192. Светоносова, Т.А. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия [Текст] / Т.А. Светоносова // Филологические науки в МГИМО: сборник науч. трудов. – 203 с. / МГИМО (У) МИД России; отв. ред. Г.И. Гладков. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – № 27 (42) – С.39-46.
193. Свиридова, Н.В. Перифраза в языке публицистики В.И. Ленина [Текст] / Н.В. Свиридова // Фразеологизм и слово в русском языке. Межвуз. сб. науч. тр. – Ростов н / Д, 1983. – С. 91-95.
194. Седых, А.П. Этнокультурные характеристики языковой личности: на материале французской языковой личности [Текст]: дисс. ... д. филол. наук / А.П. Седых. Белгородский государственный университет. – Белгород, 2005. – 418 с.
195. Сидоренко, М.И. О смысловой структуре фразеологизма [Текст] / М.И. Сидоренко // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И.Герцена. – Л., 1969. – Т. 370. – С. 5-53.
196. Синельникова, Л.Н. К вопросу о сущности перифразы как функционально-семантической единицы речи [Текст] / Л.Н. Синельникова // Вопросы грамматического строя современного русского языка. – М., 1972. – С. 255-261.
197. Сираева, Р.Т., Фаткуллина, Ф.Г. Фразеологическая картина мира: основное содержание и признаки [Электронный ресурс] / Р.Т. Сираева, Ф.Т. Фаткуллина // Современные проблемы науки и образования. 2014. – №3.

– URL: <http://www.science-education.ru/117-13230> (дата обращения: 12.12.2016).

198. Склярская, Г.Н. Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы [Текст] / Г.Н. Склярская // Исследования по славянским языкам. Корейская ассоциация славистов. – Сеул, 2001. – С. 177-202

199. Скрипичникова, Н.С. Устойчивые словесные комплексы в составе профессиолекта [Текст] / Н.С. Скрипичникова // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск. – 2013. – № 31 (322). – С. 133-135.

200. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Текст]: дис. ... д. филол. наук. / Г.Г. Слышкин. – Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2004. – 323 с.

201. Смирницкий, А.И. К вопросу о слове. (Проблема "отдельности" слова) [Текст] / А.И. Смирницкий // Вопросы теории и истории языка: Сб. науч. тр. М.: АН СССР, 1952. – С. 182-203.

202. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка [Текст] / Смирницкий А.И. – М., 1956. – с.245.

203. Солганик, Г.Я. Современная публицистическая картина мира [Электронный ресурс] / Г.Я. Солганик. – URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_6 (дата обращения: 15.12.2016).

204. Солганик, Г.Я. Очерки модального синтаксиса [Текст] / Г.Я. Солганик. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 136 с.

205. Солганик, Г.Я. Язык СМИ и политика [Текст] / Г.Я. Солганик. – М. Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. – 2012. – 952 с.

206. Соловьева, В.С. Система перифраз в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (структурно-функциональный аспект) [Текст]: автореф.

дис. ... д. филол. наук / В.С. Соловьева. – Моск. пед. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – М., 1995. – 36 с.

207. Сосой, О.А. Типология имен собственных в составе фразеологических единиц современного немецкого языка (на материале газетно-публицистических текстов) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / О.А. Сосой. – М., 2002. – 142 с.

208. Стасиньска, П. Именные перифразы. Теоретический аспект [Текст] / П. Стасиньска. – Зелена Гура, 2003. – 204 с.

209. Стернин, И.А. Об особенностях русского коммуникативного сознания [Текст] / И.А. Стернин // Человек в информационном пространстве: Сб. науч. тр. – Ярославль, 2003. – 312 с.

210. Стернин И.А. О понятии лингвокультурной специфики языковых явлений [Текст] / И.А. Стернин // Язык. Словесность. Культура. – Филологический журнал. – 2011. – № 1. – С.6-9.

211. Сурикова, Т.И. Журналист, аудитория, власть: лингвоэтические аспекты взаимодействия в политическом дискурсе СМИ [Текст] / Т.И. Сурикова // Язык СМИ и политика. Под ред. Г. Я. Солганика. – М. – 2012. – 952 с. – С. 199-242.

212. Сусов, И.П. Введение в языкознание: учебник для студентов лингвистических и филологических специальностей [Текст] / И.П. Сусов. – М., 2006. – 379 с.

213. Телия, В.Н. О лексических компонентах фраземы как элемента ее структуры [Текст] / В.Н. Телия // Сб. Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда, 1965. – С. 40.

214. Телия, В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке [Текст] / В.Н. Телия. – М., 1981. – 269 с.

215. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический аспект, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. – Москва, 1996. – 284 с.

216. Теляя, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры [Текст] / В.Н. Теляя // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 12-24.

217. Теляя, В.Н., Опарина, Е.О. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак [Текст] / В.Н. Теляя, Е.О. Опарина // Культурология. – 2011. – №1 – С. 145-148.

218. Тепляшина, А.Н. Сатирические жанры современной публицистики [Текст] / А.Н. Тепляшина. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. – 95 с.

219. Теляя, В.Н. Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках [Текст] / В.Н. Теляя. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 340 с.

220. Токарев, Г.В. Лингвокультурология: Учебное пособие [Текст] / Г.В. Токарев. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2009. – 135 с.

221. Токарев, Г.В. В развитие учения В.Н. Теляя о языке культуры: квазиэталон [Текст] / Г.В. Токарев // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей /Редкол. М.Л. Ковшова, В.В.Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. – М.: МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. – С. 113-121.

222. Толстой, Н.И. Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования [Текст] / Н.И. Толстой // Отв.редактор: Толстой Н.И. Издательство: Москва: «Наука», 1983. – 288 с.

223. Толстой, Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Текст] / Н.И. Толстой. – М., 1995. – С. 15-26.

224. Толстая, М.Н. Несколько текстов из села Синевир [Текст] / М.Н. Толстая. // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. – М., 1999. – С. 477-190.

225. Уткина, В.П. Перифрастический оборот в русской художественной литературе [Текст] / В.П. Уткина // Известия Крымского

пед. института им. М.В. Фрунзе. – Т. 33. – Симферополь, 1959. – Вып. 1 – С. 87-109.

226. Уфимцева, Н.В. Этнические и культурные стереотипы: кросс-культурное исследование Н.В. Уфимцева [Текст] // Известия Академии наук (РАН). Серия литературы и языка. – 1995. – Т. 54. – №3. – С. 55-62.

227. Хлынова, В.В. Эвфемизмы и дисфемизмы как способ выражения оценочности в телевизионной речи политиков и журналистов [Текст] / В.В. Хлынова // Филологические этюды. Саратов, 1998.– Вып. 1. – С. 189-191.

228. Хохлова, М.В. Исследование лексико-синтаксической сочетаемости в русском языке с помощью статистических методов (на базе корпусов текстов) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В. Хохлова. – СПб., 2010. – 26 с.

229. Хроленко, А.Т. Этнос – язык — культура [Текст] / А.Т. Хроленко. – Курск: Изд-во Курск. госпед. ун-та, 1996. – 114 с.

230. Хроленко, А.Т. Лингвокультуроведение [Текст] / А.Т. Хроленко. – Курск: Изд-во Курск, госпед ун-та, 2000. – 167 с.

231. Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии: учеб. пособие [Текст] / А.Т. Хроленко. – Изд. 1-5-е. – М.: Флинта: Наука, 2004–2009. – 217 с.

232. Хроленко А.Т. Язык фольклора: Хрестоматия [Текст] / А.Т. Хроленко. – 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2006. – 224 с.

233. Черепанова, О. А. Типология и генезис названий лихорадок-трясавиц в русских народных заговорах и заклинаниях [Текст] / О.А. Черепанова // Язык жанров русского фольклора: Межвуз. науч. сб. – Петрозаводск: Изд. ПГУ, 1977. – С. 44-57.

234. Чернышева, И. И. Фразеология современного немецкого языка [Текст] / И.И. Чернышева. – М.: Высш. шк., 1970. – 200 с.

235. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1969. – 230 с.
236. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. – М.: Русский язык, 1985. – 256 с.
237. Шаховский, В.И. Рецензия на книгу: Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий [Текст] / В.И. Шаховский // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 6. Вып. 2. – 2007. – С. 123-127.
238. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст]: дис. ... д. филол. наук. / Е.И. Шейгал. – Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2000. – 440 с.
239. Щелкунова, Е.С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: специфика и функционирование. Учебное пособие [Текст] / Е.С. Щелкунова. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 194 с.
240. Шаклеин, В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста [Текст] / В.М. Шаклеин. – М., 1997. – 184 с.
241. Шаховский, В.И. Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации [Текст] / В.И. Шаховский. // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности: сб. науч. трудов. – Волгоград: Центр, 2004. – С. 147-168.
242. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография [Текст] / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
243. Эмотивный код языка и его реализация: коллективная монография [Текст] / Волгоградский государственный социально-педагогический университет. Науч. ред. Шаховский В.И. – Издательство ВГПУ «Перемена», Волгоград. – 2003. – 174 с.
244. Юнг, К. Г. Архетип и символ [Текст] / К.Г. Юнг. – М., 1991. – 300 с.

245. Ягодова, А.А. Принципы лингвокультурологического описания языковых единиц (на материале газетных заголовков) [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук. / А.А. Ягодова. – СПбГУ: СПб., 2003. – 255 с.

246. Ягунова, Е.В. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов [Текст] / Е.В. Ягунова, Л.М. Пивоварова. – Сб. НТИ. – М., 2010. – Сер.2, № 5. – с. 30-40.

247. Яковлева, Е.С. «К описанию русской языковой картины мира» [Текст] / Е.С. Яковлева // Русский язык за рубежом, 1996. – №1-2-3. – С. 47-56.

248. Firth, J. R. Selected papers of J.R. Firth, 1952-1959 / J.R. Firth. – London: Harlow, Longman, 1968. – 219 pp.

249. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. / W. Fleischer – 2. Aufl. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1997. – 299 pp.

250. Naciscione, Anita Phraseological Units in Discourse: towards Applied Stylistics. / Anita Naciscione. – Riga: Latvian Academy of Culture. – 2001. – 283 pp.

251. Naciscione, Anita Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse. / Anita Naciscione – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins. – 2010. – xiii – 292 pp.

Список словарей и условных сокращений их наименований

1. Акуленко, В.В. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» [Текст] / В.В. Акуленко. – М., 1969. – 384 с.

2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.

3. Безрукова, В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) [Текст] / В.С. Безрукова. – Екатеринбург., 2000. – 937 с.
4. Большая энциклопедия русского народа. / Институт русской цивилизации [Электронный ресурс]: URL: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=6652> (дата обращения: 16.01.2017)
5. Брокгауз, Ф.А., Ефрон, И.А. Энциклопедический словарь [Текст] / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1890-1907. – 480 с.
6. Брокгауз, Ф.А., Ефрон, И.А. Малый энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб, 1907-1909. – URL: <http://slovari.yandex.ru/> (дата обращения 23.03.2014)
7. Брокгауз, Ф.А., Ефрон, И.А. Энциклопедия [Текст] / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – М., 2002. – С. 543.
8. БЭС 1997: Большой экономический словарь [Текст] / А.Н. Азрилиян. – М.: Институт новой экономики, 1997. – 864 с.
9. Влавацкая, М.В. Комбинаторная лексикология: функционально-семантическая классификация коллокаций [Текст] / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 11(53): в 3-х ч. Ч. I. – С. 56-60.
10. Ганич, Д.И., Олейник, И.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Д.И. Ганич, И.С. Олейник. – М.: Высшая школа., 1985. – 360 с.
11. Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 ч. [Текст] / Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.В. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та. Семантический словарь общеиндоевропейского языка. – Ч. II. – 1984. – 1330 с.

12. Готлиб, К.Г.М. Словарь ложных друзей переводчика (русско-немецкий и немецко-русский) [Текст] / К.Г.М. Готлиб. – М.: Русский язык, 1985. – 160 с.
13. Гукасьян 2007: Экономика от А до Я: Тематический справочник [Текст] / Г. М. Гукасьян.– М.: Инфра-М, 2007. – 480 с.
14. Гукова, Л.Н., Фомина, Л. Ф. Художественная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина: Словарь. Пособие для учителя [Текст] / Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина. – Одесса: Астропринт, 2004. – 192 с.
14. Джемилева, З.З. Языковая номинация как составная часть системной организации языка [Текст] / З.З. Джемилева // Новости филологии, 2009. – № 36. – 211-214 с.
15. Доброе слово: Словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XIX – XX вв. [Текст] / А.Г. Балакай. – Кемерово, 1999. – 310 с.
16. Есин, А.Б. Краткий словарь литературных терминов [Текст] / А.Б. Есин. – М., 2003. – 248 с.
17. Ермакова, О.П., Земская, Е.А., Розина, Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: Ок. 450 слов [Текст] / О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина // Под общим руководством Р.И. Розиной. – М.: Азбуковник, 1999. – 320 с.
18. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 13.02.2017)
19. Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь [Текст] / А.А. Акишина, Х. Кано, Т.Е. Акишина. – М., 1991. – 146 с.
20. Зимин, В.И. Русские пословицы и поговорки: учебный словарь [Текст] / В.И. Зимин. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 320 с.

21. Иванников, С.А. Словарь русского языка [Текст] / С.А. Иванникова. – СПб., 1998. – 813 с.
22. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст] / Под ред. П.Я. Черных. – М., 1993: 2-е изд., 1994. – 1182 с.
23. Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов [Текст] / М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
24. Комбинаторный словарь английского языка [Текст] / М. Бенсон, Э. Бенсон, Р. Илсон. – М.: Рус. яз., 1990. – 286 с.
25. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: функционально-когнитивный словарь [Текст] / Под ред. В.И. Убийко. – Изд-е Башкирского университета. – Уфа, 1998. – 147 с.
26. Котляков 2006: Словарь современных географических названий [Текст] / Под редакцией акад. В.М. Котлякова. – Московский центр Российского географического общества. – Екатеринбург, Издательство «У-Фактория», 2006. – 832 с.
27. Краткий словарь эпитетов русского языка [Текст] / Под ред. Н.В. Ведерникова. – Л., 1975. – 190 с.
28. Кубрякова, Е.С., Демьянков, В.З., Лузина, Л.Г., Панкрац, Ю.Г. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Л.Г. Лузина, Ю.Г. Панкрац. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
29. Кузнецов, С.А. Современный толковый словарь русского языка [Текст] / С.А. Кузнецов. – СПб: 2001. – 960 с.
30. Кураков и др. 2004: Экономика и право: словарь-справочник [Текст] / Л.П. Кураков, В.Л. Кураков, А.Л. Кураков. – М.: Вуз и школа, 2004. – 868 с.
31. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов. В 2-х т. [Электронный ресурс] / М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель // Под ред.

Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. 1925. – URL: http://literary_terms.academic.ru/498 (дата обращения: 07.02.2017)

32. Лингвострановедческий словарь: Народное образование в СССР [Текст] / Под ред. М.А. Денисовой. – М., 1978. – 277 с.

33. Литературная энциклопедия. В 11 т.; [Электронный ресурс] / М.: Издательство Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература // Под редакцией В.М. Фриче, А.В. Луначарского. 1929-1939. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3845 (дата обращения: 07.02.2017)

34. Лопатников 2003: Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки [Текст] / Л. И. Лопатников. – М.: Дело, 2003. – 520 с.

35. Макаров В.И., Матвеева Н.П. От Ромула до наших дней. Словарь лексических трудностей художественной литературы [Текст] / В.И. Макаров, Н.П. Матвеева. – М.: Былина, 1993. – 368 с.

36. Марканова, Ф.А. Словарь народно-разговорной лексики и фразеологии, составленный по собранию сочинений И. С. Тургенева [Текст] / Ф.А. Марканова. – Ташкент, 1968. – 693 с.

37. МАС: Малый академический словарь. Словарь русского языка в 4-х томах [Электронный ресурс] / М., Русский язык, 1999. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 17.01.2017)

38. Моисеев и др. 1985: Моисеев А.В., Петросян К.Ц., Пилипенко Н.Н. Экономический словарь-справочник [Текст] / А.В. Моисеев, К.Ц. Петросян, Н.Н. Пилипенко. – М.: Просвещение, 1985. – 256 с.

39. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русских поговорок [Текст] / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 785 с.

40. Новиков, А. Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики) [Текст] / А.Б. Новиков. – М.: Русский язык Медиа, 2004. – 352 с.
41. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/1706.html> (дата обращения: 17.01.2017)
42. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 2010. – 736 с.
43. Палажченко, П.Р. Мой несистематический словарь [Текст] / П.Р. Палажченко. – Серия: Библиотека лингвиста. Издательство: Р. Валент ООО. – 2002. – 304 с.
44. Петровский, 1925: Словарь литературных терминов: В 2-х т. [Текст]/ Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. – М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. – 576 с.
45. Прохоров, А.М. Большая Российская энциклопедия [Текст] / А.М. Прохоров. – М., 1999. – 944 с.
46. Райзберг и др. 1999: Райзберг, Б.А., Лозовский, Л.Ш., Стародубцева, Е.Б. Современный экономический словарь [Текст] / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. – 479 с.
47. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты [Текст] / В.П. Руднев. – М., 1997. – 384 с.
48. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь [Текст]: / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – ИТДГК Гнозис, Москва, 2004. – 318 с.
49. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) [Текст] / Под ред. В.В. Морковкина и А.В. Морковкиной. – Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М., 1997. – 414 с.

50. Русский ассоциативный словарь. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 15.12.2016)
51. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь [Текст] / В.П. Фелицына, В.М. Мокиенко // Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. – М.: Русский язык, 1990. – 220 с.
52. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь [Текст] / И.С. Брилёва, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2004. – Вып. первый. – 318 с.
53. СД: Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Тома II,III,V. [Текст] / М.: Международные отношения, 1999, 2004, 2012.
54. Серов, В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Текст] / В.В. Серов. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 852 с.
55. Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка» [Электронный ресурс] / О.Л. Бирюк, В.Ю. Гусев, Е.Ю. Калинина. – 2002. – URL: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php (дата обращения: 17.01.2017).
56. Словарь сочетаемости слов русского языка [Текст] / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М., Русский язык, 1978. – 688 с.
57. Словарь сочетаемости слов русского языка. Около 2500 словарных статей [Текст] / Денисов, П.Н., Морковкин, В.В. 2-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1983. – 688 с.
58. Словарь сочетаемости слов русского языка [Текст] / Под ред. П.Н. Денисова, В. В. Морковкина; 3-е изд. – М., Русский язык, 2002. – 816 с.
59. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени [Электронный ресурс].– URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 17.01.2017)
60. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя [Текст] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М: Просвещение, 1985 – 399 с.

61. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова [Текст] / Под ред. Н.Н. Перцовой. – Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 40, Вена – Москва, 1995. – 560 с.
62. Словарь синонимов: Словарь синонимов [Электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (дата обращения: 12.12.2016)
63. Солганик, Г.Я. Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения [Текст] / Г.Я. Солганик. – М.: 2004. – 749 с.
64. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Академ. проект, 2001. – 990 с.
65. Тимофеев, Л.И., Тураев, С.В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
66. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь [Электронный ресурс] / Д.Н. Ушаков. – URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 04.02.2017)
67. Чернец, Л.В. Школьный словарь литературоведческих терминов [Текст] / Л.В. Чернец. – М., 2002. – 556 с.
68. Шанский, Н.М. Этимологический словарь русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. – М.: Московский университет, 1965. – Т. I. Вып. II. Б. – 271 с.
69. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов [Текст] / Н.Ю. Шведова. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. – 1175 с.
70. Шулежкова, С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства. Более 1000 крылатых выражений [Текст] / С.Г. Шулежкова. – М.: Азбуковник, издательство «Русские слова-ри», 2003. – 430 с.
71. Энциклопедия знаков и символов: Энциклопедия знаков и символов [Текст] / Д. Фоли. – М.: Вече, 1997. – 512 с.
72. Этимологический словарь славянских языков [Текст] / Под ред. О.Н. Трубачёва. М., 1974-1997. – Вып. 1-24.

73. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь [Текст] / Под ред. В.С. Елистратова. – М.: Русские словари, 1997. – 704 с.

74. Harold E. Palmer. A Grammar of English Words. Longman, 1938. – 300 p.

www.yandex.ru – Поисковая система

www.google.ru – Поисковая система

www.ruscorpora.ru – Национальный корпус русского языка

Приложение 1

Образцы словарных статей

ПЕРИФРАЗЫ

§ ГОСУДАРСТВО

РОССИЯ

Дом ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ книжн., одобр.

- Россия как место пребывания Пресвятой Богородицы, как государство, находящееся под защитой Пресвятой Богородицы, православное государство. Это выражение может употребляться в качестве характеристики религии описываемой страны (Белоруссии, Украины).
- ∅ *Пресвятая* – превышающая всех в святости (употр. как постоянный эпитет при словах: Бог, Богородица и т.п.; *Богородица* – Дева Мария, мать Иисуса Христа, Богоматерь; *дом* символизирует центр мира, замкнутость и защиту.
- ✓ Лингвокультурологическая ценность ПЕ *Россия – Дом Пресвятой Богородицы* заключается в том, что русские воспринимают Россию не просто как православную христианскую страну, но как место,

предназначенное для Божией Матери – Пресвятой Богородицы. В данной перифразе нашла отражение особая духовность почитания Богородицы, свойственная православной традиции. Именно Православная Церковь провозгласила Пресвятую Деву Марию Матерью Божией на Третьем Вселенском соборе в Эфесе в 431 году. Пресвятая Дева Мария, как Мать Спасителя, предстательствует перед ним за все человечество и считается заступницей рода человеческого. Контексты свидетельствуют о том, что в сознании современного русского человека произошло упрощение образа Богородицы, которая воспринимается как заступница не всего православного мира, а лишь одной из православных стран – России.

& Покров Божией Матери, простертый над осажденным Константинополем, не столько привел к военному поражению язычников, сколько принес им духовную пользу. Их потомки, приняв крещение в водах Днепра, из многочисленных разрозненных племен, живших на Восточно-Европейской равнине, собрали и построили великое государство Русь – ту самую Россию, которая стала *Домом Пресвятой Богородицы*. Божия Матерь не раз сохраняла наш народ и Церковь в дни великих потрясений. И сегодня мы молитвенно обращаемся к Ней: «Радуйся, Радосте наша, покрой нас от всякого зла честным Твоим омофором!» Коммерсантъ, №189 от 14.10.2015.

✚ См.: *страна православия, страна Достоевского, страна Толстого, страна Чайковского.*

§ ГОСУДАРСТВО РОССИЯ

РОДИНА СЛОНОВ разг., неодобрит.

- Россия как государство, которое необоснованно претендует на разного рода изобретения и заявляет, что что-либо впервые появилось именно на его территории. Выражение может употребляться как реакция на чье-либо необоснованное заявление о достижениях России.
- Ø Россия – холодная страна и не может быть родиной слонов. Примерно 65% территории России находится в зоне вечной мерзлоты. В январе средние температуры достигают минут 50 градусов Цельсия, в июле не поднимаются выше 25 градусов. При этом естественное место обитания слонов - тропическая Африка и Азия. *Родина* – здесь: «место зарождения, произрастания чего-л.».
- ✓ Лингвокультурологическая ценность ПЕ *Россия – родина слонов* заключается в том, что она демонстрирует умение русских относиться к себе и своей стране с самоиронией, которая помогает преодолевать жизненные сложности, связанные не только с холодным климатом.
  - & После фразы партийного лидера о том, что мы, русские, понимаем Гамлета лучше англичан, уже не надо произносить «*Россия – родина слонов*». Независимая газета, 24.04.2014.

✚ См.: *Верхняя Вольта с ядерными боеголовками, Нигерия под снегом.*

■ ГОРОД

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

СЕВЕРНАЯ ПАЛЬМИРА возвыш.

- Санкт-Петербург (ранее – Ленинград).

∅ В основе выражения лежит скрытое сравнение: архитектура и красота расположенного на севере Санкт-Петербурга сравнивается с архитектурой и красотой расположенного в сирийской пустыне города Пальмира. Пальмира была построена в традициях классической архитектуры Древнего Рима. Еще одним основанием для сравнения можно считать тот факт, что Пальмира располагается в оазисе среди пустыни. Санкт-Петербург в первые годы своего существования также располагался среди относительно безлюдной, бесплодной местности. Авторство выражения приписывается русскому литератору и издателю Ф.В. Булгарину (1789-1859). В XVIII веке употреблялось и другое, похожее, выражение *Пальмира Севера*.

✓ Лингвокультурологическая ценность ПЕ *Санкт-Петербург – северная Пальмира* заключается в том, что выражение свидетельствует о мотивах русского человека при выборе сравнения. Для неофициального наименования Санкт-Петербурга русские используют сравнение с красивым сирийским городом, который символизирует для них изысканную архитектуру и красоту.

& История, архитектура, аура – Северную Пальмиру невозможно не полюбить. Новые известия, 10.06.2009.

✚ См.: *Северная Венеция, Северная столица*.

■ ГОРОД

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ГОРОД БЕЛЫХ НОЧЕЙ *возвыш.*

- Санкт-Петербург (ранее – Ленинград).

∅ В данном выражении *белый* означает *светлый*. В Санкт-Петербурге ежегодно с мая по июль случается красивое, но нетипичное природное явление: ночью не наступает темнота. Образ белых ночей встречается во многих поэтических, прозаических и музыкальных произведениях. См., например, повесть Ф.М. Достоевского «Белые ночи» (1848), рассказ А.И. Куприна «Блондель» (1933), песня группы ДДТ «Белая ночь» (1995).

✓ Лингвокультурологическая ценность ПЕ *Санкт-Петербург – город белых ночей* заключается в том, что образ белых ночей является инструментом чувственного познания особенностей Санкт-Петербурга.

& В Петербурге, на сцене театра-фестиваль «Балтийский дом» в течение всего июля проходит беспрецедентный гастрольный показ спектакля–мюзикла «Алые паруса». С 1 по 26 июля москвичи показывают «русский мюзикл» петербуржцам и гостям *города белых ночей*. Трибуна, 21.07.2015.

✚ См.: *Северная Пальмира, Северная столица*.

КОЛЛОКАЦИИ

■ СОЦ.-ПОЛИТ.

ТРУДОВАЯ БИОГРАФИЯ

- Описание чьей-л. трудовой деятельности в течение жизни.
- ∅ Труд следует отличать от работы. Работают по принуждению (скот, станки), трудятся (осознанно, по своей воле) свободные люди.
- ✓ Лингвокультурологическая ценность коллокации *трудовая биография* заключается в том, что она отражает фрагмент российской

истории, культуру отношения к труду. В СССР существовал своего рода культ труда. Граждане, которые сознательно уклонялись от общественно полезного труда, преследовались по закону. И в СССР, и в современной России принято считать, что труд большинства людей плохо оплачивается. Возможно, этим частично объясняется нежелание некоторых хорошо и много трудиться.

& В *трудовой биографии* А.Н. Цуканова – множество реализованных проектов, уникальных как по своей сложности, так и по размаху. Среди построенных объектов – Сургутский государственный университет, Сургут-нефтегазбанк, Дворец культуры «Энергетик», детский сад «Лебедушка», школа в поселке Кедровом и многие другие. Московский комсомолец – Югра, 04.11.2015.

+ См.: *героическая биография; биография завода, биография института, глава в биографии стройки.*

■ СОЦ.-ПОЛИТ.

БАСНОСЛОВНОЕ БОГАТСТВО

- Необыкновенно большое количество денег, имущества, ценностей. Коллокация выступает символом материального благополучия.
- Ø *Баснословный* – собственно русское слово – настолько большой, что не верится, как в сказке. Под *богатством* понимается обилие материальных ценностей, в первую очередь, денег.
- ✓ Лингвокультурологическая ценность коллокации *баснословное богатство* заключается в том, что оно представляется чем-то

удивительным, излишним, ненормальным, если речь идет о материальном благополучии. В то же время, если под *баснословным богатством* понимается нечто нематериальное (богатство языка, мыслей, чувств), то значение чрезмерности приобретает положительный оттенок. В России сложилось иное, чем в Европе и США, отношение к богатству. Для западного человека свобода связана с деньгами, для русского свобода – это независимость от денег. В народной культуре существует неоднозначное отношение к богатству: с одной стороны, большие деньги свидетельствуют о благосклонности Бога, с другой – считается, что богатство неотделимо от греха.

& На глазах у народа вскрываются *баснословные богатства* нашего истеблишмента. Эта невероятная роскошь – виллы, дворцы, часы, яхты, поездки. И это производит ощущение безумия. Русская служба новостей, 22.09.2015.

✚ См.: *идейное богатство; богатство чувств, богатство слов.*

ЭВФЕМИЗМЫ

■ ЭКОНОМИКА

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ЦЕН

- Повышение цен.

Ø Под *либерализацией* принято считать снятие ограничений, предоставление свободы. Этот компонент может ввести в заблуждение: образ эвфемизма воспринимается позитивно из-за, в целом, положительного отношения к либерализации как к свободе. К тому же,

латинское происхождение слова *либерализация* камуфлирует значение эвфемизма. Выполняет манипулятивную функцию.

✓ Лингвокультурологическая ценность эвфемизма *либерализация цен* заключается в том, что его способность ввести читателя в заблуждение во многом основывается на эпизодах российской истории. Либеральные реформы Александра II (отмена «русского рабства» – крепостного права, введение в судебный процесс адвокатов, учреждение земств – органов местного самоуправления и многое другое), целая группа интеллектуалов, государственных деятелей либерального толка (Г.Р. Державин, М.М. Сперанский, П.Н. Милюков, А.Д. Сахаров, Ю.Н. Афанасьев и многие другие) способствовали созданию в целом положительного отношения ко всему, что связано с либерализмом.

& В 90-х *либерализация цен* привела к невероятному росту инфляции – цены подскочили. Независимая газета, 21.10.2014.

✚ См.: *регулирование цен; изменение ценовой политики; свободные цены.*

■ ЭКОНОМИКА

КОРРЕКЦИЯ НА (КАКОМ-Л.) РЫНКЕ

- Обесценивание чего-л.

Ø Под *коррекцией* принято понимать исправление чего-л. *Рынок* – здесь: сфера товарооборота. Образ эвфемизма воспринимается на фоне положительного отношения к коррекции как к исправлению чего-л. См., корректор – тот, кто исправляет ошибки в тексте; коррекция

зрения – улучшение зрения с помощью медицинской техники. Латинское происхождение слова *коррекция* камуфлирует значение выражения. Выполняет манипулятивную функцию.

✓ Лингвокультурологическая ценность эвфемизма *коррекция на каком-л. рынке* заключается в том, что в России, пережившей за последние двадцать лет три экономических кризиса, власти и журналисты стараются не распространять панику. Когда на рынке обесцениваются акции государственных или связанных с государством компаний, это, как правило, носит временный характер. Поэтому власти и журналисты используют эвфемизм *коррекция*.

& На следующей неделе будет достаточно поводов для небольшой *коррекции на валютном рынке*. Мы видим несколько причин для ослабления рубля: заседание ФРС, исчерпание позитивного эффекта от смягчения политики со стороны ЕЦБ и Китая, а также возможное снижение ставки Банком России в пятницу. Коммерсантъ, 23.10.2015.

✚ См.: *либерализация цен, индексация цен*.

Приложение 2

Список отобранных для анализа единиц

Коллокации

(Единицы из: Толковый словарь «Язык газеты, радио, телевидения» под ред. Г.Я. Солганика, 2008. В скобках указано количество употреблений в НКРЯ и сервисе «Яндекс.Новости».)

«А»

- 1) аборигены Австралии (5; ок. 50)
- 2) боевой авангард (3; ок. 30)

- 3) политическая / военно-политическая авантюра (1; ок. 50)
- 4) военная авантюра (8; ок. 50)
- 5) экономическая авантюра (0; ок. 50)
- 6) политика военных авантюр (0; ок. 20)
- 7) политический авантюризм (1; ок. 50)
- 8) ад войны (4; ок. 15)
- 9) армия безработных (26; ок. 10)
- 10) агенты ЦРУ (33; ок. 50)
- 11) агенты Моссад (2; ок. 50)
- 12) террористический акт (255; ок. 300)
- 13) партийный актив (12; ок. 150)
- 14) профсоюзный актив (2; ок. 100)
- 15) военная акция (36; ок. 5)
- 16) пещерный антисоветизм (0; ок. 20)
- 17) социальная апатия (6; ок. 15)
- 18) домашний арест (407; ок. 500)
- 19) психологическая атака (18; ок. 15)
- 20) политический аванс (1; ок. 50)
- 21) политическая авансцена (0; ок. 50)
- 22) творческая автобиография (0; ок. 20)
- 23) игральный / игровой автомат (4; 7; ок. 10; ок. 50)
- 24) тайный агент (13; ок. 50)
- 25) информационное агентство (1041; ок. 1500)
- 26) наглядная агитация (43; ок. 50)
- 27) акты агрессии (8; ок. 50)
- 28) ажиотаж вокруг чего-л. (458; ок. 500)
- 29) предпраздничный ажиотаж (7; ок. 50)
- 30) спортивный азарт (35; ок. 50)
- 31) азы мастерства (7; ок. 30)

- 32) под аккомпанемент чего-л. (283; ок. 300)
- 33) заключительный аккорд (21; ок. 100)
- 34) акт гуманизма (4; ок. 50)
- 35) агрессивные акты против кого-л. (0; ок. 10)
- 36) акт терроризма (17; ок. 50)
- 37) акт насилия (18; ок. 50)
- 38) акты агрессии (8; ок. 60)
- 39) политическая активность (59; ок. 150)
- 40) актуальность проблемы (22; ок. 50)
- 41) акулы бизнеса (17; ок. 50)
- 42) веский аргумент (50; ок. 80)
- 43) мировая арена (0; ок. 100)
- 44) дружеская атмосфера (29; ок. 50)
- 45) атмосфера доверия (16; ок. 15)
- 46) государственный аппарат (69; ок. 5)

«Б»

- 47) правовой беспредел (30; ок. 50)
- 48) преступный беспредел (1; ок. 15)
- 49) экономический беспредел (0; ок. 10)
- 50) битва за урожай (19; ок. 50)
- 51) политический багаж (7; ок. 15)
- 52) новогодний бал (25; ок. 50)
- 53) языковой барьер (163; ок. 150)
- 54) полное беззаконие (5; ок. 10)
- 55) охранный бизнес (12; ок. 25)
- 56) трудовая биография (13; ок. 50)
- 57) предвыборный блок (28; ок. 10)

- 58) кровавая бойня (24; ок. 50)
- 59) бюрократическое болото (2; ок. 20)
- 60) бойкот выборов (13; ок. 20)
- 61) налоговое бремя (235; ок. 150)
- 62) счастливое будущее (49; ок. 10)
- 63) экономический бум (40; ок. 25)
- 64) непримиримая борьба (18; ок. 50)
- 65) политическая борьба (125; ок. 50)

«В»

- 66) трудовая вахта (4; ок. 50)
- 67) попутный ветер (45; ок. 50)
- 68) ветеран войны (180; ок. 150)
- 69) ветеран труда (188; ок. 100)
- 70) демографический взрыв (57; ок. 60)
- 71) национальный вопрос (178; ок. 5)
- 72) демографический взрыв (57; ок. 60)
- 73) вспышка активности (8; ок. 20)
- 74) актуальный вопрос (99; ок. 150)
- 75) правовой вакуум (45; ок. 20)
- 76) трудовая вахта (4; ок. 50)
- 77) взрыв негодования (27; ок. 10)
- 78) виток инфляции (15; ок. 80)
- 79) новый виток гонки вооружений (11; ок. 50)
- 80) весомый вклад (203; ок. 50)
- 81) водоворот жизни (0; ок. 25)
- 82) водоворот событий (6; ок. 50)
- 83) людской водоворот (5; ок. 30)

- 84) волна протестов (70; ок. 50)
- 85) волна террора (17; ок. 50)
- 86) волна арестов (15; ок. 20)
- 87) спорный вопрос (129; ок. 50)
- 88) женский вопрос (19; ок. 10)
- 89) хорошее впечатление (261; ок. 15)
- 90) нет другого выбора (47; ок. 10)
- 91) правильный выбор (419; ок. 150)
- 92) волна протестов (70; ок. 100)

«Г»

- 93) шахтерская гвардия (0; ок. 10)
- 94) гонка вооружений (65; ок. 140)
- 95) авторитарное государство (13; ок. 50)
- 96) тоталитарное государство (29; ок. 70)
- 97) металлургический гигант (18; ок. 50)
- 98) голос разума (28; ок. 20)
- 99) горечь поражения (50; ок. 50)
- 100) новые горизонты (162; ок. 30)
- 101) полицейское государство (52; ок. 100)

«Д»

- 102) дефицит топлива (77; ок. 50)
- 103) революционное движение (30; ок. 50)
- 104) дефицит топлива (77; ок. 50)
- 105) революционное движение (30; ок. 50)
- 106) боевой дух (228; ок. 150)
- 107) дух авантюризма (8; ок. 50)

- 108) громкое дело (267; ок. 150)
- 109) успешный дебют (18; ок. 10)
- 110) конструктивный диалог (290; ок. 100)
- 111) мирный диалог (35; ок. 10)
- 112) политические дивиденды (115; ок. 30)
- 113) народная дипломатия (30; ок. 100)
- 114) проливной дождь (186; ок. 150)
- 115) семейная драма (55; ок. 50)

«Ж»

- 116) активная жизнь (17; ок. 15)
- 117) мирная жизнь (67; ок. 25)

«З»

- 118) высокое звание (107; ок. 50)
- 119) имперские замашки (12; ок. 100)
- 120) ближнее зарубежье (73; ок. 150)
- 121) дальнее зарубежье (188; ок. 200)
- 122) нравственное здоровье (23; ок. 30)
- 123) в знак протеста (1275; ок. 200)
- 124) в знак траура (40; ок. 70)
- 125) знание языков (45; ок. 50)
- 126) политическое значение (102; ок. 150)
- 127) историческое значение (85; ок. 100)
- 128) светлое завтра (17; ок. 10)

«И»

- 129) фашистское иго (0; ок. 15)

- 130) политическая игра (53; ок. 100)
- 131) авантюристические идеи (0; ок. 10)
- 132) скандально известный (235; ок. 250)
- 133) печально известный (101; ок. 100)
- 134) индустрия отдыха (5; ок. 50)
- 135) индустрия туризма (5; ок. 50)
- 136) надежный источник (49; ок. 15)
- 137) личные интересы (110; ок. 20)
- 138) интересы общества (57; ок. 20)
- 139) политические интересы (105; ок. 100)
- 140) исключение из правил (205; ок. 30)

«К»

- 141) избирательная кампания (484; ок. 500)
- 142) космический корабль (358; ок. 350)
- 143) экономический кризис (1120; ок. 1000)
- 144) кризис доверия (152; ок. 100)
- 145) политический капитал (123; ок. 50)
- 146) реальная картина (38; ок. 100)
- 147) политический климат (36; ок. 15)
- 148) психологический климат (78; ок. 50)
- 149) колесо истории (19; ок. 10)
- 150) кольцо блокады (11; ок. 50)
- 151) деловые круги (116; ок. 150)
- 152) молодежное крыло партии (20; ок. 100)
- 153) плавающий курс валюты (0; ок. 100)

«Л»

- 154) социальная лестница (0; ок. 50)
- 155) политические лидеры (86; ок. 15)
- 156) правовой ликбез (6; ок. 100)
- 157) экологический ликбез (0; ок. 60)
- 158) политическая линия (26; ок. 15)
- 159) нефтяное лобби (8; ок. 11)
- 160) беспардонная ложь (3; ок. 50)

«М»

- 161) высокое мастерство (43; ок. 10)
- 162) духовный мир (44; ок. 10)
- 163) предвыборный марафон (15; ок. 15)
- 164) марш протеста (52; ок. 20)
- 165) марш мира (13; ок. 15)
- 166) российский менталитет (52; ок. 20)
- 167) меры /мера наказания (273; ок. 70)
- 168) механизм управления (33; ок. 15)
- 169) внутренний мир человека (10; ок. 13)
- 170) животный мир (64; ок. 100)
- 171) траурный митинг (59; ок. 70)
- 172) общественное мнение (1766; ок. 1500)
- 173) муки творчества (22; ок. 20)
- 174) здравая мысль (20; ок. 20)
- 175) расхожее мнение (113; ок. 100)
- 176) мифы и реальность (52; ок. 50)

«Н»

- 177) вероломное нападение (7; ок. 40)

- 178) злостный неплательщик (21; ок. 150)
- 179) наследие прошлого (26; ок. 10)
- 180) боевой настрой (81; ок. 20)
- 181) серьезные неприятности (107; ок. 20)
- 182) нравственные нормы (19; ок. 15)
- 183) патологическая ненависть (3 ок. 20)

«О»

- 184) международная обстановка (31; ок. 30)
- 185) в обстановке секретности (26; ок. 50)
- 186) мировая общественность (79; ок. 100)
- 187) международная общественность (22; ок. 15)
- 188) парламентская оппозиция (76; ок. 100)
- 189) отряды боевиков (38; ок. 50)
- 190) жизненный опыт (335; ок. 100)
- 191) нездоровая обстановка (22; ок. 20)
- 192) непримиримая оппозиция (15; ок. 20)
- 193) жизненный опыт (335; ок. 350)
- 194) политический обозреватель (782; ок. 500)

«П»

- 195) асоциальное поведение (16; ок. 50)
- 196) авантюристическая политика (0; ок. 50)
- 197) космическое пространство (82; ок. 150)
- 198) порог бедности (24; ок. 30)
- 199) министерский портфель (33; ок. 80)
- 200) портфель заказов (212; ок. 150)
- 201) военный потенциал (92; ок. 40)

- 202) экономический потенциал (155; ок. 50)
- 203) творческий потенциал (136; ок. 150)
- 204) научный потенциал (103; ок. 100)
- 205) интеллектуальный потенциал (142; ок. 150)
- 206) поток автомобилей (41; ок. 100)
- 207) поток грузов (22; ок. 40)
- 208) поток информации (71; ок. 15)
- 209) уголовное преступление (185; ок. 150)
- 210) преступление против человечества (21; ок. 30)
- 211) художественный прием (20; ок. 10)
- 212) военное присутствие (285; ок. 150)
- 213) агрессивная политика (46; ок. 10)
- 214) активная жизненная позиция (31; ок. 100)
- 215) плод воображения (20; ок. 30)
- 216) гражданская позиция (145; ок. 50)
- 217) известный писатель (235; ок. 250)
- 218) массированная пропаганда (4; ок. 50)
- 219) непримиримые противоречия (17; ок. 30)
- 220) исторические параллели (61; ок. 50)
- 221) пассивная позиция (25; ок. 25)
- 222) мирные переговоры (121; ок. 50)
- 223) дипломатические переговоры (16; ок. 20)
- 224) бюджетный пирог (9; ок. 15)
- 225) пламенный привет (21; ок. 50)
- 226) плоды труда (15; ок. 20)
- 227) плоды больного воображения (1; ок. 50)
- 228) в политической плоскости (41; ок. 20)
- 229) моральная поддержка (55; ок. 30)
- 230) материальная поддержка (61; ок. 25)

- 231) патриотический подъем (16; ок. 50)
- 232) активная жизненная позиция (31; ок. 60)
- 233) душевный покой (64; ок. 40)
- 234) поле деятельности (162; ок. 15)
- 235) положение дел (1372; ок. 500)
- 236) положение страны (63; ок. 5)
- 237) затруднительное положение (84; ок. 15)
- 238) экономическое положение (283; ок. 150)
- 239) выгодное предложение (175; ок. 150)
- 240) предмет гордости (54; ок. 60)
- 241) проба сил (33; ок. 15)
- 242) актуальная проблема (46; ок. 25)
- 243) военное противостояние (18; ок. 15)
- 244) разительные перемены (29; ок. 30)
- 245) славное прошлое (36; ок. 60)
- 246) словесная перепалка (106; ок. 50)
- 247) хрестоматийный пример (29; ок. 15)
- 248) обвальная приватизация (0; ок. 15)

«Р»

- 249) авторитарный режим (52; ок. 50)
- 250) диктаторский режим (33; ок. 50)
- 251) рейтинг банков (5; ок. 50)
- 252) мировой рекорд (805; ок. 200)
- 253) абсолютный рекорд (334; ок. 150)
- 254) рост населения (53; ок. 20)
- 255) рост промышленности (56; ок. 30)
- 256) активная роль (26; ок. 70)

- 257) руководство к действию (179; ок. 10)
- 258) идеологические разногласия (28; ок. 50)
- 259) конструктивное решение (32; ок. 15)
- 260) развитие событий (1191; ок. 300)
- 261) раунд переговоров (345; ок. 300)
- 262) широкий резонанс (272; ок. 150)
- 263) победные реляции (45; ок. 100)
- 264) правильное решение (673; ок. 150)
- 265) удачное решение (45; ок. 15)
- 266) духовное родство (23; ок. 50)
- 267) рычаги давления (69; ок. 80)
- 268) экономические рычаги (79; ок. 25)
- 269) политические рычаги (19; ок. 10)

«С»

- 270) космическая станция (94; ок. 100)
- 271) преступный сговор (83; ок. 50)
- 272) демократические силы (59; ок. 20)
- 273) тревожные симптомы (43; ок. 100)
- 274) административно-командная система (0; ок. 20)
- 275) советская власть (368; ок. 400)
- 276) советский строй (31; ок. 50)
- 277) советское государство (42; ок. 50)
- 278) советская эпоха (16; ок. 15)
- 279) советский гражданин (31; ок. 10)
- 280) советская наука (12; ок. 10)
- 281) советская промышленность (11; ок. 10)
- 282) советская демократия (3; ок. 10)

- 283) советская идеология (11; ок. 15)
- 284) советский образ жизни (4; ок. 10)
- 285) клиническая смерть (44; ок. 60)
- 286) насильственная смерть (21; ок. 100)
- 287) спад производства (130; ок. 150)
- 288) спад активности (27; ок. 20)
- 289) ударная стройка (6; ок. 25)
- 290) административная система (20; ок. 10)
- 291) смещение акцентов (21; ок. 80)
- 292) беспрецедентный случай (126; ок. 50)
- 293) заказная статья (7; 80)
- 294) немая сцена (56; ок. 50)
- 295) политические события (122; ок. 150)
- 296) спектр вопросов (76; ок. 70)
- 297) политический спектр (27; ок. 80)

«Т»

- 298) семейная тайна (11; ок. 50)
- 299) ударные темпы (6; ок. 40)
- 300) белый террор (7; ок. 25)
- 301) красный террор (34; ок. 30)
- 302) международный терроризм (241; ок. 150)
- 303) национальные традиции (54; ок. 50)
- 304) ударный труд (46; ок. 15)

«У»

- 305) отразить удар (39; ок. 80)
- 306) активное участие (1517; более 300)

- 307) активный участник (142; ок. 100)
- 308) богатый урожай (75; ок. 50)
- 309) участники митинга (183; ок. 150)
- 310) немой укор (21; ок. 50)
- 311) устои общества (18; ок. 60)
- 312) уверенность в завтрашнем дне (160; ок. 150)
- 313) уверенность в победе (53; ок. 15)

«Ф»

- 314) культурный фронт (3; ок. 10)
- 315) идеологический фронт (0; ок. 15)
- 316) трудовой фронт (9; ок. 10)
- 317) большой футбол (224; ок. 10)

«Ц»

- 318) нефтяная целина (0; ок. 15)
- 319) курортная целина (0; ок. 15)
- 320) цвет интеллигенции (2; ок. 10)
- 321) живые цветы (99; ок. 50)

«Ч»

- 322) надводная часть айсберга (17; ок. 50)
- 323) видимая часть айсберга (27; ок. 50)
- 324) государственный человек (33; ок. 10)
- 325) чувство собственного достоинства (134; ок. 50)

«Ш»

- 326) штурм космоса (0; ок. 15)
- 327) литературный ширпотреб (0; ок. 15)
- 328) музыкальный ширпотреб (1; ок. 15)
- 329) голливудский ширпотреб (0; ок. 30)
- 330) антисоветский шабаш (0; ок. 15)
- 331) коричневый шабаш (0; ок. 15)
- 332) великодержавный шовинизм (7; ок. 80)
- 333) конкретные шаги (198; ок. 60)
- 334) серьезный шаг (226; ок. 50)
- 335) политическое шоу (44; ок. 35)

«Э»

- 336) контрреволюционные элементы (0; ок. 50)

«Я»

- 337) язык жестов (4; ок. 20)
- 338) идеологический ярлык (3; ок. 15)
- 339) язык цифр (3; ок. 20)
- 340) язык музыки (4; ок. 20)

Эвфемизмы группы «Экономика»

(Единицы из: Сеничкина, Е.П. «Словарь эвфемизмов русского языка» (М., 2008); Ковшова М.Л. «Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов» (М., 2007); собственная картотека автора. В скобках указано количество употреблений в НКРЯ и сервисе «Яндекс-Новости»).

Коррупция

- 1) антикоррупционное законодательство (вм. законодательство, освещающее проблемы борьбы со взяточничеством) (23; ок.50)
- 2) административная рента (вм. взятки и отступные, получаемые чиновниками) (5; ок. 80)
- 3) доходное место (вм. место незаконного обогащения. О занятиях, службе, приносящих прибыль путем взяток, поборов и т.п.) (29; ок. 5)
- 4) конвертные зарплаты (вм. часть заработной платы, скрываемая от налоговых органов)(1; ок. 7)
- 5) материальное стимулирование (вм. взятка) (2; 0)
- 6) статусная рента (вм. взятки и отступные, полученные чиновниками) (2; ок. 70)
- 7) кое-что предпринять (вм. подкупить должностное лицо дачей взятки) (0; 0)
- 8) известно что сделать (вм. подкупить должностное лицо дачей взятки)(0; 0)
- 9) для хорошего человека ничего не жалко (шутливое выражение при даче взятки) (0; 2)
- 10) у него большая семья (шутливые объяснения, почему берется взятка) (0; 0)

Воровство

- 11) лазить по карманам (вм. воровать) (1; ок. 50)
- 12) небрежным (небрежен) с чужими деньгами быть (являться и т.п.) (вм. красть) (0; ок. 2)
- 13) несанкционированный отбор (газа) (вм. воровство газа) (55; ок. 70)
- 14) нецелевое использование (употребление, расходование) бюджетных средств (вм. воровство по месту службы) (105; ок. 150)
- 15) пострадавшие вкладчики (вм. обманутые вкладчики) (5; ок. 50)

Нелегальная заработная плата

16) серые зарплаты (вм. нелегальные зарплаты, без налогов; их выдают в конвертах сотрудникам предприятий или организаций, минуя налоги и документацию) (44; ок. 100)

17) зарплата в конвертах (вм. незаконная зарплата) (8; ок. 100)

Повышение цен

18) покупательская способность населения несколько уменьшилась (вм. повышение цен) (0; ок. 50)

19) деньги становятся дешевле (вм. повышение цен) (0; ок. 10)

20) изменение ценовой политики (повышение цен) (2; ок. 10)

21) регулирование цен (вм. повышение цен) (2; 0)

22) либерализация цен (вм. повышение цен) (29; ок. 50)

23) освобождение цен (вм. повышение цен) (2; 0)

24) свободные цены (вм. повышение цен) (33; 0)

25) непопулярные меры (вм. повышение цен) (83; ок. 50)

Понижение цен (дешево)

26) специальные цены (вм. низкие цены) (21; ок. 10)

27) разумная цена (вм. дешево, недорого) (9; ок. 50)

28) экономический класс (вм. дешево, низкая цена) (8; ок. 15)

29) эконом-класс (вм. недорогие, относительно дешевые) (0; ок. 150)

30) по разумной цене (вм. дешево, недорого) (27; ок. 50)

31) территория низких цен (дешево) (1; ок. 10)

Бедность

32) материальные вопросы, материальные проблемы (проблемы, обусловленные недостатком денег) (71; ок. 150)

- 33) нуждаться в средствах (вм. нуждаться в деньгах, бедствовать) (4; ок. 20)
- 34) ограниченные средства, ограниченное состояние и т.п. (вм. недостаток денег, бедность) (3; ок. 10)
- 35) стесненный в средствах (вм. бедный) (5; ок. 20)
- 36) стесняться (стесниться) в средствах (в деньгах и т.п.), средствами (деньгами и т.п.) (вм. быть (стать) бедным, испытывать (испытать) нужду) (3; ок. 15)
- 37) затруднения (денежные, экономические, финансовые) (вм. обеднение, бедствование) (92; ок. 100)
- 38) страны третьего мира (вм. отсталые в экономическом отношении, бедные страны) (90; ок. 150)
- 39) материальные вопросы, материальные проблемы (проблемы, обусловленные недостатком денег) (71; ок. 150)
- 40) карман тощий, пустой у кого-л. (вм. кто-л. беден, не имеет достаточно денег)
- 41) карманная чахотка (вм. безденежье) (0; ок. 5)
- 42) социально не защищенные (слои населения) (вм. бедняки, беднота) (2; ок. 60)
- 43) социальное неблагополучие (вм. сиротство, бедность, преступность, алкоголизм и т.п.) (5; ок. 25)
- 44) социально недопривилегированный (вм. бедный) (0; 0)
- 45) маргинальная личность (вм. бедняк, бездомный) (0; ок. 30)
- 46) маргинальные слои населения (вм. неимущие, бездомные) (5; ок. 70)
- 47) малоимущие граждане (бедные) (37; ок. 50)
- 48) экономически незащищенные (бедные) (0; ок. 15)
- 49) свободные от работы руки (безработные) (0; 0)

50) уровень прожиточного минимума (минимальный, обеспечивающий возможность питаться и оплачивать жилищно-коммунальные услуги) (18; ок. 60)

Богатство, обеспеченность

51) Человек со средствами (богатый человек; миллионер) (0; 1)

Помощь

52) материальная помощь (вм. денежная помощь) (240; ок. 300)

53) материальное стимулирование (вм. денежная премия, денежная выплата и т.п.) (24; ок. 80)

Разного рода махинации

54) итальянская бухгалтерия (вм. бухгалтерия, основанная на обмане, нарушениях, двойная бухгалтерия) (0; ок. 30)

55) теневая экономика (вм. сфера незаконного производства и реализации товаров, финансовых махинаций и т.п.) (55; ок. 150)

56) теневой бизнесмен (вм. бизнесмен, занимающийся незаконной предпринимательской деятельностью) (0; ок. 5)

57) теневой рынок (вм. незаконная сфера обращения продуктов и капиталов) (60; ок. 100)

58) черные деньги (вм. доходы, скрытые от налогообложения; вообще о доходах, полученных незаконным путём, с нарушением законодательства) (5; ок. 5)

59) черный рынок (138; ок. 150)

60) серая экономика (1; ок. 15)

61) налоговая гавань (1; ок. 10)

62) черная биржа (вм. рынок нелегальных товаров: наркотиков, оружия и т.п.) (0; ок. 5)

63) непрозрачность финансирования (сокрытие источников финансирования и доходов от налогообложения) (0; ок. 15)

Другое

64) виртуальная зарплата (вм. крайне низкая, почти нереальная зарплата – по Сеничкиной), сегодня употребляется в значении: нереально высокая (НКРЯ: 2) или в значении: невыплаченная (Яндекс-Новости: ок. 5)

65) на безвозмездной (благотворительной) основе (вм. бесплатно) (212; ок. 300)

66) на общественных началах (вм. бесплатно) (363; ок. 350)

67) по финансовым вопросам (проблемам, причинам и т.п.) (вм. из-за денег, из-за плохого обеспечения деньгами) (70; ок. 10)

68) применять (применить) санкции (вм. наказывать (наказывать) экономически, применять (применить) экономическую блокаду) (74; ок. 150)

69) товары повышенного спроса (вм. дефицитные товары) (0; ок. 5)

70) финансовые ресурсы (вм. деньги) (391; ок. 400)

Окказиональные эвфемизмы, заменяющие абсценную фразеологию

71) Засуньте свои санкции в Европу по самые США (0; 3)

72) А этот болт мы кладём на ваши санкции (на фото С. Лавров с огромным металлическим болтом в руках) (0; 3)

73) Санкции?! Не смешите мои искандеры! (0; ок. 25)

74) Мимо домика Европы я без шуток не хожу, то железо ей подсуну, то ей паспорт покажу! (Порошенко с обломками самолёта и русскими паспортами). Частушка: мимо тёщина окошка// я без шуток не хожу://то ей <...> в окно засуну,// То ей <...> покажу/ (0; 3)

75) Пошел «Кировлесом» (0; 3)

76) Да и Shell бы он на... (0; 1)

- 77) МСУ: местное самоуправление на три буквы (0; 2)
78) Миллионы на три буквы (о расходах спортклуба СКА) (0; 1)

Топонимические перифразы

(Единицы из: «Словарь перифраз русского языка» Новиков, А.Б., 2004; «Очерки по русской перифрастике» Бытева, Т.И., 2008; а также из собственной картотеки автора. В скобках указано количество употреблений в НКРЯ и сервисе «Яндекс.Новости»).

Тематическая классификация отобранных перифрастических единиц

Локальный признак

- стороны света, суша, ландшафты:

Прямое значение

регионимы – названия федеральных округов и регионов

- 1) Лесная страна – *устар.* - (Северное побережье Скандинавии) (0;
0)

астионимы – названия городов

- 2) Берега Невы – *устар.* - (г. Санкт-Петербург) (0; 0)
3) Город на Неве (г. Санкт-Петербург) (162; ок. 200)
4) Город на Рейне (Дюссельдорф) (0; ок. 5)
5) На берегах Гудзона – *устар.* - (Нью-Йорк) (1; 0)
6) Город на Темзе (Лондон) (0; ок. 5)
7) Город на Дунае (Будапешт, Венгрия) (1; ок. 5)
8) Город на Волхове (Новгород) (0; ок. 10)
9) Город на Днепре (Киев) (2; ок. 10)
10) Город на Енисее (Красноярск) (4; ок. 50)
11) Южная столица [России] (Ростов-на-Дону) (0; ок. 20)
12) Город на Гудзоне (Нью-Йорк) (1; ок. 15)
13) Заполярная столица (Норильск) (0; ок. 10)

- 14) Столица Сибири (Новосибирск) (10; ок. 50)
15) Сибирская столица (Новосибирск) (0; ок. 5)

названия материков и континентов

- 16) Ледовый (ледяной) континент (Антарктида) (1; ок. 50)
17) Южнополярный континент – *устар.* - (Антарктида) (0; 0)
18) Южнополярный материк – *устар.* - (Антарктида) (0; 0)

названия государств

- 19) Край озер и янтаря – *устар.* - (Литва) (0; 0)
20) [Наш] северный сосед (Швеция, Финляндия) (0; ок. 70)
21) [Наш] северный сосед (Финляндия) (0; ок. 70)
22) Альпийская республика (Австрия) (2; ок. 50)

Метафорическое значение

астионимы – названия городов

- 23) Молодой город на Енисее – *устар.* - (Лесосибирск) (0; 0)
24) Город у дивных гор – *устар.* - (Дивногорск) (0; 3)

названия орографических объектов – гор, хребтов, возвышенностей и т.д.

- 25) Каменные войска – *устар.* - (Скалистые горы Зангезура, Армения) (0; 0)
26) Вершина мира (Эверест) (2; ок. 100)
27) Шоколадные горы – *устар.* - (горы Акваним) (0; 0)
28) Край заоблачных гор – *устар.* - (Кавказ) (0; 0)
29) Третий полюс (Эверест) (0; ок. 10)

названия государств

- 30) Африканский перекресток – устар. - (Верхняя Вольта) (0; 0)
- 31) Страна восходящего Солнца (Япония) (61; ок. 100)
- 32) Страна вулканов – *устар.* - (Индонезия) (0; 2)
- 33) Страна гейзеров (Исландия) (0; ок. 15)
- 34) Страна фьордов (Норвегия) (0; ок. 20)
- 35) Страна четырех стихий – *устар.* - (Канада) (0; 2)
- 36) Страна тысячи озер (Финляндия) (0; ок. 50)
- 37) Страна тысячи вод – *устар.* - (Гайана) (0; 0)
- 38) Страна семи тысяч островов (Филиппины) (0; ок. 10)
- 39) Тысячеозерный дом – устар. - (Финляндия) (0; 0)

названия стран СНГ

- 40) Край у подножия солнца – *устар.* - (Таджикистан) (0; 1)
- 41) Родина слонов (Украина) (0; ок. 15)
- 42) Родина слонов (Россия) (11; ок. 50)

регионимы – названия федеральных округов и регионов

- 43) Край голубых озер (Карелия) (0; ок. 10)
- 44) Страна голубых озер (Карелия) (0; ок. 10)
- 45) Край вечной весны – *устар.* - (Субтропическая зона Грузии) (0;

0)

названия материков и континентов;

- 46) Край земли (Арктика) (0; ок. 20)

инсулонимы – названия островов

- 47) Край тысячи озер – *устар.* - (Кольский полуостров) (0; 3)

- водное пространство, реки:

Прямое значение:

пелагонимы – названия морей, заливов

- 48) Сибирское море (оз. Байкал) (1; ок. 15)

- 49) Венгерское море (оз. Балатон) (0; ок. 25)
 50) Киргизское море (оз. Иссык-Куль) (0; ок. 10)
 51) Городское море (Воронежское водохранилище) (0; ок. 15)

Метафорическое значение

пелагонимы – названия морей, заливов

- 52) Берег бурь – *устар.* - (Бенгальский залив) (0; 0)
 53) Кухня погоды (Атлантический океан) (1; ок. 10)
 54) Океан в миниатюре – *устар.* - (Черное море) (0; 0)

океанонимы

- 55) Кладовая черного золота – *устар.* - (Каспийское море) (0; 1)

лимнонимы – названия озер

- 56) Чаша с живой водой – *устар.* - (оз. Шира) (0; 0)
 57) Жемчужина Тянь-Шаня (оз. Иссык-Куль) (0; ок. 7)
 58) Священное (славное, сибирское) море (оз. Байкал) (11; ок. 30)
 59) Всесоюзная солонка – *устар.* - (оз. Баскунчак) (0; 4)

потамонимы – названия рек и каналов

- 60) Мать русских рек (р. Волга) (0; ок. 5)
 61) Отец Рима – *устар.* - (река Тибр) (0; 0)
 62) Королева рек – *устар.* - (река Амазонка) (0; 3)

- различные государственные и административные единицы, населенные пункты:

Прямое значение

астионимы – названия городов

- 63) Центр деловой жизни Америки – *устар.* - (г. Нью-Йорк) (0; 2)
 64) Центр Азии (г. Кызыл (Тыва)) (2; ок. 10)
 65) Столица Приморья (г. Владивосток) (12; ок. 100)

астионимы-столицы – названия городов-столиц

- 66) Столица русского государства (г. Москва) (0; ок. 5)
67) Столица первого социалистического государства – *устар.* - (г. Москва) (0; 3)
68) Порт пяти морей (г. Москва) (11; ок. 15)

названия государств

- 69) Пятая республика (Франция после 1958 года) (2; ок. 50)
70) Страна Советов (СССР) (37; 2)
71) Третий рейх (Германия 1933-1945 гг.) (45; ок. 100)

Метафорическое значение:

урбанонимы – названия улиц, площадей, бульваров и т.п. в городе

- 72) Улица отдыха – *устар.* - (Арбат) (0; 0)
73) Красноярский Арбат (пр. Мира) (0; ок. 10)

названия государств

- 74) Маяк социализма – *устар.* - (социалистическая Куба) (0; 0)
75) Остров Свободы (Куба) (82; ок. 150)
76) Форпост социализма (ГДР) (0;1)

астионимы – названия городов

- 77) Черноморская крепость (твердыня) – *устар.* - (г. Севастополь)
(1; 1)
78) Флоренция на Эльбе (г. Дрезден) (1; ок. 50)
79) Федеральная деревня – *устар.* - (г. Бонн) (0; 0)
80) Фасад края – *устар.* - (г. Диксон (Красноярский край)) (0; 0)
81) Украинская Венеция (г. Вилково) (1; ок. 100)
82) Текстильная столица (г. Иваново) (1; ок. 30)
83) Столица смеха (Габрово) (0; ок. 10)

- 84) Столица моря – *устар.* - (г. Венеция) (0; 0)
- 85) Столица курортов – *устар.* - (г. Сочи) (0; 1)
- 86) Столица горючего сланца – *устар.* - (г. Сланцы) (0; 0)
- 87) Столица БАМа (г. Тында) (2; ок. 50)
- 88) Ситцевый край – *устар.* - (г. Вышний Волочок) (0; 0)
- 89) Ситцевый город – *устар.* - (г. Иваново) (0; 0)
- 90) Северный Ленинград – *устар.* - (г. Норильск) (0; 0)
- 91) Сердце Сибири (г. Новосибирск) (1; ок. 5)
- 92) Сибирское «окно в Европу» - *устар.* - (г. Игарка) (0; 0)
- 93) Северная Венеция (г. Санкт-Петербург) (11; ок. 50)
- 94) Северная Венеция* (г. Брюгге (Бельгия)) (0; ок. 50)
- 95) Северная Венеция** - *устар.* - (г. Копенгаген)) (0; 0)
- 96) Столица фонтанов (г. Петродворец) (3; 7)
- 97) Северная Пальмира (пальмира Севера) (г. Санкт-Петербург) (7; ок. 50)
- 98) Северная столица (г. Санкт-Петербург) (103; ок. 150)
- 99) Северный (петровский) парадиз – *устар.* - (г. Санкт-Петербург) (0; 0)
- 100) Петровский парадиз – *устар.* - (г. Санкт-Петербург) (0; 1)
- 101) Музей мостов – *устар.* - (г. Санкт-Петербург) (0; 0)
- 102) Окно в Европу (г. Санкт-Петербург) (50; ок. 100)
- 103) Самоварная столица (г. Тула) (0; ок. 50)
- 104) Российская Венеция – *устар.* - (г. Вышний Волочок) (0; 1)
- 105) [Пропускные] ворота страны – *устар.* - (г. Калининград) (0; 0)
- 106) Приют музыки – *устар.* - (г. Пушкин) (0; 0)
- 107) Приморская твердыня – *устар.* - (г. Владивосток) (0; 0)
- 108) Нефтяная жемчужина Сибири – *устар.* - (г. Самотлор) (0; 0)
- 109) Нефтяная жемчужина Западной Сибири – *устар.* - (г. Самотлор) (0; 0)

астионимы-столицы – названия городов-столиц

- 110) Третий Рим (г. Москва) (20; ок. 15)
- 111) Столица мировой моды (г. Париж) (1; ок. 15)
- 112) Сердце Грузии (г. Тбилиси) (0; 8)
- 113) Сердце Родины (г. Москва) (5; ок. 10)

урбанонимы – названия улиц, площадей, бульваров и т.п. в городе

- 114) Русская Бастилия (Петропавловская крепость) (0; ок. 20)
- 115) Фабрика грез (Голливуд) (18; ок. 100)
- 116) Причал Вселенной (космодром Байконур) (0; 8)
- 117) Курортная Мекка – *устар.* - (Ундоровские минеральные воды – Ундоры) (0; 0)

- разные объекты

Прямое значение

названия государств

- 118) Государство в государстве (Ватикан) (0; 0)

названия материков и континентов

- 119) Пятый континент (Австралия) (1; ок. 15)
- 120) Шестой континент (Антарктида) (7; ок. 20)

астионимы - названия городов

- 121) Научный центр Сибири (г. Новосибирск) (0; ок. 5)
- 122) Бородинское поле Великой Отечественной войны – *устар.*- (Поле под Прохоровкой) (0; 0)

Метафорическое значение

инсулонимы – названия островов

- 123) Остров Афродиты (о. Кипр) (7; ок. 25)
- 124) Край вулканов (п-ов Камчатка) (0; ок. 10)
- 125) Всесоюзная здравница (п-ов Крым) (5; ок. 80)
- 126) Всероссийская здравница (п-ов Крым) (0; ок. 50)
- 127) Жемчужина Беломорья – *устар.* - (Соловецкие острова) (1; 2)
- 128) Жемчужина Ладоги (о. Валаам)(0; 11)
- 129) Край тысячи озер – *устар.* - (Кольский п-ов) (0; 3)
- 130) Остров пряностей – *устар.* - (о. Гренада) (0; 1)
- 131) Остров солнца – *устар.* - (Сицилия) (0; 1)
- 132) Полуостров сокровищ – *устар.* - (Мангышлак) (0; 1)
- 133) Сахарный остров – *устар.* - (о. Негрос – Филиппины) (0; 0)
- 134) Сахарница Европы – *устар.* - (о. Маврикий) (0; 0)
- 135) Черепаший рай – *устар.* - (о. Минданаго – Филиппины) (0; 0)

урбанонимы – названия улиц, площадей, бульваров и т.п. в городе

- 136) Остров музеев (один из районов Берлина) (2; ок. 5)

астионимы – названия городов

- 137) Мировая столица СПИДа – *устар.* - (г. Нью-Йорк) (0; 0)
- 138) Маленькая Венеция – *устар.* - (Кьоджа, Италия) (0; 0)
- 139) [Легендарная] цитадель над Бугом (г. Брест) (0; ок. 10)
- 140) Военная столица – *устар.* - (г. Санкт-Петербург) (0; 0)
- 141) Город белых ночей (г. Санкт-Петербург) (2; 4)
- 142) Город дождей и туманов – *устар.* - (г. Санкт-Петербург) (0; 1)
- 143) Город-фронт – *устар.* - (г. Санкт-Петербург) (0; 0)
- 144) Гранитный город – *устар.* - (г. Санкт-Петербург) (0; 0)
- 145) Криминальная столица России (г. Санкт-Петербург) (2; ок. 10)
- 146) Алмазная столица (г. Мирный) (0; ок. 50)

- 147) Город крылатого металла – *устар.* - (Красноярск) (0; 0)
- 148) Город фонтанов (Петродворец) (1; ок. 10)
- 149) Жемчужина искусств – *устар.* - (г. Петродворец) (0; 0)
- 150) Город спорта и здоровья – *устар.* - (Дивногорск) (0; 1)
- 151) Город стекла – *устар.* - (Новий-Бор, Чехия) (0; 0)
- 152) Город на крыше мира – *устар.* - (Пуно, Перу) (0; 0)
- 153) Восточные ворота Италии – *устар.* - (г. Триест) (0; 0)
- 154) Ворота на Кавказ (г. Ростов-на-Дону) (0; ок. 5)
- 155) Европейский перекресток – *устар.* - (Люксембург) (0; 2)
- 156) Заполярная столица – *устар.* - (г. Норильск) (0; 3)
- 157) Жемчужина Заполярья (г. Норильск) (0; 11)
- 158) Жемчужина Адриатики (г. Венеция) (2; 7)
- 159) Волжская твердыня (г. Волгоград) (0; 6)
- 160) Город воды – *устар.* - (Осака, Япония) (0; 0)
- 161) Вторые ворота БАМа – *устар.* - (г. Северобайкальск) (0; 0)
- 162) Жемчужина у моря (г. Одесса) (6; ок. 40)
- 163) Жемчужина Черноморья (г. Одесса) (0; 5)
- 164) Город каналов (Венеция) (1; ок. 5)
- 165) Амазонская Венеция – *устар.* - (г. Икитос, Перу) (0; 0)
- 166) Столица БАМа (Тында) (2; ок. 50)
- 167) Город братской любви (Филадельфия, США) (0; ок. 50)
- 168) Летняя (курортная) столица [России] – *устар.* - (Сочи) (0; 3)
- 169) Столица Дона (Ростов-на-Дону) – *устар.* - (2; 2)
- 170) Всесоюзная здравница (Пятигорск) (0; 5)
- 171) Всероссийская здравница (Ессентуки) (0; ок. 10)
- 172) Город Большого яблока (Нью-Йорк) (6; 5)
- 173) Столица мира (Нью-Йорк) (1; ок. 5)
- 174) Финансовый центр (Нью-Йорк) (0; 5)
- 175) Культурная столица Швейцарии (Базель) (0; ок. 10)

- 176) Город ангелов (Лос-Анджелес, США) (2; ок. 20)
- 177) Игровая столица [мира] (Лас-Вегас, США) (2; ок. 20)
- 178) Город белых ночей (Санкт-Петербург) (2; ок. 10)
- 179) Город трех революций (Санкт-Петербург) (5; ок. 5)
- 180) Город с областной судьбой (Ленинград, Санкт-Петербург) (3; ок. 10)
- 181) Колыбель [трех] революций (Санкт-Петербург) (2; ок. 20)
- 182) Культурная (трамвайная) столица (Санкт-Петербург) (17; ок. 100)
- 183) Трамвайная столица (Санкт-Петербург) (0; ок. 5)
- 184) Культурная столица Поволжья (Пермь) (8; ок. 10)
- 185) С берегов Невы (Санкт-Петербург) (132; ок. 20)
- 186) Город нашенский (Владивосток) (3; ок. 100)
- 187) Город на воде (Венеция) (3; ок. 15)
- 188) Город юности (Комсомольск-на-Амуре) (4; ок. 10)
- 189) [Исторический] город русской военной славы (Севастополь) (0; ок. 50)
- 190) Город ветров (Чикаго) (1; ок. 25)

астионимы-столицы – названия городов-столиц

- 191) Вечный город (Рим) (34; ок. 100)
- 192) Мекка моды (г. Париж) (0; ок. 15)
- 193) Мать (матерь) русских городов (г. Киев) (0; ок. 15)
- 194) Мастерская вестернов – *устар.* - (Голливуд) (0; 0)
- 195) Город дождей и туманов (Лондон) (0; ок. 10)
- 196) Знаменосец мира – *устар.* - (г. Москва) (0; 0)
- 197) Город на семи холмах (Москва) (0; ок. 30)
- 198) Город дружбы (Ташкент) (0; ок. 10)
- 199) Венеция Тихого океана – *устар.* - (Манагуа, Никарагуа) (0; 0)
- 200) Азиатский Нью-Йорк – *устар.* - (г. Сингапур, Сингапур) (0; 0)

- 201) Азиатская Венеция (г. Бангкок, Таиланд) (0; 8)
- 202) Жемчужина Дуная (Будапешт, Венгрия) (0; ок. 50)
- 203) Северная столица* (г. Хельсинки) (0; 2)
- 204) Северная столица** (г. Стокгольм) (0; 2)
- 205) Северная столица*** (г. Копенгаген) (0; 2)
- 206) Город добрых ветров (Буэнос-Айрес, Аргентина) (0; 10)
- 207) Город льва (г. Сингапур, Сингапур) (3; ок. 20)
- 208) Африканская Венеция – *устар.* - (г. Ганвье, Бенин) (0; 4)

названия государств

- 209) Город прохладных вод – *устар.* - (Найроби) (0; 0)
- 210) Крыша Африки – *устар.* - (Лесото) (0; 4)
- 211) Американская Швейцария (Уругвай) (0; 4)
- 212) Американская Швейцария – *устар.* - (Свазиленд) (0; 0)
- 213) Бессарабская Швейцария – *устар.* - (Кодры) (0; 0)
- 214) Страна кенгуру (Австралия) (0; ок. 20)
- 215) Арктическая Сахара – *устар.* - (Гренландия) (0; 0)
- 216) Рай для небогатых – *устар.* - (Чехия) (0; 0)
- 217) Жемчужина Африки (Уганда) (0; ок. 20)
- 218) Заповедник социализма – *устар.* - (КНР) (0; 0)
- 219) Заповедник социализма (Белоруссия) (0; ок. 10)
- 220) Земля обетованная (Израиль) (2; ок. 50)
- 221) Земля Эллады (Греция) (0; ок. 15)
- 222) Империя зла (Советский Союз) (11; ок. 20)
- 223) Золотой берег (Гана) (0; ок. 10)
- 224) Банановые вассалы – *устар.* - (Гватемала, Гондурас, Сальвадор)
(0; 0)
- 225) Банановые республики – *устар.* - (Гватемала, Гондурас,
Сальвадор) (0; 2)
- 226) Латиноамериканская Швейцария – *устар.* - (Коста-Рика) (0; 4)

- 227) Логово банкиров – *устар.* - (Швейцария) (0; 0)
- 228) Мастерская мира (Великобритания в XIX – нач. XX вв.) (0; ок. 10)
- 229) [Могучая] алмазодобывающая держава – *устар.* - (ЮАР) (0; 0)
- 230) Республика чая – *устар.* - (Грузия) (0; 0)
- 231) Страна дождей и туманов – *устар.* - (Англия) (0; 4)
- 232) Страна изумрудов – *устар.* - (Колумбия) (0; 3)
- 233) Страна за Великой Стеной (Китай) (0; 1)
- 234) Родина самураев (Япония) (0; 3)
- 235) Родина карате (Япония) (0; ок. 10)
- 236) Поднебесная империя (Китай) (4; ок. 100)
- 237) Страна фарфора (Китай) (0; 3)
- 238) Страна велосипедов (Китай) (1; 1)
- 239) Срединное царство (Китай) (0; ок. 50)
- 240) Срединная цветущая страна всеобщей гармонии народа (Китай) (0; 3)
- 241) Страна утренней свежести (Корея) (5; ок. 10)
- 242) Родина зороастризма (Персия, Иран) (0; 2)
- 243) Страна тюльпанов (Голландия) (2; ок. 15)
- 244) Страна кедра – *устар.* - (Ливан) (0; 3)
- 245) Страна кленового листа (Канада) (2; ок. 50)
- 246) Страна орлов – *устар.* - (Албания) (0; 0)
- 247) Страна пирамид (Египет) (4; ок. 50)
- 248) Родина монашества (Египет) (0; ок. 5)
- 249) Всероссийская здравница (Турция) (2; ок. 15)
- 250) Всероссийская здравница (Египет) (1; ок. 15)
- 251) Страна плоских камней – *устар.* - (Канада) (0; 0)
- 252) Тюрьма народов (царская Россия) (3; ок. 15)
- 253) Страна Достоевского (Россия) (2; ок. 10)

- 254) Страна Толстого (Россия) (0; 3)
- 255) Страна Чайковского (Россия) (0; 3)
- 256) Страна водки (Россия) (0; 4)
- 257) Нигерия под снегом (Россия) (0; 6)
- 258) Родина слонов (Россия) (12; ок. 15)
- 259) Верхняя Вольта с ядерными боеголовками (без ядерных боеголовок) (Россия) (0; 7)
- 260) Туманный Альбион (Англия) (161; ок. 150)
- 261) Страна диких обезьян (Бразилия) (0; ок. 20)
- 262) Страна карнавалов (Бразилия) (0; ок. 15)
- 263) Страна футбола (Бразилия) (1; ок. 5)
- 264) Пролетарский рай – *устар.* - (Советский Союз) (0; 2)
- 265) Национальные квартиры – *устар.* - (бывшие союзные республики СССР, независимые национальные государства) (1; 3)
- 266) Княжество игорных домов – *устар.* - (Монако)(0; 0)
- 267) На берегах Нила – *устар.* - (Египет) (3; 1)

названия стран СНГ

- 268) Хлопковая республика (Узбекистан) (0; ок. 5)
- 269) Нефтяной арсенал страны – *устар.* - (Азербайджан) (0; 0)
- 270) Лаборатория дружбы народов (Казахстан) (0; ок. 10)
- 271) Житница страны – *устар.* - (Украина) (0; ок. 15)
- 272) Страна 404 (Украина) (0; ок. 10)
- 273) Родина Гоголя (Украина) (0; ок. 10)
- 274) Незалежная держава (Украина) (0; ок. 10)

регионимы – названия федеральных округов и регионов

- 275) Ключи от Белого Дома – *устар.* - (штат Филадельфия, США, в 2000 году) (0; 0)
- 276) Край непуганых секретарей – *устар.* - (Ставрополье) (0; 0)
- 277) Всесоюзная кочегарка (Донбасс) (0; ок. 50)

- 278) Алмазный край (Якутия) (0; ок. 20)
- 279) Кузница (кузнец) страны (Урал) (0; ок. 10)
- 280) Музыкальные целины – *устар.* - (Сибирь и Дальний Восток) (0; 0)
- 281) Опорный край державы (Урал) (0; ок. 50)
- 282) Порог Арктики – *устар.* - (Заполярье) (0; 0)
- 283) Родина носатых башмаков (Бургундия) (0; 0)
- 284) Рыбный цех страны – *устар.* - (Дальний Восток) (0; 2)
- 285) Текстильный край (Ивановская область) (0; ок. 10)
- 286) Третья угольная кочегарка (Карагандинский угольный бассейн) (0; ок. 5)
- 287) Угольный край (Донбасс) (0; ок. 15)
- 288) Янтарный край (Калининградская область) (7; ок. 30)
- 289) Текстильный край (Ивановская область) (0; ок. 5)
- 290) Мекка американского виноделия – *устар.* - (Калифорния) (0; 0)
- 291) Край солнечного камня (Прибалтика) (1; ок. 15)
- 292) Янтарный край – *устар.* - (Прибалтика) (0; 2)
- 293) Последний бастион староверов – *устар.* - (Аляска) (0; 0)
- 294) Страна тумана – *устар.*- (Скандинавия) (0; 0)
- 295) Мягкое подбрюшье Европы (Балканы) (1; ок. 50)

названия материков и континентов

- 296) Ледяные купола [планеты] – *устар.* - (Арктика и Антарктида) (0; 0)
- 297) Новый Свет (Северная Америка) (118; ок. 10)
- 298) Старый Свет (Европа) (179; ок. 150)
- 299) Колыбель цивилизации (Европа) (0; ок. 50)
- 300) [Новая] всесоюзная кочегарка – *устар.* - (Экибастузский угольный бассейн) (0; 0)

- 301) Пылающий континент (Латинская Америка) (1; ок. 15)
302) Старый континент (Европа) (11; ок. 50)
303) Шапка планеты – *устар.* - (Антарктида) (3; 0)
304) Купол планеты – *устар.* - (Антарктида) (0; 0)
305) Шапка мира – *устар.* - (Арктика) (0; 0)
306) Макушка Земли (Арктика) (0; ок. 50)

инсулонимы – названия островов

- 307) Остров пряностей – *устар.* - (о. Гренада) (0; 2)
308) Изумрудный (чайный) остров (Шри-Ланка) (0; ок. 10)

Хроматический признак:

Прямое значение

астионимы – названия городов

- 309) Город у красного яра (Красноярск) (0; ок. 10)

Метафорическое значение

названия государств

- 310) Красная земля – *устар.* - (Куба) (0; 2)
311) Страна Белого слона (Таиланд) (0; ок. 5)
312) Белая колония – *устар.* - (Ирландия) (1; 0)
313) Сырьевая сверхдержава (Россия) (0; ок. 12)
314) Энергетическая сверхдержава (Россия) (12; ок. 15)

астионимы – названия городов

- 315) Черная жемчужина Сибири (г. Самотлор) (0; 0)
316) Желтый город – *устар.* - (г. Санкт-Петербург) (0; 0)
317) Город желтого дьявола (Нью-Йорк) (6; ок. 15)

астионимы-столицы – названия городов-столиц

- 318) Черный город (Баку) (4; ок. 10)
319) Белокаменная столица (г. Москва) (0; ок. 10)

названия материков и континентов

- 320) Белый (ледовитый, ледяной) материк (Антарктида) (2; ок. 20)
321) Белые купола планеты – *устар.* - (Арктика, Антарктика) (0; 0)
322) Белые магниты – *устар.* - (Арктика, Антарктика) (0; 0)
323) Зеленый континент (Австралия) (21; ок. 100)
324) Черный континент (Африка) (31; ок. 50)

потамонимы – названия рек и каналов

- 325) Голубое шоссе столицы – *устар.* - (Москва-река) (0; 0)

Признак отношения к группе людей, отдельным людям:

Прямое значение:

астионимы – названия городов

- 326) Родина В.И. Ленина – *устар.* - (г. Ульяновск) (0; 1)
327) Родина Ильича (Ленина) (Ульяновск) (5; ок. 10)

Метафорическое значение

астионимы – названия городов

- 328) Столица газовиков – *устар.* - (г. Уренгой) (0; 1)
329) Столица газовиков (Новый Уренгой) (0; 4)
330) Столица гангстеров (г. Чикаго) (5; 1)
331) Столица мафии - *устар.* - (г. Палермо) (0; 1)
332) Петра творенье (г. Санкт-Петербург) (5; 1)
333) Город (град) Святого Петра – *устар.*- (г. Санкт-Петербург) (0; 3)
334) Город Ленина – *устар.* - (г. Санкт-Петербург)(1; 0)

- 335) Город строителей Красноярской ГЭС – *устар.* - (Дивногорск) (0; ок. 10)
- 336) Город художников (Сентендре, Венгрия) (0; ок. 10)
- 337) Город королей (Краков) (0; ок. 10)
- 338) Город невест (Иваново) (11; ок. 50)
- 339) Город оружейников (Тула) (4; ок. 50)
- 340) Город мастеров (Тула) (0; ок. 15)
- 341) Город Галлея – *устар.* - (Рио-де-Жанейро) (0; 0)
- 342) Город князя Игоря – *устар.* - (Новгород-Северский) (0; 0)
- 343) Город князя Ярослава (Мудрого) – *устар.* - (Ярославль) (0; 0)

астионимы-столицы – названия городов-столиц

- 344) Столица нового бомонда (г. Москва) (0; 0)

названия государств

- 345) Земля (страна) викингов (Швеция) (0; ок. 5)
- 346) [Раннекапиталистическая] держава Ельцина – *устар.* - (Россия) (0; 0)
- 347) Страна мафии (Россия) (0; 3)
- 348) Страна балета (Россия) (0; 3)
- 349) Страна ацтеков (Мексика) (0; ок. 15)
- 350) Страна великих живописцев (Италия) (0; 2)
- 351) Страна друзей – *устар.* - (Монголия) (0; 0)
- 352) Страна золотых пагод (Мьянма) (0; ок. 10)
- 353) Страна снежного человека – *устар.* - (Непал) (0; 0)
- 354) Родина Будды (Непал) (0; ок. 20)
- 355) Страна кочевников (Монголия (в прошлом)) (0; ок. 10)
- 356) Страна Вильгельма Телля (Швейцария) (0; 4)
- 357) Страна гурманов (Франция) (1; ок. 15)
- 358) Дядя (дядюшка) Сэм (США) (39; ок. 100)

359) Земля (страна) викингов (Норвегия) (1; ок. 10)

инсулонимы – названия островов

360) Остров Кастро – *устар.* - (Куба) (0;0)

361) остров зари багровой (Куба) (3; ок. 50)

регионимы – названия федеральных округов и регионов

362) Земля Ермака – *устар.* - (Сибирь) (0; 0)

363) Страна скифов – *устар.* - (Причерноморье и Приднепровье в V в.
н. э.) (0; 0)